

ПЕЧОРСКИЕ
БЫЛИНЫ
И ПЕСНИ

ПЕЧОРСКИЕ БЫЛИНЫ И ПЕСНИ

ЗАПИСАЛ И СОСТАВИЛ
Н. П. ЛЕОНТЬЕВ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК 1979

Леонтьев Николай Павлович.

Л47 Печорские былины и песни. Записал и составил Н. П. Леонтьев. — Архангельск, Св.-Зап. кн. изд-во, 1979. — 354 с., ил.

Записал печорские былины и песни и составил этот сборник Н. П. Леонтьев, посвятивший изучению устного народного творчества Севера многие годы своей жизни. Сорок лет назад, в 1939 г., в Архангельске был издан подготовленный им сборник «Печорский фольклор». Настоящее издание представляет собой значительно более широкое собрание печорских былин и песен, сопровождаемое вступительной статьей и примечаниями составителя.

Л $\frac{0731-019}{M157(03)-79}$ **1-19-79**

РФ

**Научный редактор кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А. М. Горького АН СССР А. И. Баландин**

ПЕВУЧИЕ ДУМЫ НАРОДА

В сентябре 1936 года я впервые приехал на Печору. Всего лишь за год до этого недалеко от ее устья возник Красный город — Нарьян-Мар, административный и культурный центр молодого Ненецкого национального округа. Как заведующий отделом культуры и быта в местной газете «Красный тундровик» (по-ненецки — «Няръяна вындер») я получил возможность широкого общения с местными жителями — ненцами, коми и русскими из коренного населения.

Уже в первые дни знакомства с печорцами меня удивили и порадовали некоторые особенности их обыденной разговорной речи. Будучи немногословными, жители Печоры умеют сказать многое: коротенькая реплика оборачивается у них сгустком смысла, слова, сочетаясь друг с другом, как бы кристаллизуются в афоризм, мысль обретает крылья. В живой речи печорцев без особого труда обнаруживаются все элементы народной поэзии.

Со времени Первого Всесоюзного съезда советских писателей запомнились мне советы А. М. Горького: «Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его». Эти слова нашли в моей душе особый отклик, так как я с детских лет жил в окружении сказок и легенд, песен и бабьих приплачек, торжественных и мрачных обрядов, таинственных заклятий, которыми матери оберегали своих детей от хвори и «сглаза» лихого человека и от всевластных в ту пору стихий.

С тех пор осталось у меня навсегда ощущение того, что существует целый мир, отличный от мира обыкновенных вещей и понятий — мир простодушного и в то же время мудрого народного поэтического слова. Еще не зная самого названия — фольклор, я был уже очарован им.

В декабре 1936 года проходила первая в истории Ненецкого

округа олимпиада самодеятельного художественного творчества. На нее съехались посланцы Нижнепечорья, Канино-Тиманского района, всех четырех ненецких тундр — Большой и Малой земель, Тиманской и Канина носа.

На сцене Нарьянмарского городского театра исполнялась былина «Илья Муромец и Сокольник». Пел ее редкостный знаток богатырского эпоса, 72-летний Василий Петрович Тайбарейский, колхозник из с. Лабожского Нижнепечорского района, рыбак и охотник, представительный с виду, с пытливым взглядом. Отец его был ненец оленевод, мать — русская.

В олимпиаде участвовали самодеятельные хоры русской песни из Оксино и Верхней Пёши, звонкоголосые частушечницы-ненки сестры Лагейские, 72-летняя песенница из д. Омы Елена Павловна Кокина, исполнившая под аккомпанемент своей старинной русской гармошки тексты такой древности, что их трудно было отыскать даже в записях фольклористов начала прошлого века. Звучали со сцены ненецкие легенды и русские сказки.

Олимпиада продолжалась целую неделю, и все эти дни я почти непрерывно беседовал со знатоками народного творчества, записывая сохраненные ими творения, как бы сотканые из словесного жемчуга. И в дальнейшем я использовал каждую свою корреспондентскую командировку, чтобы записывать от хранителей фольклора все новые и новые тексты былин, сказок, песен, побывальщин, частушек, пословиц поговорок и даже произведений такого редкостного уже в ту пору жанра, как заговоры.

За год у меня накопился материал, достаточный для самостоятельного сборника «Печорский фольклор», который был издан в Архангельске в 1939 году.

А через год я предпринял путешествие в верховья Печоры: приобретя лодку, три месяца кочевал от деревни к деревне. И изо дня в день передо мной проходили вереницы песенниц, сказочников, плакальщиц, частушечниц, деревенских затейников и краснословов. Это были и совсем юные девушки и юноши, и убеленные сединами старцы. Последние обладали явным преимуществом перед молодежью, которая перенимала лишь какую-то частичку из обширного репертуара старшего поколения, причем обычно тексты у молодых исполнителей представляли в укороченном, в «растаявшем» виде.

Разница в возрасте людей, от которых я записывал фольклор (от 16-летней частушечницы Марии Шубиной из д. Верхняя Пеша — до 82-летней Ирины Григорьевны Дуркиной из Усть-Цильмы), превышает шесть с половиной десятилетий. Но и старики, и молодежь были единодушны в своей приверженности к стихии устно-поэтического слова.

В сборнике представлены былины о Святогоре, в которых фанта-

зией народа создан образ величайшего из русских богатырей. Для него удары палицей даже такого богатыря, как Илья Муромец, так же мало ощутимы, как падение шишки с дерева («Ветра нет, а шишки падают»). Илью вместе с его конем Святогор свободно помещает в карман. Сама мать-земля не в силах держать на себе Святогора, потому он и вынужден ездить только по горам.

В д. Гареве, что под Троицко-Печорском, мне посчастливилось услышать былинную про смерть Святогорову. Пел эту былинную Семен Антонович Хозяинов. А в Троицко-Печорском я записал от Александра Михайловича Бажукова еще один вариант этой былины, но уже в прозаическом пересказе. Самодельная эта сказка изобилует конкретными, вполне земными подробностями богатырского бытия.

Ни один из сказителей не сомневался в реальности существования былинных героев, этих представителей русской силы и могущества, удали и доблести. У каждого из былинщиков была разработана своя хронология их подвигов и свершений. Как правило, сказители были единомышленны в оценке событий, но расходились в отдельных деталях. Например, если Иван Кириллович Осташов с Нижней Печоры в своей былинной «Илья Муромец в опале у Владимира» выводил Илью под собственным именем, то в «сказке» А. М. Бажукова на эту же тему Илья на именинах Владимира появлялся под именем Никиты Заолешанина. Неузнанный, он был посажен на пир среди челяди. И если Василий Прокопьевич Носов из Усть-Цильмы в своей былинной «Про солнышко Владимира» главным героем выводил Илью Муромца, то у некоторых других былинщиков Печоры на первый план в этой былинной выступал Дунай Иванович, его именем и называлась былина. Так, в былинной «Про женитьбу Владимира», записанной мною от И. К. Осташова в д. Смекаловке, сватом от Владимира едет за море Дунай Иванович в сопровождении Ильи Муромца и Алеши Поповича.

В ту пору, лет сорок назад, былины и исторические песни были само собой разумеющимся и необходимым элементом быта, мало того — составной частью бытия печорцев. Но посещая печорские края в более позднее время (1944, 1949—1951 и 1962—1963 гг.), мне с сожалением пришлось наблюдать почти полное исчезновение былинного эпоса.

Когда-то Василию Петровичу Тайбарейскому подпевали былины его сыновья Гавриил, Никандр и Константин. Но они запомнили лишь отрывки из отцовского репертуара, а потом и вовсе забыли их. Не оказалось преемников и у таких известных былинщиков, как Иван Кириллович Осташов, Василий Прокопьевич Носов и Игнатий Терентьевич Марков. Вместе с ними ушла в небытие лебединая песня старины — былины.

Но мы должны быть благодарны этим «последним из могикан»

былинной поэзии за то, что они донесли до нас, современников, ценнейшее дедовское наследие, запечатленное ныне в печатном слове.

* * *

Не менее прекрасные образцы высокохудожественной устной поэзии сохранили печорцы в жанре народной песни. Историей установлено, что группы населения, оттесненные по тем или иным причинам на окраины, в более труднодоступные края, оказывались самым верным и надежным хранителем древнего национального наследия. Известны окраинные сибирские села, где и по сейчас говорят на русском языке, сохранившем особенности, характерные для XVII века. Нечто подобное произошло и с потомками перво-засельщиков Печоры — новгородских ушкуйников, староверов, бежавших сюда от царских гонений в годы неистовства патриарха Никона и позже: они сохранили песенное наследие с тех времен чуть ли не до середины XX века.

В сборнике «Печорские былины и песни» читатель найдет многочисленные тому подтверждения. Певучая душа русского народа трепетно отзывалась на все значительные события в родной истории, гневно протестовала против любых проявлений социальной несправедливости, чутко откликалась на многообразные явления в личной и общественной жизни. Все это нашло многогранное отражение в печорских песнях.

Николай Леонтьев

БЫЛИНЫ

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Во селе было во Кракове.
У Ивана сына Тимофеева
Был сын Ильья Муромец.
Тридцать лет он сидел без рук, без ног.
На тридцатом году пришел бел старик,
Бел старик Снежна Груда.
Просит милостыню ради Христа и ради господа.
— Я не то что подать, — а готов я сам принять.
Бел старик отвечает Илье Муромцу:
— Я подам тебе милостыню ради Христа,
Подам тебе краюшку дару божьего.
Съешь, Илья, краюшку дару божьего,
Растягай, Илья, руки белые,
Шевели, говорит, ногами резвыми,
Вставай, Илья, да на резвы ноги.
Илья протягал руки белые,
Шевелил Илья ноги резвые,
Вставал Илья да на резвы ноги.
Отвечает Илья да сын Иванович:
— Посиди-косо, старик да Снежна Груда,
Схожу я к Ивану Тимофееву —
Нет ли у него квасу-хмелю пьяного
(Иван-то в другой комнате жил).
Принес Илья квасу-хмелю пьяного:
— Выпей бел старик да Снежна Груда!
Отвечает Илье бел старик:
— Впереди подателя — пой — не пьет,
Выпей-ко ты, Илья Иванович!
Илья выпил квасу-хмелю пьяного
(Сам наперед!),
Спрашивает бел старик Илью Муромца:
— Много ли ты силы имешь?
— Если был бы во сырой земле сырой дуб,
Во сыром дубу было бы кольцо,
Поворотил бы я всю землю-матерь поселенную.
Появилась перед ним дернина земли-мати.

— Приздынь ее, — говорит бел старик Снежна Груда.

Первый раз признал Илья до пояса,
Второй раз признал до колена,
Третий раз признал — только сшевелил.
Говорит Илье старик Снежна Груда:
— Довольно тебе той силы.

Бел старик тут у его и потерялся.
Пошел Илья к отцу-матери, —
Отца-матери дома не случилось
(Ушли поле копать).

Пошел Илья к отцу к матери
(Где они поле копают).

Увидала его мати: «Наш Илья идет!»
— Какой тебе Илья, — говорит отец, —
Наш Илья тридцать лет без рук, без ног.

Пришел Илья к отцу к матери.
— Здравствуйте, отец и матушка,
Божья вам помощь — поле копати.
Давно ли вы поле копаете?
— Мы уже поле копам целых тридцать лет.
— Охота мне сходить в стольной Киев-град,
Посмотреть князя и со княгинею,
Посмотреть всех русских богатырей.
Отвечает отец Илье Муромцу:
— Есть у меня в конюшенном доме
двенадцать лошадей.

Пошел Илья выбирать коней:
На которого руку положит — тот и с ног падет,
А на которого взглянет — кожа валом идет.
Отвечает отец Илье Муромцу:
— Есть у меня сивушко-бурушко,
На семи стоит цепях и на семи замках.
Навалена на ем плита чугунная,
Плитой овладать — и конем будешь владеть.

Подошел к плиты Илья, пнул ногой —
Улетела плита в поле чистое.
Выводил Илья коня доброго,
Седлал-уздавал коня доброго —
Не ради басы, а ради крепости.
Выезжал он тогда в поле чистое. —
Лежит во поле сер-горюч камень,
Написаны на камню подписи глубокие,
Подписи глубокие, подрези немецкие.

Старой читал и головой качал:
«От этих расстаней есть три дороги:
Перва дорожка — быть женатому,
Друга дорожка — быть богатому,
По третьей дорожке ехать — живому не быть».
— На что мне на старость быть богатому,
На что мне на старость быть женатому —
Поеду по дорожке — где живу не быть.

Наехал Илья на первую заставу,
На плутов наехал, на разбойников.
Тут и вышли тридцать три разбойника,
Стали имать Илью Муромца.
Отвечает им Илья Муромец:
— Вам бить-то меня не за что,
Вам взять-то у меня нечего —
Нету у меня золотой казны,
Нету у меня молодой жены,
Нету у меня малых детей,
Нету у меня старца отца,
Нету у меня старой матери,
Нету у меня стара дедушки,
Нету у меня старой бабушки,
У старого смерть страховита да полохливая.
Нет ли у вас молодых-то жен?
Не останутся ли у вас малы деточки,
Стары бабушки и стары дедушки?

Еще пуще приступают к Илье Муромцу,
Стали его вязать вязками.
Он повырвал все ихны вязы-вязочки,
Хватал он разбойника за ноги —
Которой всех побольше, которой всех потолще.
— Ты долог, собака, — не сорвешься,
Толстой ты, собака, не сломишься!

И начал им других охобачивать:
У иного он ноги выломал,
У другого он глаза выкопал.
Связал он разбойников вязками

(Вместях).

— Один — неси, другой — указывай,
Детям своим каждый наказывай:
По этой дорожке ездит Илья Муромец.

Поехал Илья в стольной Киев-град.
Наехал он на Соловья Рахматова.
Сидит Соловей на семи дубах,

На семи дубах, на восьми падубках,
Свистит-то он по-змеиному,
Ревет-то он по-звериному,
Убиват людей громким голосом.
Натягал Илья свой тугой лук,
Он клал свою каленú стрелу,
Ко стрелы Илья приговаривал:
— Лети, моя калена стрела,
Выше лесу-то, лесу темного,
Пониже облака ходячего,
Упади, стрела, Соловью в правый глаз!

Полетел Соловей с семи дубов,
На полете старóй его подхватывал,
Вязал его к седлу кониному.
Ехал старóй в стольной Киев-град.
Увидали соловьевы деточки:

— Татенька везет богáтыря!

Отвечает им родна маменька:

— Богатырь везет вашего татеньку.
Подъте, подыньте подворотницу чугунную.

Приехал старóй Илья Муромец,
Чрез ограду перескочил на добрóm кони,
Сронил Илья плиту чугунную,
Всех в доме их выкочкал.

Ехал теперь в стольный Киев-град
К солнышку-батюшку на почестен пир.

Заходил Илья на почестен пир:

— Здравствуй, солнышко-батюшко,
Здравствуйте, все русские богатыри!

Солнышко-батюшко спросил Илью:

— Ты отколь приехал, доброй молодец?

— Я, — говорит, — из села Каракова,
Сын Ивана Тимофеева.

— Давно ли, Илья, из двора выехал?
Ведь надобно ехать на округу.

— Ехал я дорожкой прямоезжейей.

Отвечает ему солнышко-батюшко:

— Есть там Соловей Рахматович,
Убиват он своим громким голосом.

Та дорожка зарастала тридцать лет:

Черный ворон туда не пролетывал,

Добрый молодец не прохаживал.

— Вы не верите мне! — говорит Илья, —
Привез я на показ Соловья Рахматова.

Пошел звать солнышко-батюшко
Того ли Соловья Рахматова.
Отвечает ему Соловей Рахматович:
— Не вашу я хлеб-соль кушаю,
Не вас я и слушаю.
Попросил солнышко Илью Муромца:
— Занеси в избу Соловья Рахматова.
Он занес Соловья Рахматова,
Посадил Соловья он к венику.
Заставили Соловья зареветь по-звериному,
Запеть его по-соловьиному.
Старой казак велел петь треть свистом,
Князя Илья взял под правую руку,
А княгиню взял под левую руку.
Заревел Соловей о полусвиста —
Бояра, как овсяные мешки, распадались.
Старой казак ссек у Соловья голову.
Тут начал солнышко-батюшко
Илью Муромца поить-угощать,
Подарил ему он кунью шубу,
Кунью да соболиную.

2. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

Сидел Илейка без рук, без ног,
На печи сидел Илейка тридцать лет.
Ушли у него отец-мать на поле,
Сидит Илейка один на печке-муравленке,
Под окно пришли калики перехожие:
— Подай, Илейка, милостыню ради Христа!
Говорит Илейка таково слово:
— Ой есь, калики перехожие,
Рад бы я подать,
И не действуют ни руки, ни ноги:
Сижу я тридцать лет без рук, без ног.
Говорит калика перехожая:
— Протяни, — говорит, — праву ноженьку.
Протянул он праву ноженьку —
Поддействовала его да права ноженька.
— Протяни, — говорит, — леву ноженьку.
Протянул он леву ноженьку —
И поддействовала его лева ноженька.

Слез он с печки-муравленки,
Говорил он таково слово:
— Ой есь, калики перехожие,
Подействовали у меня резвы ноги,
Не действуют у меня белы руки,
Не могу я вам подать милостыню.
Говорит калика перехожая:
— Протяни, — говорит, — праву рученьку.
Протянул Илья праву рученьку —
Подействовала его права рученька.
— Протяни, — говорит, — леву рученьку.
Протянул Илейка леву рученьку —
Подействовала его лева рученька.
Вынес он буханочку и подал им.
Говорят калики перехожие:
— Ой еси, Илеюшко,
Спустишь ты к матери во глубок погреб,
Подынь ты зачерпни кружку квасику.
Спустился он во глубок погреб,
Поднял он квасу круженьку.
Говорит калика перехожая:
— Ой еси ты, Илейка Муромец,
Выпей ты эту квасу круженьку.
Выпил Илейка квасу круженьку.
— Что, Илейка, ты по се чувствуешь?
— Чувствую я по се силоньки.
— Спустишь еще во глубок погреб,
Подынь еще кружку зелена вина.
Поднял он кружку зелена вина.
Говорит калика перехожая:
— Выпей, Илейка, эту круженьку.
Выпил Илейка эту круженьку.
Говорит калика перехожая:
— Что ты, Илейка, по се чувствуешь?
Говорит-то Илейка Муромец:
— Столько я чувствую в себе силоньки,
Было бы кольцо во сырой земли,
Поворотил бы я мать-сыру землю.
Говорят калики перехожие:
— Дали мы ему силы множество,
Убавить надо силы половинушку.
Убавили силы половинушку,
Потерялись калики перехожие.
Выходил Илейка вон на улицу,

Пошел Илейка вон на улицу,
 Пошел Илейка во чисто поле,
 К отцу к матери идет на поле.
 Увидела его мати родимая,
 Говорит она мужу Мурому:
 — Ой есь, мой муж Муром,
 Совсем как будто наш идет Илеюшко!
 — Глупа ты, баба неразумная,
 Сидит Илейка тридцать лет без рук, без ног.
 Подошел к ним Илейко близко-наблизко,
 Узнали его и возрадовались.
 Поздоровался он с отцом, с матерью.
 Спрашивает его отец с матерью:
 — Как же это чудо приключилось? —
 (Далее следует пересказ предыдущего: от слов —
 «Сидел я на печке-муравленке» до —
 «Потерялись калики перехожие»)
 Говорит Илейко таково слово:
 — Ой есь вы, мои отец с матерью,
 Садитесь вы на колоденку,
 Подчищу за вас я полюшко.
 Берет он дубинушку за вершинушку,
 За вершину дубинушку подергиват,
 За поле дубинушку пометывают,
 Вычистил он полюшка порядочно.
 Пошел он домой да с отцом, с матерью.
 Проходит у них дома тёмна ноченька,
 Вставали они поутру раным-рано.
 Говорит-то старóй да Илья Муромец:
 — Ой есь, мои отец-матушка,
 Дайте мне благословеньице
 Сходить-съездить в стольной Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгинею,
 Посмотреть мне всех русских богатырей.
 Не дают отец-мать благословеньице:
 — Помрем мы без тебя смертью лютой.
 Другой раз старóй их выпрашивают:
 — Ой есь, мой отец-матушка,
 Дайте мне благословеньице
 Сходить-съездить в стольной Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгинею,
 Посмотреть мне всех русских богатырей.
 Не дают отец-мать благословеньице:
 — Помрем мы без тебя смертью лютой.

Третий раз старой выпрашивают:
— Ой есь, мой отец-матушка,
Дайте мне благословеньице
Сходить-съездить в стольной Киев-град,
Посмотреть князя да со княгинею,
Посмотреть всех русских богатырей.
Дадите — поеду и не дадите — поеду.

Говорит-то его отец Муром:
— Ой ты мой старой да Илья Муромец,
Ехать тебе дорожкой прямоезжею —
Прямоезжая дорожка да призапущена,
Призапущена дорога, призасорена,
Не ездят той дорогою тридцать лет.
Заселился там Соловей Рахматович,
Не пропускает он ни конного, ни пешего,
Не пропускает ни зверя рысучего,
Не пропускает он ни птицу полетущую,
Не пропускает он русского богатыря,
Убивает он своим свистом громким.
А кругом дорожкой надо ехать три года.

Сряжался старой да Илья Муромец,
Седлал-уздal он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцатую степ да лошадиную:
Не оставил бы молодца да в поле добрый конь
Серым-то волкам да на съеденье,
Черным вороненкам, нын, на граенье.
С отцом-матерью он да распрощается.
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырской,
Только видят: во поле куревá идет,
Курева идет да дым столбом валит.
Приезжал он к росстаням дороженьки.
Поехал он по прямой дороженьки,
Приехал он в болотину дыбучую —
По болотине мостики приломаны.
Слезал Илья со добра коня,
У коня брал он повод да во леву́ руку,
Правой рукой он дубинушку подергиват,
Болотинку он мостом помащиват.
Перебрался за болотину дыбучую,
Перешел он да во чисто поле.
Садился он на добра коня,
Поехал он в путь-дорожечку.

Там увидел во чистом полѣ,
Увидел он Соловья за семь верст:
Сидит Соловей Рахматович
На семи дубах, на восьми поддубочках.
Увидел Соловей русского богатыря
Во той же дорожке прирассоренной —
Натягал Соловей духи змеиные,
Заревел он громким голосом —
У старого конь да на колени пал.
Бьет Илья коня да по тучным ребрам:
— Уж ты волчья сыть да травяной мешок,
Не слыхал ты граю воронового!

Брал он себе в руки тугой лук,
Накладывал стрелу и приговаривал:
— Уж ты моя калена стрела,
Не падай ни на землю, ни на воду,
Пади Соловью во правой глаз!

Закладывал он стрелочку каленую.
Не серы волки в поле завояли —
У старого у лука макляки заскрипали.
Полетела стрелонька каленая,
Попала Соловью во правой глаз.
Свалился Соловей Рахматович
С семи дубов, с восьми поддубочков,
Не удалось Соловью на пол пасть —
Подъехал старой да Илья Муромец,
Приковал его к седельшку зеркальчату,
Едет он по чисту полю.

Были у Соловья две дочери,
Выходили они на крыльцо парадное,
Глядели они да во чисто поле,
Видят они: во чистом поле
Отец едет — богатыря везет.
Забегали они к матушке родимой:
— Ой есь, наша матушка родимая,
Татка едет — богатыря везет.

Вышла у них матушка родимая
На то же крыльцо да парадное,
Брала она трубоньку подзорную,
Глядела она да во чисто поле.
Говорит она таково слово:
— Не отец везет, а богатырь отца везет.
Поднимайте надрешотницы тяжелые,
Зовите гостя попить-поесть.

С той же да с пути-дороженьки
Заезжать станет в нашу оградушку —
Спустите надрешотницы тяжелые,
Богатырю спустите во буйну главу,
Предайте его смерти лютой!

Подъезжат старой Илья Муромец,
Выходили к нему да красны девицы:
— Ой есь, удалый добрый молодец,
Приворачивай с пути-дороженьки,
С пути-дороженьки к нам попить-поесть.

Не глядит старой да Илья Муромец,
И проехал он мимо в стольной Киев-град.
Приезжат старой в стольной Киев-град,
Слезал он да со добра коня,
Заходил он к солнышку Владимиру.
Идет у солнышка почестен пир.

Садил старого да за передний стол,
Тут и стали они его спрашивать:
— Поколь же ты, удалый добрый молодец,
Поколь же ты ехал, поколь путь держал?
Ехал ты дорожкой кругоезжей?

Говорит-то старой да таково слово:
— Ой есь, удалы добры молодцы,
Ехал я дорожкой прямоезжей.

Никто не верит удалому добру молодцу:
— У нас засорена дорожка тридцать лет,
Тут сидит Соловей Рахматович,
На той же дорожки прямоезжей
Не пропускает он ни конного, ни пешего,
Не пропускает он зверя рысучего,
Не пропускает он птицу полетущую,
Не пропускает он и русского богатыря,
Убивает он своим свистом громким.

Говорит-то старой Илья Муромец:
— Ой есь, удалы добры молодцы,
Я ехал дорожкой прямоезжей,
Сидит у меня Соловей Рахматович,
Сидит он у меня да на добром коне,
Прикован к седлышку зеркальчату.

Говорит-то солнышко Владимир-князь,
Говорят все русские богатыри:
— Если есть у тя Соловей Рахматович,
Заведи его да на почестен пир.

Говорит-то старой да Илья Муромец:

— Ой еси, Микитушка Добрынюшка,
Заведи поди Соловья Рахматова.

Выходил-то Микитушка Добрынюшка:

— Ой еси, Соловей Рахматович,
Пойдем к солнышку на почестен пир.

Говорит Соловей таково слово:

— Не твое пью-кушаю, не тебя и слушаю,
Есть у меня хозяин Илья Муромец.

Заходил-то Микитушка Добрынюшка:

— Ой есь, старой да Илья Муромец,
Не идет со мной Соловей Рахматович.

Выходил старой да вон на улицу,
Сымал он Соловья Рахматовича,
Заводил он его на почестен пир.
Сажали его да за дубовый стол,
Подавали ему чару зелена вина,
Не большу, не малу — в полтора ведра.
Тут они сидят, пьют-едят.

Говорит-то солнышко Владимир-князь,
Говорят все русские богатыри,
Те же бояра толстобрюхие:

— Ой есь, старой да Илья Муромец,
Разреши свистеть Соловью Рахматову
Своим ему да громким голосом!

Вставал старой да на резвы ноги,
Брал князя он под праву руку,
Матушку Апраксию — под левую,
Говорил-то старой да Илья Муромец
Тому же Соловью Рахматовичу:
— Ой есь, Соловей Рахматович,
Натяни ты духи змеиные,
Засвисти ты о полусвиста.

Натягал Соловей духи змеиные,
Засвистел Соловей во весь свист —
Всех тут нараз да приошунуло,
Заползали бояра толстобрюхие,
Поддержал старой да Илья Муромец
Князя и мать Апраксию.

Осердился старой да Илья Муромец,
Схватил Соловья за черны кудри,
Поднял он его выше буйной главы,
Опустил он его о кирпичат пол,
Предал его он смерти лютеей.

3. СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Ехал старóй да по чистú полю,
Заехал старой да на Святú гору,
Выехал на ископытъ лошадиную,
И поехал он по этой ископыти.
Нагонил он русского богатыря,
Вынул палицу буёвую,
Ударил богатыря палицей буёвой.
Говорит Святогор таково слово:
— Ветра нет, а шишки падают.

Другой раз ударил его старой
Своей же палицей буювой,
Повернулся Святогор да назад:
Едет за ним русской богатырь
И бьет его палицей буювой.
Взял Святогор его вместе с конем,
Вместе с конем в карман положил.
Едет Святогор по Святой горы,
Проговорил у его да доброй конь:
— Ласков хозяин, ты и сам сидишь,
И богатыря с конем на мне везешь,
Не могу я вас, три души, нести.

Тогда Святогор Илью Муромца
Вымал его из кармана с конем
И говорил он таково слово:

— Ой есь, удалой доброй молодец,
Да едешь ты по чужой дороженьке!

Да назвались они тут двумя братьями.
Едут они по дороженьке,
Встретились им два странника,
Тут они гроб делают.

Говорит Святогор таково слово:

— Кому вы, ребята, этот гроб делаете?

— В этот гроб, — говорят, — хошь ты ложись.

— Куда я войду в этот гроб?

Ваш гроб, — говорит, — мне-ка мал будет.

Говорят-то эти два странника:

— Слезывай, ложись — войдешь в этот гроб.

Слез Святогор со добра коня,
Лег в этот гроб — гроб как раз по нем,
Накрылась на него доска-гробница,
И потерялись эти два странника.

И лежит Святогор во том гробу,
И не может он поворотиться.
Говорит Святогор таково слово:
— Бей, старой, гробницу палицей боевовой,
Разломи ты гробову доску,
Тогда стану я из гроба чудного.

Бил старой палицей боевовой
По той же да гробовой доске —
Налетел на гроб обруч железной.
— Бей другой раз по серединушке,
Разбей гробову доску,
Тогда встану я из гроба чудного.

Говорит старой да таково слово:
— Ой есь, мой новозванный брат,
Бил, — говорит, — я по гробовой доске —
Налетел на ей обруч железной,
— Бей, — говорит, — во третий раз,
Разбей гробову доску,
Тогда встану я из гроба чудного.

Говорит старой да таково слово:
— Ой есь, мой новозванный брат,
Бил, — говорит, — я по гробовой доске —
Налетел на ей обруч железной.

Говорит Святогор да таково слово:
— Ой есь, мой названный брат,
Дошла, — говорит, — мне-ка смерть лютая,
Буду я помирать нынче.
Пойдет у меня пена белая —
Пропусти эту пену белую,
Пойдет у меня пена желтая —
Возьми ее в рот с конец перстика,
Пойдет у меня пена зеленая —
Возьми ее с конец ложечки.
Пойдешь по нашей путь-дороженьки,
Увидишь ты: во чистом поле
Стоит наш дом великие.
Увидишь, — говорит, — наш дом великие —
Нажми своего коня доброго
И гони мимо наш дом крепче,
И зареви против дому моему отцу,
Что Святогор на Святых горах помер.
Гони сам, сколько можешь, мимо,
Прогонишь — всё по себе почувствуешь.
Оборотись тогда обратно

И зайди в избу к моему отцу.
Отец сидит на лавке дубовой,
Ты с ним тогда поздоровайся
И Расскажи, как мы с тобой сошлись-съехались
И какое у нас было поедище.
И станет он просить у ты праву рученьку,
Ты дай вместо руки палицу буюую.

Тогда пошла из гроба сила белая —
Хлебнул старой да силу белую,
Тут он пал да без памяти,
Лежал он без чувства три суточки.
Тогда старой пробуждается,
Почувствовал по себе силы множество.
Тогда копал он яму глубокую
И похоронил он своего товарища.
И поехал он по дороженьке
И увидел — в поле стоит дом большущий,
Нажал он своего коня доброго
И гонит мимо этот дом.
Говорит старой да таково слово:
— Ой, Святогор, у ты сын на Святых горах помер!

И проехал он этот дом большущие,
И слышал он над своей головой
Повыше его что-то пролетело крепко.
Выскочил Святогор из горницы,
Выдернул он нащок железную
И свистнул он в удала добра молодца.
Улетела нащок повыше буйной главы.
Поворотил старой да коня доброго,
Приезжает он к дому да великому,
Слезал он со добра коня,
Заходил он в нову горенку.
Сидит Святогор на лавке дубовой.
Тут они поздоровались,
Тут старой стал рассказывать:
— Ехали, — грит, — мы с твоим сыном,
Не было нам поединщика.
Встретились нам два странника,
Тут они гроб делают.

*(Далее следует повторение рассказа
о встрече со странниками и о смерти Святогора,
включая слова: «И у нас какое было поедище»)*

Попросил Святогор у Ильи Муромца

Его праву рученьку:

— Дай, — говорит, — мне праву рученьку,
Какой ты богатырь, я попробую.

Дал ему старой палицу боевую

Вместо своей правой рученьки

И пережал у его палицу боевую.

Говорит Святогор да таково слово:

— Можешь ты воевать, добрый молодец,
Защищать свою Россиюшку!

4. ПРО СМЕРТЬ СВЯТОГОРОВУ

Ехал Илья по Святой горы,

Наехал Илья на богатыря,

Ударил Илья его палицей.

Говорит Святогор таковы слова:

— Русски комары уже кусаются.

Положил Илью Муромца в свой карман,

В свой карман и со всем конем.

У Святогора конь проступаться стал,

Говорит тогда Святогор коню:

— Ах ты конь, ты конь, травяной мешок!

Что ты, конь, в землю проступаешься,

Проступаешься, рылом упираешься?

Говорит ему конь русским голосом:

— Ты сам сидишь на моей спине

И богатыря везешь да и со всем конем!

Вынимал Святогор Илью Муромца,

Заставил его ехать позади себя.

Приехал Святогор к своему отцу:

— Я нашел, — говорит, — богатыря.

А отец сказал таковы слова:

— Не ты его нашел, а богатырь тебя нашел,

Дай-ко я ему ручки пощупаю.

Дал ему Илья свою палицу —

Пережал конец старик перстами.

Ночевали тут Святогор и Илья,

На другой день они опять поехали,

Поехали они по Святой горы.

Увидели они: три мужика доски тешут.

— Божья помощь вам, добры молодцы,

Чего это вы тут делаете?

— Гроб, — говорят добры молодцы.

— Кому этот гроб вы наладили?
— А тому, кому пригодится он.
Святогор говорит Илье Муромцу:
— Ну-ко ты ложись во тесовый гроб.
Не годится гробница старóму казаку.
Тогда во гроб Святогор сам лег,
Лег Святогор — доска захлупилась.
Говорит Святогор Илье Муромцу:
— Ты ударь, Илья, своей палицей,
Чтобы враз трухой доска рассыпалась!
Ударил Илья своей палицей —
Налетел обруч по углу в аршин,
Ударил Илья по другой угол —
Налетел обруч по углу в аршин,
Ударил Илья по середке гроб —
Налетел обруч по углу в аршин.
Говорит Святогор Илье Муромцу:
— Карауль, Илья, трои суточки,
Падет из меня пена черная —
Пену черную оботри платком,
Падет из меня пена желтая —
Пену желтую оботри платком,
Падет из меня пена белая —
Макни ее полукалачиком.
Он во белу макнул целым калачом --
Нáчало тогда рвать-метать его.
Почал Илья тогда дубья рвать,
Тогда у Ильи силы посбавилось,
А то бы силой разóрвало.

5. ПРО СОКОЛЬНИКА

По утру-де, утру было раннему,
На восходе было красна солнышка,
Выходил-то старой да вон на улицу,
Брал он трубочку подзорную,
Зрил-смотрел да на все стороны,
Слушал ушми да богатырскими.
Под той сторонешкой под западной
Едет невежа, потешается,
Небылыми он словами похваляется,
На поезде он стрелочку постреливат,
На полете он стрелочку подхватыват.

Впереди его бежит серый волк,
Позади его бежит большой пес,
На правом плече — млад ясён сокол,
На левом плече — сизой орел.
Небылыми он словами похваляется:
— Я зайду-заеду в стольной Киев-град,
Соборны церкви сделаю конюшнями,
Чудны образа я во грязь стопчу,
Самому князю голову срублю,
А саму княгинюшку с собой возьму.

Зашел-то старой нонь во бел шатер,
Будил он Олешеньку Поповича:
— Вставай-ко, Олешенька, скорешенько,
Умывайся, Олешенька, белешенько,
Обтирайся, Олешенька, сушешенько!

Будил он Микитушку Добрынюшку:
— Вставай-ко, Микитушка, скорешенько,
Умывайся, Микитушка, белешенько,
Утирайся, Микитушка, сушешенько!
Под той сторонешкой под западной
Едет невежа потешается,
Небылыми он словами похваляется:
«Я зайду-заеду в стольной Киев-град,
Соборны церкви сделаю конюшнями,
Чудны образа я во грязь стопчу,
Самому князю голову срублю,
Саму княгинюшку с собой возьму!»

Седлал-уздal Микита коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцатую степ да лошадиную —
Не ради басы, а ради крепости,
Не оставил бы молодца в поле добрый конь
Серым волкам да на съеденье,
Черным вороненкам — на граенье.
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырской,
Только видят — во поле курева идет,
Курева идет да дым столбом валит.
Наганивал невежу во чистом поле,
Стал выпрашивать роду-племени:
— Ты коего, молодец, да роду-племени?
Ты коего, молодец, да отца-матери?
Как тя, молодец, да именём зовут?

Тут от невежи ответу нет.

Другой раз Микитушка выпрашивал:
— Ты коего, молодец, роду-племени?
Ты коего, молодец, да отца-матери?
Как тя, молодец, именем зовут?

Тут от невежи ответу нет.

И третий раз Микитушка выпрашивал:
— Ты коего, молодец, роду-племени?
Ты коего, молодец, да отца-матери?

Заревел невежа большим голосом —
У Микиты конь в окарачь пошел.

Оттуль Микита поворот дает.

Глядит старóй да во чисто поле,

Едет Микита не по-старому,

Едет Микита не по-прежнему.

Взвыл старóй и заплакал тут:

— Видно, старому, мне замены нет,

Нету старому да великойей!

Седлал он, уздал да коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцату степ да лошадиную,
Не ради басы — ради крепости:
Не оставил бы добра молодца в поле добрый конь,
Серым волкам да на съедение,
Черным вороненкам — на граенье.
Наганивал невежу во чистом поле,
Говорит-то старóй таково слово:
— Что ты, ворона, растрепалася?
Что ты, ворона, растрепескалася? —
Небылыми ты словами похваляешься.

Хватали они копыя очень вострые —
По насадкам копыя извернулись,
Ни которой ни которого не ранили,
Ни которой ни которого не окровавили.
Хватали они сабельки нонь вострые —
По насадкам сабельки извернулись,
Ни которой ни которого не ранили,
Ни которой ни которого не окровавили.
Хватали они палицы бueвые —
По насадкам палицы свернулись,
Ни которой ни которого не ранили,
Ни которой ни которого не окровавили.
Соскакивали они да со добрых коней,
Схватились они в охачку —
Бились-боролись трое суточкы.

По великому старого по бесчастьицу
Права нога да прокатилася,
Лева рука да проскользнулася.
Пал старой на сыру землю,
Садился Сокольник на белы груди,
Разрывал его пуговики серебряны,
Вымал кинжалище-булатен нож,
Ладит пороть его белы груди.
Подумал старой да Ильи Муромец:
«Стоял я за веру за крещеную,
Стоял я за церкви соборные,
Стоял за младенцев троеденных —
Выдала пресвята богородица
Поганому идóлицу на граенье».
Прибыло старому тут силюньки,
Не вдвое, не втрое — силы впятеро.
Смахнул он невежу со бслых грудей,
Садился Сокольнику на черны груди,
Разрывал его пуговики серебряны,
Вымал кинжалище-булатен нож,
Ладит пороть его черны груди.
Увидел у Сокольника на правой руке,
На правой руке старого именнó кольцо —
Остоялась у старого рука правая,
Стал он спрашивать роду-племени:
— Ты коего, молодец, роду-племени?
Ты коего, молодец, да отца-матери?
Как тя, молодец, да именем зовут?
— Сидел бы у тебя я на белых грудях,
Не спрашивал бы ни роду, ни племени,
Не спрашивал бы ни отца, ни матери.
Другой раз старой нынъ выпрашивал:
— Коего, молодец, роду-племени?
Коего, молодец, да отца-матери?
Как тя, молодец, именем зовут?
— Сидел бы у тебя я на белых грудях,
Не спрашивал бы ни роду, ни племени,
Не спрашивал бы ни отца, ни матери.
В третий раз старой да выпрашивают:
— Ты коего, молодец, роду-племени?
Ты коего, молодец, да отца-матери?
Как тя, молодец, да именем зовут?
И сказал Сокольник старому Илье Муромцу:
— Из того же я, — говорит, — города,

Той же матушки — Паленги.

Вставал старой да на резвы ноги,
Брал его да за белы руки,
Говорит старой да таково слово:
— Ой есь, мой сын Сокольник,
С твоей матушкой я жил тридцать лет.
Поедем, Сокольник, ко мне на заставу,
На заставу ко мне попить-поесть.
— Не еду я к тебе на заставу.

Второй раз старой упрашивал:
— Поедем, мой сын Сокольник,
На заставу ко мне попить-поесть.
Говорит-то его Сокольник:
— Ехать на заставу мне-ка время нет.
В третий раз старой его упрашивал:
— Поедем, мой сын Сокольник,
На заставу ко мне попить-поесть.

Говорит-то его Сокольник:
Ехать мне к вам время нет.

Разъезжались удалы добры молодцы.
Приезжат Сокольник к родной матери.
Встречала его мати родимая:

— Где ты был, мое да чадо милое?
Говорит Сокольник таково слово:
— Ой есь, моя мати родимая,
Старой тебя зовет б..., меня — выб... ,

Говорит она да таково слово:
— Не пустым, дитя, он похваляется.

Соскочил Сокольник со добра коня,
На одну ногу встал, за другу разорвал.
Вскочил он нонь на добра коня,
Оттуль Сокольник поворот дает.
Приезжат к старому ко белу шатру,
Соскочил Сокольник со добра коня,
Вскочил к старому во белой шатер —
Спит старой да крепко-накрепко.
Схватил Сокольник копьё вострое,
Ткнул старому во белы груди.
По великому старого по счастьюцу
Попало старому в чуден крест:
Толщина креста — аршин была,
Долина креста — коса сажень, —
Зашло копьё да до полукреста.
Соскочил-то старой на резвы ноги,

Схватил Сокольника за черны́ кудри,
Подымал он его выше буйно́й главы,
Опустил он его о сыру землю,
Предал он его смерти лютой.

6. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

Недалёко от города от Киева
Тут стояли на заставы богатыри:
Во-первых стоял казак да Илья Муромец,
Во-вторых Дунай да сын Иванович,
Во-третьих стоял Добрынюшка Никитич,
Во-четвертых-то Олешенька Попович.
Поутру раным-ранешенько,
По восходу было красна солнышка,
Выходил Илья Муромец вон на улицу,
Смотрел он во все стороны в трубочку подзорную.
— У нас же де во поле по-старому,
А в зеленых у нас лугах не по-прежнему.
Как заехал к нам удалый добрый молодец,
Уж он топчет нашу травоньку шелковую
И ломает наши яблони кудрявые.
Конь-от под ним — вот как лютой змей,
Сам он на коне-то — как лютой зверь.
У него же три утехы, три великие:
Впереди его бежит черной медведь,
Позади его бежит борзой выжлочек,
На правом плече воробей сидит, —
Со своими он утехами потешается.

Заходил тут Илья во белой шатер,
Говорил он тут Олешеньки Поповичу:
— Поезжай-ко ты, Олешенька Поповичев,
Поезжай-ко ты к удалу добру молодцу,
Спрашивай-ко ты удала добра молодца,
Которого он города, коей земли,
Он которого отца, коей матушки?

Поехал Олешенька Поповичев,
Он поехал к удалому добру молодцу.
Доезжает тут Олеша в зеленые сады,
Заревел Олеша громким голосом:
— Ах ты б..., ты ворона пустоперая,
Ты зачем залетела в зеленые сады

(Неспрося)

И мнешь нашу травоньку шелковую,
И ломашь наши яблони кудрявые?

Заревел тут Сокольник громким голосом —
И падают у Олеси конь наокорочь.

Подъезжает тут удалый добрый молодец,
Схватил он тут Олешу за русы кудри,
Сбросил он Олешу на сыру землю,
Нахлестал его по ж..., по-робячьему.

Приговаривает удалый добрый молодец:

— Возьму я Илью к себе в прикащики,
Возьму я Дуная к себе в писари,
А Добрыню я возьму к себе в конюхи,
А тебя, Олешу, — чашки-ложки мыть.

Поехал Олеша ко белым шатрам,
Говорит тут Олеша Илье Муромцу:

— Не сказывают удалый добрый молодец,
Не сказывают ни родины, ни отчины,
Тебя, Илью, он хочет взять в прикащики,
Дуная-то взять к себе в писари,
Добрыню-то взять к себе в конюхи,
А меня, Олешу, — чашки-ложки мыть.

Это слово Илье за беду стало,
За беду, за досаду показалось.

Выходил старой тут на улицу,
Прикликал он к себе коня доброго,
Седлал он, уздал коня доброго;

Седлает он седло черкасское,
Подстегивает двенадцать подпруг шелковых,
Тринадцатую кладет черезхребетную —

Не ради басы, да ради крепости,
Ради прелести лошадиной, —

Не оставил бы меня добрый конь во чистом поле.

Берет он с собой палицу буевую,
Берет с собой копейцо бурзамецкое,
Берет он с собой саблю вострую,

Отправлялся Илья к добру молодцу.

Подъезжает к добру молодцу недалече уж, —
Отпускает удалый добрый молодец

От себя три утехы, три великие:

— Едет, — говорит, — собака ярыжлива,
Надо будет с ним поотведаться.

Заревел Илья громким голосом:

— Эй ты, удалый добрый молодец,
Ты какого города, какой земли;

Какого отца, какой матушки?

Заревел тут Сокольник громким голосом —
Падат у Ильи конь наокорочь.

Бьет Илья коня по тучным ребрам:

— Ах ты волчья сыть, травяной мешок,
Не слыхал ли ты крику богатырского,
Не слыхал ли ты шипу соловьиного?

Разъехались удалы добры молодцы
(Друг на дружку),

Палицами боевыми билися.

Долго ли билися, коротко ли —

Палки в руках загорелися,

Ни коей ни коего не ранили,

Не ранили, не окровавили.

Қололися они копьями вострыма —

По насáдкам копыа извернулися,

Ни коей ни коего не ранили,

Не ранили, не окровавили.

Секлись они саблями вострыма —

Все сабли у них исщербилися

(Друг о дружку).

Сбилися они со добрых коней,

Схватилися крепким боем врукопашную.

Долго ли билися, коротко ли —

Ни кой ни коего не ранили,

Не ранили, не окровавили.

У Ильи нога права подвернулася

(Как-то),

И бросил Сокольник Илью на сыру землю,

Садился Сокольник на белы груди,

Вынимает кинжалище-булатен нож,

Расстегивает пуговики вальяжные,

Разворачивает латы булатные.

Взмолился Илья божьей матери:

— Стоял я за веру православную,

А теперь доставаюсь на поруганье

Идолищу поганому!

У Ильи вдвое силы прибыло,

И сбросил он Сокольника со могучих плеч,

И сел ему на белы груди.

Вынимает он кинжалище-булатен нож,

Расстегивает пуговики вальяжные,

Разворачивает латы булатные,

Заносит нож во первой на кón,

Хочет пороть груди белые,
Смотреть на его ретиво сердце —
В заведи рука остоялася.
И спрашивают удала добра молодца:
— Ах ты удалый добрый молодец,
Какого ты города, какой земли,
Какого отца, какой матушки?

Говорил тут Сокольник таковы слова:
— Я сидел бы у тебя на белых грудях,
Смотрел бы у тебя ретиво сердце,—
Не спрашивал бы ни родины, ни отчины.

Занес Илья нож во второй на кон —
В плече рука остоялася

(Опять не может убить).

Спрашивают Илья добра молодца:
— Что ты, удалый добрый молодец,
Какого ты города, какой земли,
Которого отца, какой матушки?

Говорит тут удалый добрый молодец:
— От того же я от моря, моря синего,
От того же я от камня от Латыря,
От твоей паленицы преудалая,
Я от матушки от Латыгорки.

Говорил тут Илья Муромец:
— Был я у матушки Латыгорки,
Жил я там ровно полмесяца,
Видно, ты будешь мне сын, а я — твой отец.

Встал тут Илья со белых грудей,
Взял он его за белы́ руки,
Встали они на резвы́ ноги

(Поцеловались),

Разъезжались да распрощались.
Поехал Илья во белы́ шатры,
А Сокольник поехал к родной матушке.
Приехал Сокольник к родной матушке,
Спрашивает мать его родимая:

— Не видал ли ты старóго нá поле?
— Видел, — грит, — собаку ярыжливую,
Тебя зовет б..., меня — выб...

Бросил мать о сéреду кирпичату,
На одну ногу встал, за другу — разорвал
(А самому 12 лет: непобедимый был).

Поехал он назад к Илье Муромцу.
Натягиват он свой тóгой лук,

Кладет он туда каленú стрелу,
А сам ко стрелы приговариват:
— Не падай ты ни нá воду, ни нá гору,
А падай Ильи во белы груди,
Разбей ему груди белые,
Сомешай ему кровь со печенью!

Разлетелася стрела во белы шатры
И пала Илье во белы груди,
А пала ему в крест серебряной,
Крест серебряной в полтора пуда.
Стрела Илью когда хлопнула,
Выскакивал Илья вон на улицу
В одних чулочках, без чоботов,
В одной рубашке, без пояса.
Наехал Сокольник ко белым шатрам
Илью посмотреть еще мертвого.
Схватились они с Ильей Муромцем
И тут Сокольнику и смерть пришла.

*(Сокольник в кое время ездил к матери,
а Илья-то отдохнул!).*

7. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

У того у моря у холодного,
У того у камня у Латыря,
Тут живет один сын с родной матушкой.
Молода юность, десяти годов,
Он замог, детинушка, конем владать,
Он немецким копейцом замог штурмовать,
Он вздывать замог палицу буёвую,
Хоть не тяжелу палку — девяносто пуд.
И говорит тогда детинка таковы слова:
— Уж ты ой еси, мать моя родимая,
Мне-ка дай благословеньице великое
Ходить мне-ка, ездить по чисту полю.

Выводила она ему тут коня доброго,
Выносила ему сбрую лошадиную,
Выносила копейцо бурзамецкое
И выносила ему саблю вострую,
Указала ему палицу буевую
И стала тогда ему наказывать:
— Уж ты ой еси, мое чадо милое,
Ты когда поедешь по чисту полю,

Ты увидишь когда старого седатого,
Не доехав к старому, с коня вставай,
Кланяйся старому понизешенько,
Понизешенько старому, ниже пояса,
Ниже пояса старому, до сырой земли,
До сырой земли старому, в ногу правую.
Отправляется удалый добрый молодец:
Седлат-уздат коня доброго,
Перекрестницу кладет через хребетну степ —
Не ради басы, а ради крепости,—
Не оставил бы меня добрый конь во чистом поле.
Кладет свои доспехи богатырские:
Берет свою саблю вострую,
Берет он копейцо бурзамецкое,
Берет свою палицу боевую.
Садится он на добра коня,
Распрощается со своей родной матушкой
И поехал он ступцой по чисту полю.
Со утехами он своим потешается:
Впереди его бежит большой черной медведь,
По праву руку бежит черной выжлочек,
Как по левую бежит его серый волк,
На правом плече сидит млад ясен сокол,
На левом плече сидит млад сизой голубь,
Он и левою рукою нонь коня правит,
Правою рукою ярлыки пишет,
Он разметывает их по полю чистому,
По тому ли раздолью по широкому.
Мимо едет крепку заставу великую,
Где стоят двенадцать русских богатырей,
Пасут-берегут стольной Киев-град.
Туда ясный сокол не пролетывал,
Туда серый волк не прорыскивал,
Добрый молодец удалый не проезживал
Эту крепкую заставу великую.
Он двенадцать богатырей ничем зовст.
Стучит-гремит матушка сыра земля.
Тогда услышал старой Илья Муромец,
Выходил старой вон на улицу
В одной беленькой рубашечке без пояса,
В одних беленьких чулочках без чоботов.
Он скоро заходит во белой шатер,
Говорит своей дружинишки хороброю,
Своим двенадцати русским богатырям:

— Уж вы ой еси, могучие богатыри,
Проехал богатырь по чисту полю,
Нас, двенадцать богатырей, видно, ничем зовет,
Он ничем, видно, зовет нас, ни во что кладет.

Говорит тогда старой да таковы слова:

— Уж ты ой еси, Олешинька Попович млад,
Попроведай ты удала добра молодца:
Он коей земли, какого города,
Он какого отца, коей матери,
Его как, молодца, именём зовут,
Величают, молодца, из отечества.

Приготовили Олешке коня доброго,
Выходил тогда Олешка вон на улицу,
Надевал на себя платице военное,
Тогда скоро заскочил на добра коня
И поехал Олешка по чисту полю
Достигать на чистом поле богатыря.
Приезжал Олешка близко к нему — за пять верст.
Закричал Олешка громким голосом:
— Ух ты, серая ворона пустоперая,
Ты последняя птица волочажная,
По сметищам ты, птица, волочилась,
Поганой костью задавилася!

Приезжал Олешка к нему близко к самому.
Едет детина — не оглянется,
Все с утехами своими потешается.
Тогда воротился удалой доброй молодец,
Ворóтит своёго коня доброго,
Приезжал к Олешке близко к самому,
Снимал Олешку со добра коня,
Во праву холку дал ему два отяпыша,
Во леву холку дал два оляпыша,
Посадил Олешу на добра коня,
Стал Олешиньке тогда он наказывать:
— Я старóго возьму себе в прикащики,
Я Добрынюшку возьму во писари,
Я Иванушка Горденова — во конюхи,
Я тебя, Олешку, — чашки-ложки мыть.

Поехал со своими утехами великими,
Поехал вдоль по чисту́ полю.
А Олешка поехал ко белу шатру,
Едет Олешка не по-старому,
Не по-старому едет, не по-прежнему,
Приехал Олешка ко белу шатру,

Он едва спустился да со добра коня,
Он едва зашел во белой шатер
И стал Олешка рассказывать,
Со слезами Олешка разговаривать:
— Говорит богатырь таковы слова:
Он старого берет у нас в прикащики,
Он Добрынюшку Микитича — во писари,
Он Иванушку Горденова — во конюхи,
А меня, Олешку, — чашки-ложки мыть.

У старого ясны очи помутилися,
Его могучие плечи расходилися,
Богатырское сердце възъярилося.

Приготовили старому коня доброго,
Выходил старой вон на улицу,

Надевал на себя платье военное,
Опоясал кольчуги золоченые.

Он берет с собой палицу боевую,
Он берет с собой саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
Он берет с собой копейцо бурзамецкое.

Не видели посадки молодецкой,
Его скороей побежки лошадиной, —
Увидели: во поле курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит:

Достигать он на чистом поле поехал богатыря.
Недалеко приезжал он, близко — за пять верст,
Закричал тогда старой громким голосом:
— Уж ты здравствуешь, удалый добрый молодец,
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, коей матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, из отечества?

Приезжает тогда старой близко к самому,
Съезжаются удалы добры молодцы.
Говорит тогда удалый добрый молодец:
— Уж вы ой еси, мои утехы любимые,
Мне-ка нонче, утехы, не до вас сталó,
Не до вас стало, не до вас пришло.

Съезжались удалы добры молодцы,
Они бились палками боевыми,
От рук ихни палочки ломались,
Ни один ни одного не обранили,
Не обранили, не окровавили.
Они секлися сабельками острыми,

Еще все ихны сабельки исщербилися,
Ни один ни одного не обранили,
Не обранили, не окровавили.
Они тыкались копьями бурзамецкими,
По насадочкам их копья изломалися,
Ни один ни одного не обранили,
Не обранили, не окровавили.
Скакали со своих коней добрых,
Схватилися они рукопашкою.
Еще бродят молодцы по колен в земле.
У старого рука права промахнулася
Да его левая нога подвернулася —
И упал тогда старой на сыру землю:
Во озерках вся вода сколыбалася
И сухое пенъё обломалося,
Сыро дубьё вершинами соплеталося.
Тогда сел ему собака на белы груди,
Разрывал он его латы-панцири
И те же кольчуги золоченые.
Тогда взмолился Илья Муромец:
— Уж ты ой еси, спас многомилостливый,
Пресвята мать божья богородица,
Я стоял за веру православную,
Я за русские церкви за соборные
И за все монастыри богомольные,
Уж ты выдала меня собаке на поругание!
У старого тогда силы вдвое прибыло,
Он и сшиб-сломил собаку со белых грудей.
Завернулся он ему на черны груди,
Разрывал он ему да латы-панцири
И те же кольчуги золоченые,
Вынимал он кинжалище-булатный нож,
Еще хочет он пороть груди черные,
Мешать собаке кровь со печенью
И вынимать его ретиво сердце —
В заведи у старого рука права остоялася.
Спрашивают старой Илья Муромец;
— Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?
Ответ держит удалый добрый молодец:
— Когда я сидел у тебя на белых грудях,

И хотел я пороть груди белые,
И хотел я мешать кровь со печенью,
И хотел я вынимать ретиво сердце,
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Ни твоего отца, твоей матери

Вынимал старой кинжалище-булатен нож
И хочет он пороть груди черные,
Мешать собаке кровь со печенью,
Вынимать его ретиво сердце.

В заведи у старого рука права остоялася.

Спрашивает старой Илья Муромец:

— Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
Ты какого отца, которой матери,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?

Ответ держит удалый добрый молодец:

— Когда я сидел у тебя на белых грудях,
И хотел я пороть груди белые,
И хотел я мешать кровь со печенью,
И хотел вынимать ретиво сердце,
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Ни твоего отца, твоей матери.

Вынимал Илья Муромец кинжалище-булатен нож
И хочет он пороть груди черные,
Мешать собаке кровь со печенью,
Вынимать его ретиво сердце —
В заведи рука права остоялася.

Спрашивает старой Илья Муромец:

— Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
Ты какой земли, какого города,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?

И сказал тогда удалой добрый молодец:

— От того я от моря от холодного,
От того я от камешка от Латыря,
Я родился от матушки Златыгорки,
От той ли паленицы преудалые.

Тогда вставал Илья со черных грудей
И брал его за белы руки,
Целовал его в уста сахарные:

— Уж ты ой еси, мое чадо милое,
Мы с твоей матушкой Златыгоркой
Спали-ночевали в одном шатре,
И тут мы тебя, видно, прижили.

Распрощались удалы добры молодцы,
И поехал он к морю холодному,
Ко своей ко матери Златыгорке.
А старой тут остался на чистом полé
Со своим конем добрым,
Разоставил свой белой шатер,
И лег он спать во белой шатер.
Приехал Сокольник к своему двору,
Ко своей ли матери родимоей,
Встречат его матушка родимая:
— Уж ты ой еси, чадó любимое,
Не видал ли ты старого-седатого?
Ответ держит удалой доброй молодец:
— Уж я видел старого-седатого,
Старой называт тебя б...,
А меня обзывает он выб...

Берет он во свою руку правую,
Берет свою саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
И ссек у ней со плеч буйну голову.
Идет ко своему коню доброму,
Повеся, идет, буйну голову,
Идет, потупя очи ясные.
Садился молодец на добра коня
И поехал он к старому Илье Муромцу.
Приехал к старому ко белу шатру
И скоро соскочил со добра коня,
Берет в руки копейцо бурзамецкое,
Распахнул у шатра полу правую,
Ткнул старому во белы груди.
Пробудился старой Илья Муромец,
Выскочил старой вон на улицу
В одной беленькой рубашке без пояса,
В одних беленьких чулочках без чоботов,
Он вздымал его выше головы,
Опускал его о сыру землю,
О сыру землю его, о горюч камень
И кончил тогда его вечну жизнь.

8. ИДОЛИЩЕ В КИЕВЕ

Заехал Идóлище поганое
В тот же стольной Киев-град:
Ушищи — как сильны блюдища,

Глазищи — как сильны чашища,
А голова — как пивной котел.
Зашел он к солнышку Владимиру —
Разбежались все русские богатыри.
И тот же старой да Илья Муромец
Скрылся старóй да он во городе.
Взял он капли старые,
Состарил свое бело лицо:
Повесилась у него губа до щеки.
Погано Идолище заповедал всем,
Чтобы не поминали старого Илью Муромца.
Пришел старóй к солнышку Владимиру.
С клюкой железной да он сугорбился.
Сидит Идолище поганое,
На коленях держит матушку Апраксию,
Руками бродит под подолами,
Подносит Владимир пищу-кушанье.
Сидит Идолище поганое,
За одну щеку кладет он буханочку,
За другу кладет белú лебедь.
Говорит-то калика перехожая:
— У моей-то маменьки родимоей
Была корова обжорчива,
По сметьям ходила
Да костью задавилась,
А тебе, погано Идолище,
Не миновать этой чаши тож будет.
Попросил он у солнышка Владимира:
— Подай милостыню ради Христа,
Не ради меня, а ради старого Ильи Муромца.
Схватил Идолище поганое,
Схватил свой кинжалище-булатной нож,
Свистнул он в калику перехожую.
На то калика был увертливый —
Увернул от ножа булатного.
Схватил калика перехожая,
Выхватил кирпичину из печи,
Свистнул взаимно во черны груди
(Гостинцы!).
Попало Идолищу в пивной котел,
Провалился Идолище вон с простеночком.

9. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ОПАЛЕ У ВЛАДИМИРА

На того же солнышка Владимира
Напал войной король неверный,
Нагнал он силы много-множество.
Тот же солнышко Владимир-князь,
Стал просить он Илью Муромца:
— Ой есь, старóй да Илья Муромец,
Напал на меня король неверный,
Нагнал он силы много-множество,
Побей ты эту рать неверную!

Сряжался старóй да сподоблялся,
Седлал, уздал он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать пóдпругов,
Тринадцату степ да лошадиную —
Не ради басы — ради крепости:
Не оставил бы молодца да в поле добрый конь
Серым волкам да на съеденьице,
Черным вороненкам нынь на граенье.
Выезжал он во чисто поле,
Бить стал эту рать неверную,
Бил он рать трои суточки,
Выбил всю эту рать неверную.
Приезжат он к солнышку Владимиру,
Заходит он к нему да в светлу светлицу.
Сделал солнышко почестен пир.
На том же пиру да почестном
Подарил старому он кунью шубу.
Ходит старóй нынче пó полу,
Шубу за рукав да он потряхиват,
Этой шубе он да приговариват:
— Будь ты, моя шуба, счастлива,
Будь, моя шуба, таланиста,
Не давай меня, шуба, в обидушку!

Учуяли бояре да толстобрюхие,
Говорят они солнышку Владимиру:
— Ой еси, солнышко Владимир-князь,
Ходит старóй нынче по горнице,
Твою шубу он по полу потаскиват
И шубе старóй да приговариват:
«Как легко эту шубу я потаскиваю,
Та же участь солнышку Владимиру,
А матушку Апраксию за себя возьму».

Поверил им солнышко Владимир-князь.
Выкопали нынче глубок погреб,
Глубок погреб да тридцатисаженный,
Засаждали там старого Илью Муромца,
Засаждали его да во глубок погреб,
Навалили плиту тяжелую,
Тяжелую плиту да плиту каменну.
Осердились русские богатыри,
Разъехались куда надобно,
Нет у при городе ни единого.
Та же матушка Апраксия
Выкопала она подкопы тайные,
Докармливает так она его, допаиват.
На тот же на стольной Киев-град
Напал войной король неверный:
Забрать ладит стольной Киев-град.
Не стало у них нонче защитника,
Разъехались все удалы добры молодцы,
Поморён старой голодной смертью.
Нагнал король силы много-множество.
Куда солнышко пошлет своих послов
Искать русских богатырей?
Кого найдут — ни один не идет:
— Погубил, говорят, старого Илью Муромца,
Нет его, атамана-защитника.

Говорит-то матушка Апраксия:
— Ой есь, солнышко Владимир-князь,
Отвали с погребца плиту тяжелую.
И не живой ли старой Илья Муромец?
— Глупа ты, — говорит, — баба неразумная,
Волос долог, а ум короткий:
Столько время сидит, да ладишь живу быть.

Приходят сроки короткие
От того ли короля неверного.
Говорит опять матушка Апраксия:
— Ой есь, солнышко Владимир-князь,
Отвали плиту тяжелую,
Посмотрите во глубок погреб,
Не живой ли старой да Илья Муромец.
— Глупа ты, баба неразумная,
Волос долог, а ум-от короткий:
Столько время сидит, да ладишь живу быть.

Тут она помешкалась и третий раз посмелилась:
— Ой есь, солнышко Владимир-князь,

Напрасно посажен старой да Илья Муромец,
Отвалить надо плиту тяжелую,
Посмотреть во глубоком погребѣ:
Может, вразболѣ жив старой да Илья Муромец?

И придумал солнышко Владимир-князь:

Брал он себе слуг верных,
Приходили они ко глубокому погребу,
Отвалили плиту тяжелую,
Посмотрели они во глубок погреб:
Там сидит старой, как белой куропись,
Читат он книгу-евангелѣ.
Говорит-то солнышко Владимир-князь:
— Ой есь, старой да Илья Муромец,
Прости меня во первой вины:
Понапрасно я те посадил во глубок погреб.
Напал нынѣ король неверный,
Нету у меня защитушки,
Разѣхались все удалы добры молодцы,
Нету их да ни единого.

Ой есь, старой да Илья Муромец,
Тебя подыдем из глубокого погребѣ
Защищать наш стольной Киев-град.
Нагнал король неверный,
Нагнал он силы много-множество,
Окружили наш стольной Киев-град.

До трех раз звал солнышко Владимир-князь,
Не отгибат старой да ему буйной главы,
Не говорит он с ним ни одного словечика.

И заплакал солнышко Владимир-князь,
Пошел он к своей да к молодой жене:
— Ой есь, — говорит, — матушка Апраксия,

Отвалили мы плиту тяжелую,
Посмотрели мы да во глубок погреб:
Точно, жив сидит да Илья Муромец.

Звал я его до трех раз,
Он со мной да ни словечика.

Сидит, читат он книгу-евангелѣ,
Не отогнул он мне-ка свою буйну главу,
Поди ты зови его да покайся нынѣ.

Понапрасну я посадил, дак он сердится,
Потому он со мной — ни словечика.

Ты поди-сходи да покайся нынѣ,
Не послушат ли тебя Илья Муромец.

Пошла нынѣ матушка Апраксия,

Приходила она к глубоку погребу,
На колени пала на сыру землю:
— Ой еси, старой да Илья Муромец,
Ты выйди из глубока погреба,
Оборони наш стольной Киев-град:
Окружила нас сила неверная,
Никого нету у нас защитника,
Посадили тебя да во глубокий погреб,
Все разъехались русские богатыри.

Вставал старой да на резвѣ ноги:
— Ой еси, матушка Апраксия,
Отойди подале от глубока погреба.
Отошла она подальше от погреба,
Выскочил старой да Илья Муромец,
Брал он ее да за белу шею,
Целовал он ей да лицо белое:
— Одна, — говорит, — меня матушка спородила,
А другая матушка вскармила,
Рад стараться, голову положить.

Заходили они в светлу светлицу,
Говорит-то старой да Илья Муромец:
— Ой еси, матушка Апраксия,
Есть ли у меня да тот добрый конь,
Есть ли приправа молодецкая?
-- Твой добрый конь, — грит, —
Ест у меня пшено да белоярово,
Твоя приправа сложена во глубокий погреб.

Сряжался старой да сподоблялся нонь,
Выходил он вон на улицу.
Выводили ему добра коня,
Седлал-уздal он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцатую степ да лошадиную:
Не ради басы, ради крепости —
Не оставил бы молодца да в поле добрый конь.
Серым волкам да на съеденьице,
Черным вороненкам нонь на граянье.
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырской,
Видят — во поле курева идет,
Курева идет да дым столбом валит.
Начал косить он рать неверную,
Бил-косил он трой суточки,
Выкосил всю рать неверную.

Гонит он в стольной Киев-град
С великого, большого побоища.
Видят старого Илью Муромца,
Что сердито едет да Илья Муромец,
Запратался солнышко Владимир-князь,
Выскакивал он во светлу светлицу —
Нету солнышка Владимира.
Сидели тут бояра толстобрюхие,
Ждали его с большого побоища.
Он всех выбил тут бояр да толстобрюхиных,
Почувствовал: в ногах его волочится,
Унимат его матушка Апраксия.
Брал он ее за белы́ руки,
Ставил ее на резвы ноги.
Тут она его умаливат,
Тут она его упрасиват:
— Много выбил ты бояр да толстобрюхиных.
Прошло и его сердце ретивое.
Стал спрашивать солнышка Владимира:
— Ой еси, матушка Апраксия,
Где наш солнышко Владимир-князь?
Говорит да матушка Апраксия:
— Перепался солнышко Владимир-князь,
Скрылся-спратался от тебя во глубок погреб.
Тогда вывели солнышка Владимира.
Пал солнышко старому во праву́ ногу:
— Прости, грит, — меня, старой,
Да во первой вине!
Тогда поднял его старой да за белы руки,
Поставил его на резвы ноги,
Простил его да во первой вине.

10. ПРО СОЛНЫШКО ВЛАДИМЕРА

Во славном во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Заводился стол — почестен пир
Про всех людей торговых,
Про всех крестьян православных,
Про всех бояр толстобрюхиных.
А вот все ребята собиралися,
Собрались ребята на почестен пир,
Пируют-столуют трои суточки,

Третьи-ти сутки — день до вечера.
День-от идет ко вечеру,
Солнышко катится ко западу,
Княженецка радость — в полурадости.
Из-за того стола из-за переднего
Вставает тут солнышко Владимир-князь,
Выходит на середу кирпичат пол.
Солнышко по полу похаживат,
Тихосмирную речь выговариват:
— Уж вы ой еси, все русски богатыри,
Все вы сидите поженены,
У всех у вас жены повыбраны
От тех купцев-людей торговых,
Один-то я, солнышко, холост живу,
Холост живу да не женат хожу.
Вы не знаете ли кто мне-ка супружницу,
Супружницу да сплюбовницу:
Статным чтобы была статна, полна возрастом,
Волосом бы была русá, лицом — белая,
Сквозь ейные чтобы рубашки тело видети,
Сквозь ейное тело — кости видети,
А не скатен жемчуг перекатается —
Из кости в кость мозг переливается.

А все-то сидят — удрогнули,
Удрогнули, сидят, умолкнули,
Старший хоронится за среднего,
Средний хоронится за младшего,
А младший сидит — ответу нет.
Один Дунай только весёл сидит,
Весел сидит да высоко глядит.
Говорит ли Дунай таковы слова:
— Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь,
Не буду ль я за слово казнён вешеной,
Не буду ль я за слово в ссылку сосланной?

Говорил ему солнышко таковы слова:
— Эх ты стой-ко се, Дунай, да не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай,
Не будешь за слово казнен вешеной,
Не будешь за слово в ссылку сосланной.

Говорил тут Дунай таковы слова:
— Прежде, досель, в молодую пору,
Бывал я, живал в земли дальние,
Дальние земли живал в Турецкой,
Турецкой земли, королевской,

В королевской земли живал, Индейской,
У того я жил Семена Лиховитого.
Три года я жил у него во конюхах,
Три года я жил у него во писарях,
Три года я жил у него во стольниках.
Немного прошло тому времячку,
Прошло-прокатилось ровно девять лет.
Было у Семена тогда две дочери:
Большая дочь — Овдотья, дочь Семеновна,
Злая поленица преудалая,
Ездит-гуляет все во чисто поле,
Бьется-дерется все с богатырьми.
Меньшая — Опросенья, дочь Семеновна.
Не бывала Опросенья на святой Руси,
Не видала Опросенья каменной Москвы,
Сидит она, живет да в тюрьме крепкой,
В крепкой тюрьме живет во каменной,
За семью она стенами за каменными,
За семью за дверями за железными,
За семью за замочками немецкими,
За семью за околениками хрустальными,
Не простого стекла — все немецкого.
Сидит-живет на стульчике ремешчатом,
Вышивают она разны шириночки.
Статным она статна да полна возрастом,
Волосом она руса да лицом белая,
Сквозь ейной рубашечки тело видети,
Сквозь ейно тело кости видети,
Сквозь кости мозг переливается,
Ровно скатен жемчуг перекатается.

Загорелось у солнышка ретивое сердце,
Закипела у него да кровь горячая,
— Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Бери-ко се себе да двух товарищей:
Во-первых, старá да Илью Муромца,
Во вторых-то, Олешеньку Поповича.
— Олеша Попович умеет играть
Во мелки пешки-шахматы*,
Он засядет с Семеном играть во пешечки,
А в ту ли пору, а это времечко
Мы сходим к Опросенье дочь Семеновной,
Попросим ее мы, посватаемся:

* Это говорит уже Дунай Иванович.

Пойдет она с нами охотою,
Не пойдет охотою — возьмем неволею.
Стали тут ребята собираться,
Поезжают тут ребята — добры молодцы.
На то был солнышко наш догадливой —
Наливает им чару зелена вина,
Кладет в чары турий рог меду сладкого,
Подносит ребятам — добрым молодцам.
Берут ребята во праву руку,
Пьют они да ко одну духу.
Подходят ребята ко добрым коням,
Берут они в руки свой шелков повод,
Скоро они да в стремя вступили
И скоренько да на коней вскочили.
Смотрят у них всю поездку молодецкую,
Увидели — в поле только курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит
От ихнего пару лошадиного.
Тут приехали к Семену Лиховитому,
Вставали ребята ко красну крыльцу,
Слезали ребята со добрых коней,
Вязали коней да к дубову столбу,
К дубову столбу да к винтову кольцу.
Заходили они к Семену Лиховитому
Во ту во гридню во столовую,
Помолились они богу по писаному,
Поздоровались с Семеном Лиховитым,
Садились на стульчики дубовые,
Говорили Семену таковы слова:
— Уж ты ой еси, Семен Лиховитый,
Приехали мы к тебе о хорошем деле — о сватовстве,
О сватовстве Опросеньи дочь Семеновны
За того за солнышка Владимира.
Пошли они к Опросеньи дочь Семеновной,
Пошли они Опросеньи доложились:
— Здравствуй, Опросенья дочь Семеновна,
Мы приехали к тебе о хорошем деле — о сватовстве,
Засватать тебя за солнышка Владимира.
Опросенья дочь Семеновна
Говорила она таковы слова:
— Есть у меня папочка Семен Лиховитый,
Есть у меня маменька родимая,
Попросите их да посватайте,
За мною дело не будет спорное.

Пошли они к отцу и к матушки,
Говорили им о хорошем сватовстве:
— Говорила Опросенья нам таковы слова..

Отец-маменька с ними скоро решились.
Пошли, Опросеньи опять доложили.
Опросенья с ними сама решилася
И дала им руку-рукобитие,
Помолилися богу они, решились.
Скоро ребята стали собираться,
Домой они стали отправляться.
Выходила Опросенья дочь Семеновна,
Простилася с отцом с матерью,
Простилася она, благословилася.
Подходят ребята ко добрым коням,
Берут в руки свои шелков повод.
Скоро старой в стремяна ступил,
В стремяна ступил и на коня вскочил,
Посадили Опросенью ко старому казаку,
Ко старому казаку да к Илье Муромцу.
Отправились ребята — добры молодцы,
Скоро проехали они по чисту полю,
Скоро приехали в стольной Киев-град,
Заехали в ограду княженецкую,
Становились они ко красну крыльцу,
Слезали они со добрых коней,
Вязали коней да к дубову столбу,
К дубову столбу да к винтову кольцу.
Выходит тут солнышко Владимир-князь,
Берет он Опросенью за правую руку,
Ведет во гридню во столовую.
Садилась они за столики все дубовые,
Посъели все, покушали,
Водочки все выпили.
После этого да после этого
Сходили они да во божью церковь,
А скоро тут они повенчались,
Повенчались да обручились.
Пришли они в гридню во столовую,
А все сели за столики дубовые,
А стали пировать тут пуще старого,
Пуще старого да пуще прежнего,
Пировали-столовали трое суток.
Все они стали веселы,
Все они тут расхвастались:

А мудрой-ёт хвастат золотой казной,
Средней-ёт хвастат отцом-матерью,
А глупой-ёт хвастат молодой женой.
Свели молодых на подклет, повалили спать.

11. ПРО ЖЕНИТЬБУ ВЛАДИМЕРА

Во стольном во городе во Кieve
У ласкова князя у Владимира
Заводилось пированье-столованье.
Все на пиру да пьяны-веселы,
Все на пиру да прирасхвастались:
Иной-от хвастат золотой казной,
Иной-от хвастат конем добрым,
Иной-от хвастат силой-храбростью,
Умный хвастат отцом-матерью,
Глупый хвастат молодой женой.
Ходит князенька нынь по полу,
Сапог о сапог приколачиват,
Желтыми кудрями да принатряхиват,
Таки речи князь да выговариват:
— Все у меня в городе поженены,
Все у меня девушки повыданы,
Один только я не женат хожу,
Не женат хожу да я холост блужу,
Не знаете ли, ребята, мне-ка сплюбовницы —
Статным-статну да полну возрастом,
Волосом русу да лицом белую?

Все ребята тут да прираздумались:
Большой хоронится за среднего,
Средний хоронится за меньшего,
А от меньшего-то и ответу нет.
Из-за того стола да из-за переднего
Встават Дунай да сын Иванович,
Говорит-то он да таково слово:
— Ой есь, солнышко Владимир-князь,
Позволь-ко мне да слово вымолвить.
Не станешь ли меня за то слово казнить,
Казнить-то меня да нынче вешати?
— Говори, Дунай, да что те хочется,
Говори, что те приохотилось,

Ни единого словечка не утаивай,
Не утаивай словечка, не уранивай!

Говорит-то Дунай да сын Иванович:
— Жил я за морем за синиим,
У того жил Семена Лиховитого,
Жил я у него три года.
Есть у него две дочери Семеновны:
Большая-то Настасья дочь Семеновна
Сильна могуча поленица,
Мала Авдотья дочь Семеновна
Выходила она в одной рубашечке без пояса,
В одних щиблетах без чулочиков,
Сквозь ее рубашку тело видети,
Сквозь ее тело кости видети,
Всячески кости человечески,
Сквозь кости — мозги видети —
Из кости в кость мозг переливается —
Скатен жемчуг перекатается.

У солнышка сердце загорается,
Говорит-то солнышко Владимир-князь:
— Ой еси, Дунай да сын Иванович,
Привези-поедь мне сплюбовницу!

Говорит Дунай да таково слово:
— Ой еси, солнышко Владимир-князь,
Есть у него Настасья дочь Семеновна,
Срубит у меня да буйну голову.
Дай мне удалых двух молодцев —
Одного старого Илью Муромца,
Другого Олёшиньку Поповича.

Седлали-уздали они коней добрых,
Садилась она да на добрых коней,
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырской —
Видят, во поле курева идет,
Курева идет да дым столбом валит.
Приезжали к городу Семенову,
Становили шатер да во чистом поле.
Говорит Дунай да сын Иванович:
— Ой есь, старой да Илья Муромец,
Я один поеду нын посватаюсь.
Буди дома Настасья дочь Семеновна,
Я сыграю тогда во турий рог,
Приезжайте вы поскорей ко мне.

Поехал Дунай сын Иванович,
 Приехал он ко городу Семенову,
 Слезывал он со добра коня,
 Заходил он да во горенку.
 Сидит Семен да Лиховитый князь
 На той же на лавочке дубовой:
 — Здравствуешь, Семен да Лиховитый князь!
 — Здравствуй, Дунай да сын Иванович,
 Куда ты пошел да куда поехал?
 Аль приехал ко мне в услуженьице?
 Говорит-то Дунай сын Иванович:
 — Приехал я к тебе не в услуженьице —
 Посватать Авдотью дочь Семеновну
 За того же солнышка Владимира.
 Говорит-то Семен да Лиховитой князь:
 — Была бы Настасья дочь Семеновна,
 Срубила б у тебя буйну голову.
 Другой раз Дунай нонь посватался:
 — Ой есь, Семен да Лиховитый князь,
 Отдай Авдотью дочь Семеновну
 За того же солнышка Владимира.
 Говорит-то Семен да таково слово:
 — Была бы Настасья дочь Семеновна,
 Срубила б у тебя буйну голову.
 Третий раз Дунай нынь посватался:
 — Ой есь, Семен да Лиховитый князь,
 Отдай Авдотью дочь Семеновну
 За того же солнышка Владимира,
 Добром не дашь, так я боем возьму.
 Помутились у Дуная очи ясные,
 Схватил Семена за черны кудри,
 Поднял он его выше буйной главы,
 Опустил его да о кирпичат пол,
 Предал его да смерти лютой.
 Ломал он у него кованы замки,
 Заходил к Авдотье в теплу спаленку:
 — Здравствуй, Авдотья дочь Семеновна!
 — Здравствуй, Дунай сын Иванович,
 Куда ты пошел да куда поехал?
 — Я приехал к тебе посвататься
 За того же солнышка Владимира.
 — Где у меня Семен да Лиховитой князь?
 — Предал его я смерти лютой.
 Ой еси, Авдотья дочь Семеновна,

Бери себе платье подвенечное,
Поедем со мною в стольной Киев-град
За того же солнышка Владимира.

Горькими слезми она заплакала,
Брала она платье подвенечное,
Выходили они да вон на улицу,
Садилась она на добра коня,
Приезжали к шатру да белобархатну.
Говорит-то Дунай да сын Иванович:
— Ой еси, старой да Илья Муромец,
Бери невесту себе на руки,
Вези ее солнышку Владимиру:
Я поеду по Настасью дочь Семеновну,
Звать стану ее на пир на свадьбу.

Поехал Дунай сын Иванович,
Выезжат он на ископыт лошадину.
Увидел он во чистом поле
Стоит шатер да чернobarхатный.
Подъезжат к шатру чернobarхатну,
Слезывал он со добра коня,
Спустил своего коня доброго,
Заходил он во черной шатер:
Во том же во черном шатре
Сидит Настасья дочь Семеновна.
— Здравствуй, Настасья дочь Семеновна!
— Здравствуй, Дунай да сын Иванович!
Куда ты пошел да куда поехал?
— Пришел я приехал звать на свадьбу,
Увезли у тя Авдотью дочь Семеновну
За того же солнышко Владимира.

Говорит она таково слово:
— Где у меня отец да Лиховитый князь?
— Убил я князя Лиховитого,
Приехал звать тебя на свадьбу.

Тут они да согласились,
Тут они да обручились,
Поезжают они да в путь-дорожечку.
Поехали они да в путь-дорожечку,
Приехали к городу Семенову.
Брала Настасья платье подвенечное,
И поехали они в стольной Киев-град.
Идет у солнышка почестен пир,
Заходили они да в светлы светлицы,
Посадили их да за дубовый стол.

Из-за того стола да под венец пошли,
Две свадьбы, две сестры под один венец.
Выходили они из божьей церкви,
Пошел у солнышка почестен пир,
Все на пиру да напивались,
Все на честном да наедались.
Говорит-то Дунай сын Иванович:
— Не было таких удалых добрых молодцев —
Не могли достать невесту солнышку Владимиру,
Я достал за солнышка Владимира
И за ся взял Настасью дочь Семеновну,
Я по меточкам, верно, метнее всех.

Весела стала Настасья дочь Семеновна,
Говорит она да таково слово,
Своима словами она вышиблась:
— Ой есь, Дунай сын Иванович,
Я силовкой-то сильней тебя,
Я по меточкам-то метней тебя.

Осердился Дунай да сын Иванович,
Говорит он да таково слово:
— Ой еси, Настасья дочь Семеновна,
Пойдем со мной да во чисто поле,
Положим колечко на головушку,
Стрелять станем да сквозь колечико.

Говорит-то Настасья дочь Семеновна:
— Ой еси, Дунай да сын Иванович,
Прости меня да во первой вине!

Уговаривал его солнышко Владимир-князь,
Уговаривали русские все богатыри, —
Не могли уговорить удала добра молодца.

Выходили они на зеленый луг,
Встал Дунай сын Иванович,
Положил на голову себе колечико:
— Стреляй, — говорит, — Настасья дочь Семеновна!

Первый раз стрелила сквозь колечико,
Второй раз стрелила сквозь колечико,
Третий раз стрелила сквозь колечико.
Говорит-то Настасья дочь Семеновна:

— Прости, Дунай, меня во первой вины!

Вставала она на зеленый луг
И клала себе на голову колечико,
Говорит она да таково слово:
— Ой еси, Дунай да сын Иванович,
Не стреляй мне-ка да во белы груди:

Есть лежат у меня во белых грудях,
Тобой засеяны два ясных сокола,
По локот у них руки в золоте,
По колено их ноги в серебре,
Во лбу у них красно солнышко,
На затылке — светёл месяц,
По косицам — часты звездочки,
Не губи своих ясных соколов
И меня, Настасью дочь Семеновну!

Первой раз Дунай стрелил — он недóстрелил,
Другой раз стрелил — он перéстрелил,
В третий раз он направился,
Спустил он ей стрелу да во белы груди.
Свалилась Настасья дочь Семеновна
На ту же матушку сыру землю.
Подбежал Дунай да сын Иванович,
Распорол он у ней белы груди:
Лежат тут два ясных сокола,
По локот у них руки в золоте,
По колено их ноги в серебре,
Во лбу у них красно солнышко,
На затылке светел месяц,
По косицам часты звездочки.
Заткнул Дунай копье тупым концом
Во ту же матушку сыру землю,
Навалился своей белой грудью:
— Куда пошла бела лебедь,
Тут, — грит, — пойдет и ясной сокол.

12. ДОБРЫНЯ И КАЛИН-ЦАРЬ

У той ли у царицы златорогоей
Были у ней дети малые.
Выходят дети вон на улицу,
Выходят они из черна шатра.
Скоро они заходят во черной шатер,
Говорят своей матери родимоей:
— Уж ты ой еси, мать наша родимая,
Уж и та турица златорогая,
Над Стольным заря зачинается,
Восходно красно солище подымается.
— Вритё, мои дети любимые,
То не утренняя заря зачинается,

Не восходно красно солнце подымается,
То выходит пресвята мать-богородица,
Она слышит над городом невзгодушку,
Видит — будет над Стольным безвременье.

И немного поры-время миновалось,
Подступал нонче собака Калин-царь,
Он одиннадцать прошел земель сильных,
Под двенадцатой подходит стольной Киев-град.
Не видно восходна красна солнышка
От ихна от пару от поганого —

Ясну соколу в вешной день не облететь,
Рыскучу зверю в осенню ночь не обрыскать,
Ни часту дождю эту силушку не примочить.
Был у него богатырь Игнатий сын Иванович.

Он призвал его во черной шатер,
Написал ему ярлык-скору грамоту,
Он не красками печатал, не печатями,
Он печатал, собака, красным золотом.
Поехал Игнатий дорогой прямоезжей,
Прямоезжей дорогой, малоезжей,
Едет Игнатий и раздумывает:

«Мне дорогой ехать — мне не честь-хвала,
Мне не выслуга будет богатырская».

Он ехал стороной — не дорогою,
Он в ограду заезжал не воротами,
Он скакал через стену городецкую,
Через высокую ту башню наугольную.

Скакал тогда он со добра коня,
Он оставил коня неприказана,
Неприказана коня, непривязана:

«Никому до моего коня дела нет».

Идет Игнатий на красно крыльцо,
Его лесенки дубовые сгибаются,
Вереюшки точеные шатаются.

Заходил Игнатий в гридню светлую,
Во те палаты княженецкие,

Он и богу не молится и челом не бьет,
Кланяется он на все четыре стороны,
Владимиру с княгиней — на особину,
Он мечет ярлык на дубовый стол,

Поклон тогда вывел и скоро вон пошел.

Говорил тогда солнышко Владимир-князь:

— Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад,
Ты ломай-ко печати все поганые,

Читай-ко ярлык-скору грамотку,
Ты читай, Добрыня, не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай!

Он сломал все печати поганые,
Стал читать он ярлык-скору грамотку —
Подошел к нам собака Калин-царь,
Он одиннадцать прошел земель сильных,
Под двенадцатой подходит стольной Киев-град.
У нас ладит все монастыри под дым пустить,
Пресвяту мать-богородицу в ногах стоптать,
Вседержителя-спаса — на поплав реки.
Ладит худшую силушку повырубить,
Ладит лучшую силушку всю повыгонить.
Еще просит от нас собака сто возов:
«Помрет, — говорит, — моёй силы много с голоду».
Ладит князя Владимира в котле сварить,
А княгиню мать Апраксию взять в супружество.
Тогда упал Владимир на кирпичат пол,
Лежит Владимир три часа мертв.
Проснулся солнышко Владимир-князь,
Стал писать Владимир скору грамотку:
— Пусть он даст нам сроку хоть на три годика,
На три годика не даст, так хоть на три месяца,
На три месяца не даст, так хоть на трои суточки,
Нам покаяться в городе да подладиться.

Старого тогда дома не случилось.
— Кабы был, — говорит, —
Был у меня старой, так — дума крепкая,
Кабы был у меня старой, так — шуба теплая,
Кабы был у меня старой, так — рука правая.

Приготовил ярлык-скору грамотку,
Отправил Добрынюшку Микитича
Ко тому ли собаке — царю Калину.
Седлал Добрынюшка Микитич млад,
Седлал своего коня доброго.
Берет с собой палицу буёвую,
Берет с собой саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
Берет свое копейцо бурзамецкое.
Садился Добрыня на добра коня,
Повез он ярлык-скору грамотку.
Выезжал он на горы на великие,
На те ли на щели неукатисты,

Смотрит он в трубочку подзорную,
Он смотрит на силу-рать великую.
Сидит Добрыня прираздумыват
На своем Добрыня на добром коне:
«Не думой было это нашей принадумано,
Не белыми руками приобделано».
Приезжат близко к силушке великой
И говорит Добрыня таковы слова:
— Уж вы ой еси, татары немилостливы,
Дайте мне дорожку до черна шатра,
У меня, — говорит, — конёчек молоденькой,
Первопутная лошадка, неученая,
Погубит много вас душ безвинных.

Не дают ему дорожку до черна шатра.
Тогда берет он палицу боевую,
И поехал он по силушке великой:
Во праву руку махнет, так лежат улицей,
Во леву повернет — переулками.
Добрался Добрыня до черна шатра,
Скакал со своего коня доброго,
Он берет с собой саблю вострую,
Распахнул у шатра полу правую,
Заходит Добрыня во черный шатер:
— Уж ты здравствуешь, батюшка наш Калин-царь!
Я привез тебе хлеба сто возов
И закуски тебе — друга сто возов.

Он махнул своей саблей вострой,
Саблей новой, необновленной
И ссек у него со плеч голову.
Поехал он назад в стольной Киев-град
По той ли по силе по великой:
Во праву руку махнет — лежат улицей,
Во леву повернет — переулками.
Он увидел своих русских богатырей —
Секут они рать-силу великую:
Секли они трои суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Своим добрым коням отдоху не даваючи.
Они вырубили рать-силу великую,
Не оставили живой души на семена,
И поехали тогда в стольной Киев-град,
Столовали они трои суточки
И трои же сутки просыпались.

13. ДУНАЙ ИВАНОВИЧ И БАТУЙ КАЙМАНОВИЧ

Г оворил солнышко Владимир-князь:

— Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Ты прибирай себе товарищей.

Говорил Дунай сын Иванович:

— Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь,
Я возьму себе Олёшеньку Поповича,
Нам двоим, робятам, веселей будет,
Я возьму себе Добрынюшку Микитича,
Троим нам, робятам, веселей будет.

Говорил старóй Илья Муромец:

— Возьмите, — говорит, — меня в товарищи:
Усмотрел я свету белого,
Истоптал я матушки сырой земли.

— Нам не нать старой Илья Муромец.

Говорил солнышко Владимир-князь:

— Вы свезите у меня дани-пошлины
Царю Батую Каймановичу:

Завалились эти дани-пошлины за двенадцать лет.

Нать свезти Батую-царю Каймановичу:

Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны,
Сорок неученых больших жеребцев.

Стали суряжать нов червлен корабль,
Стали грузить на червлен корабль
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны,
Сорок неученых больших жеребцев.

Пошли они во божью церковь
Помолиться спасу-вседержителю,
Пресвятой матерь божьей богородице.
Распрощаются с солнышком Владимиром
И с той же княгиней Апраксией,
И с тем же старым Ильей Муромцем.

Тогда заходят они на червлен корабль,
Поклали они сходенки дубовые,
Вытягивали они якоря булатные,
Распускали паруса канифасные,
Отправились тогда за синё море.

Денечек бежат они до вечера
И темную ночь до белá светá,

Второй день бежат они до вечера

И темную ночь до бела света,
Третей день бежат они до вечера
И темную ночь до бела света.
Прибегают они близко к берегу,
Опускали паруса канифасные,
Пометали якоря булатные,
Клали они сходни концом на́ берег.
Тогда выходит Дунай сын Иванович,
Выходит он на крутой берег.
Затыкал он копейцо бурзамецкое
Тупым концом в землю, острым — под верхом.
Стал он ребятам наказывать —
Тому ли Олешеньке Поповичу,
Тому ли Добрынюшке Микитичу:
— При последней поры при времени
Станет копейцо когда ржавети,
Тогда я буду во неволюшке.

Приходит он к царю Батуищу,
Заходит в его гридню светлую.
Говорит Дунай сын Иванович:
— Уж ты ой, Батуй сын Кайманович,
Я привез тебе дани-пошлины:
Сорок сороков черных соболей,
Еще сорок неученых больших жеребцев,
Сорок тысячей по счету золотой казны,
Прими мои дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.

И сказал Батуй сын Кайманович:
— Не приму я у тебя дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.
Накину на тебя службу царскую:
Можешь ты играть со мной в пешечки воловые,
Воловые пешечки точеные?

Приносит Батуй доску железную,
Вот и стали они играть пешками воловыми,
Воловыми пешками точеными.
Ступил Батуй сын Кайманович
Своею пешкою точеною,
Ступил Дунай сын Иванович.
Ступил Батуй во второй раз,
Ступил опять Дунай сын Иванович.
Ступил Батуй во третий раз,
Ступил Дунай сын Иванович.
В четвертый Батую ступить некуда,

Батую тогда не поглянулося.
Берет Дунай сын Иванович
Пешечну доску железную
И бросил ее во дверь железную,
Вышиб дверь с ободвериной.
Призвал Батуище двенадцать татаринов —
Повели Дуная в темницу темную,
Привязали его коня доброго.
Выходит Добрыня на крутой берёг,
И выходит Олешенька Попович млад,
Посмотрели копейцо бурзамецкое —
Затускло копейцо бурзамецкое.
Выводят своих коней добрых,
Берут свои доспехи богатырские,
Надевают они платице военное,
Садятся они на добрых коней.
Поехали они скоро-наскоро
Искать своего товарища,
Того же Дуная Ивановича.
Приезжают они в царство Батуево,
Увидели Дуная коня доброго,
Стоит он у столба дубового,
Пробил он землю по колен земли.
Тогда услышал их Дунай сын Иванович,
Что приехали его товарищи,
Говорил он Добрынюшке Микитичу:
— Сопни эти двери со тугих замков,
Выведи меня вон на улицу.

Сопну́л Добрынюшка Микитьевич —
Слетели двери со тугих замков.
Выходил тогда Дунай вон на улицу.
Пошли они к царю Батуищу,
Опять сказал Дунай Иванович:
— Прими у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.
— Не приму я у вас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития,
Накину я на вас службу царскую:
Есть у меня жеребец неученый,
Можете ли вы на нем ездить?
— Веди жеребца неученого, —
Сказал Добрынюшка Микитьевич.
Ведут двенадцать татаринов
Жеребца неученого на цепи железной.

Накладывал Добрынюшка Микитьевич
На жеребца узду тесмяную,
Накладывал седелко тесмяное,
Вскочил Добрыня на добра коня,
Понесся он по чисту полю
(*Не сказано, сколько он ездил!*).

Долго ли ездил ли, коротко ли,
Идет жеребец ступцой бродовою.
— Убирайте своего коня доброго,
Довел я коня до пропасти,
У нас на эких конях в городе
Ездят только старухи по миру.

Идут они к царю Батуищу.
Говорит опять Дунай сын Иванович:
— Уж ты гой еси, Батуй-царь Кайманович,
Прими от нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.

Отвечает Батуй-царь Кайманович:
— Не приму я у вас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития,
Наложу я на вас службу царскую:
Есть у меня тугой лук и калена стрела,
Можете ли вы нашим тугим луком стрелять?

Несут лук два татарина,
Калену стрелу третей несет.
Выходил Олешка вон на улицу,
Натянул он тогда тугой лучок
И вкладывал стрелочку каленую —
Разлетелся лук на три жеребья.
Заходит Олешка в гридню светлую:
— Что, — говорит, — над нами смеешься ты?
Приносишь нам на смех такой лучок:
Только стреляться малым ребятам,
А не нам, богатырям, таким лучком.

Снова говорит Дунай сын Иванович:
— Уж ты ой еси, Батуй-царь Кайманович,
Прими у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития!
— А не приму, — говорит, — я дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития:
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны,
Сорок неученых больших жеребцев.

Выходили они вон на улицу:
Во первых, Дунай сын Иванович,
Во вторых, Добрынюшка Микитич млад.
Приходят они ко своим коням добрым,
Скакали они на добрых коней,
Стали секчи рать-силу великую.
Тогда выходит Олешенька Попович млад,
Он не может добраться до добра коня,
Взял он татарина за ногу:
— Живоват, — говорит, — собака, не порвешься,
Костлявая собака, не изломишься!

Добрался Олеша до добра коня,
Он берет в руки палицу буёвую
И поехал вдоль по силе по великой.
Во праву́ руку он бьет — лежат улицей,
Во леву́ руку — переулками.
Повырубили они всю рать-силу великую,
Не оставили ни единого на семена,
Злато-серебро они у них повыграбили.
Тогда заходит Дунай к Батую в гридню светлую:
— Прими, — говорит, — у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития!

(На смех говорит!)

Берет Дунай в руку саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
Обновил у его на бело́й шее,
Ссек у его по плеч голову.
Выходит Дунай вон на улицу
Из Батуевой гридни светлой.
Садятся тогда на своих коней добрых,
Поехали они ко своему нову караблю.
Доехали до своего нова карабля,
Спускались они со добрых коней,
Заводят коней добрых на червлен карабль,
Убирали они сходенки дубовые,
Распускали паруса канифасные,
Забегали тогда в гавань карабельную,
Опускали паруса канифасные,
Покладили они сходни концом на́ берег,
Выносили они якоря булатные,
Укрепили они нов червлен карабль.
Выходили они на крутой берег,
Пошли в город-царство Батуево.
Стали носить товары разные на червлен карабль,

Носили они товары разнообразные:
Носили они злато-серебро,
Всё грузили на червлен карабль,
Заводили коней самолучших
И заходят молодцы на червлен карабль.
Клади якоря булатные на червлен карабль,
Убирали тогда сходенки дубовые,
Распускали паруса канифасные,
И отправились ребята за синё море,
За сине море, ребята, в стольный Киев-град,
Все они, ребята, радешеньки.
Вот и денечек бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до белá света,
Второй день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света,
Третий день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света.
Прибегают они к стольному ко Киеву,
Забегают в гавань карабельную,
Опускали паруса канифасные,
Выносили якоря булатные,
Крепили карабль крепко-накрепко,
Поклади они сходни концом на берег.
Встречает их солнышко Владимир-князь
И встречает их княгиня мать Апраксия,
И встречает их старой да Илья Муромец,
Встречает их вся дружинишка хоробрая.
Тогда говорит солнышко Владимир-князь:
— Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Тебя милости к нам просим на почестен пир.
Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад,
Тебя милости просим на почестен пир.
Уж ты ой еси, Олешенька Попович млад,
Тебя милости просим на почестен пир.
Завелось тут пированье-столованье — почестен пир.
Тогда стал Владимир красно солнышко выпрашивать:
— Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Каково себе поездил, себе путь держал?
— Поездил я по морю по синему,
Путь моя шла благополучная,
Не взял у нас Батуй дани-пошлины.
Сослужили мы его службы заданные:
Играл я в пешечки воловые —
Обыграл я Батуя скоро-наскоро.

И ездил Добрыня Микитьевич
На ихном жеребце неученом —
Заездил жеребца до пропасти.
Стрелял Олеша тугим луком —
Разлетелся лук на три жеребья.
Я привез назад дани-пошлины:
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны,
Сорок неученых больших жеребцев.
И повырубили мы всю рать-силу великую,
И ссекли у самого со плеч голову,
Злато-серебро мы у его повыграбили,
Разноличные товары все повыносили,
Самолучших коней взяли в стольной Киев-град.

14. ВАСИЛИЙ — ЦАРЬ ТУРЕЦКИЙ И СОЛОМОН

У Василя, царя турецкого,
Турецкого Василя, цареградского
Заводилось тут пированье-столованье,
Пированье-столованье — почестен пир,
Про многих татар — людей поганных,
Про купцев — людей торговых,
Про мещан толстопузых.
Все на пиру тут пьяны-веселы;
Выходит Василий, царь турецкий,
Он ходит по грядне по светлой,
И он по той же по середины кирпичатой,
Он ножку об ножечку похлопывает,
Каблук о каблук поколачивает,
Он веселыми глазами везде разглядывает,
Он умильную речь разговаривает,
Он умильную речь, тихо-смирную:
— Еще кто мне-ка найдет невесту зарученную,
Как по-русскому назвать — жену венчальную,
А по-нашему назвать — супружницу,
Тому дал бы я города с пригородками,
Тому дал бы я села со деревнями.

Тогда вставал Таракашка на резвы ноги:
— Я найду тебе невесту зарученную,
Суряди-ка мне-ка нов червлен корабль.
У того у царя у Соломона

Есть у него жена прекрасная.
А Соломона дома не случилось:
Уехал Соломон на три годика
На те на тихи вёшны заводи
Стрелять серых малых уточек,
И на заводах — белых лебедушек.

Сурядили тогда нов червлен корабль.
Таракашка гость Заморянин,
Он берет свою дружинушку хоробую,
Берет казаков преудалых,
Двенадцать добрых молодцев.
Всякий берет с собой провизию,
Берет с собой зелена вина,
Для коней берет пшена белоярова,
Берет воды сладкой медовой сороковками.
Заводил Таракашка на червлен корабль
Всех своих удалых добрых молодцев,
Стали отправляться во синё море,
Поклали сходенки дубовые,
Вытягали якорьки булатные,
Распускали паруса канифасные,
Побежал Таракашка тогда за море.
Денечек бежит он до вечера,
Бежит темну ночь до белá светá,
Второй день бежит он до вечера,
Бежит темную ночь до бела света,
Третий день бежит он до вечера,
Бежит темную ночь до бела света.
Выходил Таракашка на червлен корабль
Смотрит он в трубочку подзорную,
Завидел он город царя Соломона,
Подбежали они к гавани корабельной,
Опускали паруса канифасные,
Пометали тогда якоря булатные,
Кладут они сходни концом на́ берег.
Снарядился Таракашка гость Заморянин,
Надевал на себя платице хорошее,
Отправился он в город царя Соломона
И заходит во ограду царскую,
И заходит тогда в гридню светлую,
Где сидит царица царя Соломона.
— Здравствуешь, удалой добрый молодец!
— Здравствуешь, царица царя Соломона!

Стал он с ней разговаривать:
— Уж ты ой еси, царица царя Соломона,
Тебя милости просим на червлен корабль,
Посмотреть наши товары заморские,
Заморские товары разнообразные.

Посулилась она ему придти на червлен корабль,
Отдала ему таково слово.

Суряжается она на червлен корабль,
Одевается во свое платье цветное,
Берет она с собой слуг верных.

Отправляется она на червлен корабль,

Идет она на червлен корабль,
Заходит она на червлен корабль,
Заводит своих слуг верных.

Заводил он ее в гридню светлую,
Угощать стал ее напитками разнообразными,
Поил ее чаем-кофеем.

Немного поры-время миновалось,
Заспала тут царица в гридне светлой,
Они согнали тогда слуг с червлена корабля.

Он торопит свою команду подручную,

Убирают сходенки дубовые,
Вытягивают якоря булатные,

Распускают паруса канифасные,
Побежал Таракашка тогда за море.

Бежат они денечек до вечера,

Бежат темную ночь до бела света,

Второй день бежат они до вечера,

Бежат темную ночь до бела света,

Третий день бежат они до вечера,

Бежат темную ночь до бела света —

Видно стало турецкий град.

Проснулась царица царя Соломона,

Выходит она на червлен корабль.

— Уж ты ой, Таракашка гость Заморянин,

Еще что у вас в городе за пыль стоит?

Говорит Таракашка гость Заморянин:

— Это нам, — говорит, — на пир варят,

Варят это нам кобылятину,

А жарят нам жеребятину.

Прибегали они в гавань корабельную,

Опускали паруса канифасные,

Пометали якоря булатные

И поклали сходни концом на берег.

Выводил Таракашка гость Заморянин
Распрекрасную царицу царя Соломона.
Встречат их Василий царь турецкие,
Он берет княгиню за белы́ руки,
Целовал он ее в уста сахарные:
— Здравствуешь, моя княгиня первобрачная!

Повел он ее в свой дом царский,
Идет Таракашка гость Заморянин,
Идет сзади дружинушка хоробрая,
С того ли червлена нова корабля.
Завелся у Василия почестен пир,
Пьют все, едят, потешаются,
Промежду себя они хвалятся.
Пировали-столовали целы суточки,
Целы же сутки просыпались.
Немного поры-время миновалось,
Приехал Соломон-царь
Во свое ли царство Соломоново.
Приехал ко своим палатам царским.
Не встречат его молода жена —
Со слезами встречают его слуги верные:
— Уж ты ой еси, Соломон-царь,
Приезжал Таракашка гость Заморянин
И увез твою жену верную.

Заходил Соломон в гридню светлую,
Заходил, повеся буйну голову.
Немного поры-время миновалось,
Не много-не мало — трое суточки,
Снарядил Соломон нов червлен корабль,
Набрал своих казаков преудалых,
Двенадцать добрых молодцев
И двенадцать коней добрых,
Нагрузил он всякой провизии,
Сурядил свою команду на червлен корабль.
Обирали они сходенки дубовые,
Вытягивали якоря булатные,
Распускали паруса канифасные,
И отправился Соломон за сине море.
Попало ему погоды благополучное,
Благополучное, пособно-быстрое,
Да он скоро перебрался за сине море,
Недалеко бежит он от царства турецкого.
Спустил он паруса канифасные.
Глядят там люди много с пристани:

— Несет, — говорят, — суденышко разбойное,
Разбойное судно, ошельмовано,
Все паруса, видно, оборваны.

Пробежали мимо города турецкого,
Подняли паруса канифасные,
Нашел он себе местице удобное,
Опустил свои паруса канифасные,
Пометали якоря булатные,
Клали сходни концом на берег.
Тогда сказал он своей дружинишке хороброй:
— Уж ты ой еси, моя дружинишка хоробрая,
Вы мои казаки преудалые,
При последней поры-времени
Закричу я вам во турий рог,
Во турий рог во первый раз —
Вы седлайте-уздайте коней добрых,
Во второй раз сыграю во турий рог —
Вы садитесь на своих коней добрых,
Я в третий раз сыграю во турий рог —
Гоните тогда по чисту полю,
Гоните вы скоро-наскоро:
Приходит мне последняя пора-времечко.

Тогда Соломон отправляться стал:
Берет он с собой сумку подорожную,
Взял себе в руки тросточку,
Пошел он каликой перехожею.
Дошел он до города турецкого,
Идет Соломон мимо царский дом.
Увидела его жена прежняя,
Посылала она слуг верных:
— Идите, мои слуги верные,
Ведите калику перехожую.

Пошли тогда слуги верные,
Остановили калику перехожую,
Повели его тогда к жене прежней.
Заходил он в ейну гридню светлую,
Во те же палаты царские,
А Василья вдруг дома не случилось.
Повалила она на кровать пуховую,
Закрыла периной пуховую,
А немного поры-время миновалось,
Приехал Василий царь турецкие,
Стал он чай-кофей кушати,
С молодой женой разговаривать.

— Уж ты ой еси, Василий царь турецкие,
Был бы здесь Соломон-царь,
Чего бы ты с ним стал делати?
— Есть у меня сабля вострая,
Новая сабля необновлена,
Обновил бы я ее по белóй шее.

Скакал Соломон со кроваточки тесовой,
Из-под той же перины пуховой:

— Уж ты ой еси, Василий царь турецкие,
Не казнят нонче царей — больше вешают.
Уж ты ой еси, Василий царь турецкие,
Ты сработай тележку двоеколу,
Ты сделай мне-ка рель превысокую,
Ты повесь три петелки шелкóвые:
Первую петелку шелковую,
Вторую петелку пеньковую,
Третью-то петелку уж липову:
Во шелковую я положу буйну голову,
Во пеньковую положу руки белые,
Я во липову положу ноги резвые.

Приготовили ему тележку двоеколу
И сделали рель превысокую,
И повесили три петелки шелковые:
Первую петелку шелковую,
Вторую петелку пеньковую,
Третью-то петелку липову.
Выходил Соломон вон на улицу,
Выходил Василий царь турецкие,
Выходила его молода жена.
Идет Таракашка гость Заморянин.
Садился Соломон на тележку двоеколу,
А Соломон едет — старину поет:
«А колесо бежит, другó катится,
А третье колесо не остается!»
Привезли его к рели превысокой,
К той же казани ко смертной,
На перву ступень ступал — слово вымолвил:
— Уж ты ой еси, Василий турецкой царь,
Ты позволь мне-ка сыграть во турий рог,
Во турий рог, мне-ка во первой раз,
Проститься мне с птицами пернатыми,
Со теми же зверями со рысучими.

На втору ступень ступил — слово вымолвил:
— Уж ты ой еси, Василий турецкой царь,

Позволь мне-ка взыграть ноне во турий рог,
Во турий рог, мне-ка во вто́рой раз,
Мне проститься с матушкой сырой землей!

На третью ступень ступил — слово вымолвил:
— Уж ты ой еси, Василий турецкий царь,
Ты позволь мне-ка сыграть во турий рог,
Во турий рог, мне-ка во третий раз,
Мне-ка с белым светом распроститься!

Говорит его жена прежняя:
— Уж ты ой еси, Василий царь турецкие,
Ты казни его скоро-наскоро:
Обойдет он хитростью-мудростью великою!

Увидели тогда: во поле курева стоит,
Курева стоит, дым столбом валит.
Налетели тут его ясны соколы,
Скакали со своих коней добрых,
Захватили Василья царя турецкого,
Повесили в петлю шелковую,
Молоду его жену — во пеньковую,
А Таракашку-гостя — того в липову.
Задавилась его жена прежняя.
Отсек он ей по локот руки:
С поганым идолищем целовалася.
Отсек у ней по колен ноги:
С поганым идолищем оплеталася.
Обрезал ей губы по́ роту:
С поганым идолищем целовалася.

15. ПРО ЛУКУ СТЕПАНОВИЧА

Посередь было моря синего,
Посередь было моря всё на острове,
Жил же Степан да он не старился.
Было у него чадо милое,
Чадо милое да одинакий сын,
Невеликой детинка да лет двенадцати.
Во ту же пору, во то же времечко
Зазвонили заутреню воскресенскую,
Пошел же Степан во божью церковь,
Оставлял он свое чадо милое,
Замыкал он на три замка тяжелые:
Не убили его чтобы, не ограбили.
Пошел же Степан во божью церковь.

Разбужался Лука от крепкого сна,
Он пощупал двери рукой правою:
Двери-то были крепко заперты.
Садился Лука на ременчат стул,
Во своем уме Лука раздумыват:
— За что запирает меня родной отец:
Вором считает меня, разбойником,
Али ночным считает подорожником?
Надевал на себя Лука платье цветное,
Как пнул он дверь ногой правою,
Отлетели двери с ободверины.
Пошел Лука по крутым горам,
Напали на него жары-марева,
Захотелось ему искупатися,
Свежей водой да умыватися.
Поплыл Лука за первую струю,
Захотелось выплыть за третью струю.
Как третья-то струя зла-урывиста —
Вынесла Луку на синё море.
Схоботала его там змея скоропейная,
Скоропейная да девятиглавая,
Вынесла Луку на крутú гору.
Пригрело змею красным солнышком —
Распустила змея все девять хобот,
Опростала Луку сына Степанова.
Еще вышел Лука вон из хоботов,
Пошел Лука по крутым горам,
Нашел он полешко все листвяжное,
В долину было полешко десяти сажон,
В толщину было полешко во мужской охват.
Брал он полешко во белы́ руки,
Поднимал полешко выше головы,
Пошел Лука по крутым горам.
Поблизешенько к змеи да подвигается,
Пригрело змею да красным солнышком —
Спит же змея — не разбудится.
Распустила змея все девять голов,
Девять голов да девять хоботов.
Опускал он полешко вдоль по хоботам —
Отлетело у змеи да все девять голов,
Девять голов да девять хоботов.
Тут-то Лука да призадумался,
Слезно Лука да прирасплакался:
— К худому, видно, горе не привяжется,

Привязалось горюшко ко доброму,
Ко доброму удалу добру молодцу,
Который умеет горе мыкати,
Который умеет слезно плакати.

А пошел же Лука по крутым горам,
Идет же Лука по крутым горам,
Выходит на гору на высокую,
Выходит на шелома на окатисты.
Берет он трубочку подзорную,
Зрил он, смотрел да во все стороны:
Во первой сторонке да море синее,
Во второй сторонке ледяна гора,
А во третьей сторонке леса темные.
Как во той сторонке да во западной
Не леса стоят да леса темные,
Стоит же тут сила-караул велик,
Сосчитать бы ему, сосмекать ее.

Считал он, смекал трои суточки,
Насчитал он той силы сорок тысячей.
Потихонько ко силе подвигается,
Понизешенько силе поклоняется:
— Уж вы здравствуйте, сила-караул велик,
Вас не много-не мало — сорок тысячей!
— Здравствуй, отгадчик, добрый молодец,
Сосчитал-отгадал всех до единого.
— А чья вы сила-караул велик?
— Стоим мы за царя-султана турецкого.
— А каков у вас царь-султан турецкий
Для приходящих людей, для заблудящих?
— Хорош у нас царь-султан турецкий
Для заходящих людей, для заблудящих,
Только скинь ты с себя шапку-мурманку,
Да отпояшь ты от себя пояс шелковой.

Скинул он с себя шапку-мурманку
Да отпоясал от себя пояс шелковой,
Тогда раздвигалась сила надвое,
Давала молодцу путь-дороженьку.
Пошел Лука по крутым горам,
Идет же Лука по крутым горам.
Опять выходит на гору на высокую,
На шолома выходит на окатисты,
Берет он трубочку подзорную.
Смотрел Лука да во все стороны:
Во первой сторонке — море синее,

Во второй сторонке — ледяна горя,
В третьей сторонке да леса темные,
В четвертой сторонке да во подзападной
Не леса стоят да леса темные —
Стоит ли там сила-караул большой.
«Сосчитать бы мне эту силу, сосмекать!»

Считал он, смекал двои суточки —
Насчитал он силы тридцать тысячей.
Потихоньку ко силе подвигается,
Понизешенько силе поклоняется:
— Уж ты здравствуй-ко, сила да караул большой,
Вас не много-не мало — тридцать тысячей!
— Здравствуй, отгадчик, добрый молодец,
Отгадал-сосчитал всех до единого.
— Далеко ли ваши города турецкие,
Каков у вас царь-султан турецкий
Для заходящих людей, для заблудящих?
— Хорош у нас царь-султан турецкий.

Раздвигалась тогда сила-надвое,
Давала молодцу путь-дорожечку.
Пошел Лука по крутым горам,
Выходит на горы на высокие,
На те шоломы на окатисты.
Берет он трубочку подзорную,
Зрил-смотрел да во все стороны:
Во первой сторонке — море синее,
Во второй сторонке — ледяна гора,
Во третьей сторонке — леса темные,
Во той же сторонке во подзападной
Не леса стоят да леса темные —
Стоит да сила-караул велик.
«Сосчитать бы мне силу, сосмекать!»
Считал он силу целы суточки,
Насчитал он силы двадцать тысячей.
Поблизешенько ко силе подвигается,
Понизешенько силе поклоняется:
— Уж ты здравствуй, сила-караул велик,
Вы — не много-не мало — двадцать тысячей!
— Уж ты здравствуй, отгадчик, добрый молодец,
Отгадал-сосмекал всех до единого.
— Далеко ли ваши города турецкие?
— Недалёко наши города турецкие.
— Каков у вас царь-султан турецкий
Для заходящих людей, для заблудящих?

— Хорош у нас царь-султан турецкий
Для заходящих людей, для заблудящих.

Раздвигалась тогда сила надвое,
Давала молодцу путь-дорожечку.

Пошел Лука по чисту полю —

Стало видно города турецкие.

Заходил Лука да в зеленые сады

Ко той Настасьи ко Султановны.

Ходит Лука да в зеленых садах.

Увидала Настасья дочь Султановна,

Просила она Луку Степанова:

— Уж ты гой еси, удалой доброй молодец,

Как же тебя именем зовут,

Как величать по отчеству?

— Зовут меня Лука сын Степанович.

— Пожалуйте ко мне да чай-кофей пить.

Узнали татару кособрюхие,

Намутились султану турецкому,

Что живет у дочери Лука Степанович,

Он хочет узнать хитрость ельменску.

Пишет султан скорой ярлык,

Посылает Луку сына Степанова

К царю Ельману — узнать хитрость ельменску.

Берет Лука скорой ярлык,

Отправляется Лука к царю Ельману.

Приходит Лука к царю Ельману,

Приносит ярлык-скору грамоту,

Скорее же того да он прочитывает,

Берет Луку да за праву руку,

Повел же Луку да во чисто поле.

Приводит ко погребам глубоким,

Ко тем же ко ямам подземельным,

Повел его по ямам подземельным:

Стоят же во ямах бочки с порохом,

На бочках горят да свечи сальные.

Оставил Луку сына Степанова

Во тех же во ямах подземельных.

Ходил Лука все по погребам,

Гасил Лука свечи сальные,

Вышел Лука вон из погреба.

16. ПРО ИВАНА ГОРДЕНОВИЧА

Во стольном городе во Кieve,
У ласкова князя у Владимира
Заводилося пированье-столованье,
Пированье-столованье — почестен пир.
Тут все на пиру пьяны-веселы,
Все на честном прирасхвастались —
Иной-ёт хвастал красным золотом,
Как иной-ёт хвастал скатным жемчугом,
Как иной-ёт бы хвастал чистым серебром,
Как иной-ёт бы хвастал конем добрым,
Иной хвастал бы сбруей лошадиною,
Иной хвастал бы силой богатырскою,
Иной хвастал бы палицей буёвою,
Иной хвастал бы своей саблей вострою,
Иной хвастал копейцем бурзамецким,
Как умный-то хвастал старой матерью,
Безумный похваляется молодой женой.
Один молодец, он не пьет, не ест,
Ничем молодец не похваляется.
Говорил тогда солнышко Владимир-князь:
— Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
Что ты не пьешь, не ешь, не хвастаешь,
Ничем, молодец, не похваляешься?
Али местом мы тебя, видно, приобидели?
На пиру тебя чарочкой приобнесли?
Али стольнички мои тебе не по разуму,
Не по разуму они тебе, не очестливы?
Али нету у тебя красна золота?
Видно, нету у тебя скатна жемчуга?
Али нету у тебя чиста серебра?
Али нету у тя, видно, коня доброго?
На коне у тебя сбруи лошадиной?
Али нет у тебя палицы буюевой?
Али нету у тебя сабли вострой?
По рукам нету копейца бурзамецкого?
Али нет у тебя силы богатырской?
Тогда ответ держит доброй молодец,
По имени Иван сын Горденович:
— Много нонче у меня красна золота,
Погребами у меня чисто серебро,
Еще есть у меня скатна жемчуга,

Еще есть при себе у меня добрый конь,
На коне у меня есть сбруя лошадиная.
Есть, — говорит, — у меня палица биевая,
Есть у меня сабля вострая,
Еще есть у меня копейцо бурзамецкое,
Еще есть у меня сила богатырская,
Только нету у меня старой матери,
Во-вторых, у меня нету молодой жены.
Кто бы мне нонь нашел богосужену,
Богосужену невесту богоряжену,
Ну, по-русски мне назвать — жену венчальную,
По-немецки назвать мне — супружницу.
Чтоб была она переводна и собой статна,
Статна она была, ростом высока,
Как походочка у ней была б павиная,
Тиха речь-поговоря — лебединая,
Руса коса была чтобы до пояса,
Она в золоте, во серебре чтобы не погнулась,
Чтобы очи у ней были ясна сокола,
Как ресницы чтобы у ней были бобра сизого,
Еще кто бы мне нашел богосужену,
Богосужену невесту, богоряжену?

Вот из-за того застолья нонь среднего,
Со того ли со простеночка переднего,
Со той ли скамейки — дубовой доски,
Вставал тогда Добрыня на резвы ноги,
Из речей Добрыня выговаривал:
— Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
Я знаю тебе-ка богосужену,
Богосужену, богоряжену,
Хоть по-русски назвать тебе — невесту обручальную,
По-немецки назвать тебе — супружницу.
Она ростом переводна и собой статна,
Она собой статна, ростом высока,
Походочка чтобы ей была павиная,
Тиха речь-поговоря лебединая,
Руса коса была чтобы до пояса,
Чтобы в золоте-серебре не погнулася,
Чтобы очи у ней были ясна сокола,
Чтоб ресницы у ней бобра сизого.

Говорил Иван сын Горденович,
Говорил он таковы слова:
— Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад,
Уж ты как знаешь ее дороднеством?

Ответ держит Добрынюшка Микитич млад:
— Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
Я во том во городе Чернигове,
Я жил в том городе двенадцать лет.

Тут говорил Добрыня Микитич млад:
— Кто из нас будет тысяцким,
Еще кто из нас будет сватом большим,
И кто будет из нас нонче дружкой вежливым?

Говорил тут Иван Горденович:
— Старого я возьму нонче тысяцким,
А Добрынюшку Микитича — сватом большим,
А Олешку хоть возьмем дружкой вежливым.

Собираются удалы добры молодцы,
Сильные-могучие богатыри,
Седлают-уздают коней добрых,
Зеленá они вина берут сороковками,
Они пшеницы белой новой берут обозами.
Вышли они вон на улицу,
Направляют они своих коней добрых;
Вышел старой Илья Муромец,
Вышел Добрынюшка Микитич млад,
Тогда вышел Иван сын Горденович.
Садились тогда они на добрых коней,
Едут они по чисту полю.

Денечек они ехали до вечера,
Едут темную ночь до белá света,
Не пиваючи едут, не едаючи.
Они втору ночь едут до вечера,
Они темну ночку до бела света
И третий день едут до вечера,
Едут темную ночь до бела света.
Остановились они за пятнадцать верст
От того ли города Чернигова.

Разоставили шатры белополотняны,
Разоставили своих коней добрых,
Насыпали им пшеницы белояровой,
Наливали воды сладкой медовой.
И заходят ребята во белой шатер,
Разоставили столы белодубовы,
Пировали-столовали трои сутки,
Они трои же сутки просыпались.
Тогда проснулся Добрынюшка Микитич млад
И проснулся Иван сын Горденович.
Говорил тогда Иван таковы слова:

— Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад,
Не пора ли тебе нонче ехать свататься?

Выходил тогда Добрыня вон на улицу,
Тогда садился Добрыня на добра коня,
Он бы едет стороной, нонь не дорогою,
Он в ограду заезжает не воротами:

— Мне дорогой ехать — не честь-хвала,
Мне не выслуга будет богатырская.

Тогда скоро он скочил со добра коня,
Оставил тут коня неприказана,
Неприказана коня, непривязана.

— Никому, — говорит, — до моего коня дела нет.

Он заходит тогда в гридню светлую
Ко тому же Федору Черниговску,
Он богу не молится и челом не бьет,
Молиться у них, право, некому.

Говорил тогда Добрыня таковы слова:

— Уж ты ой еси, Федор царь Черниговский,
Я приехал к тебе-ка свататься
На твоей на дочери на меньшей.

Отдашь честью — возьмем с радостью,
Не дашь честью — возьмем нечестью.

Говорил тогда Федор царь Черниговский:
— Не Иванушка поставил тонку пленочку,
Не Иванушке попала в пленку уточка,
Васильюшко поставил тонку пленочку,
Окулову попала в пленку уточка.

Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
— Уж ты ой еси, ворона пустоперая,
Ты последняя птица волочажная,
Я пройду по гридне вдоль по светлые,
Возьму я тебя за честны кудри,
Кончу я твою вечну жизнь.

Тогда побежал Федор в гридню светлую
Ко своей ли дочери любимой,
Приготовил ей коня доброго,
Кладут все доспехи богатырские.
Выходила она тогда вон на улицу,
И выходил Добрынюшка Микитич млад.
Едет Добрынюшка Микитич млад,
И едет поленицы преудалая,
Наезжала она на Добрынюшку Микитича,
Ударила его по буйной голове.
Оборотился Добрынюшка Микитич млад,

Снял ее с коня доброго,
Отпустил его во чисто поле,
Посадил он ее на добра коня,
На добра коня — впереди себя.
Приезжают они ко белым шатрам.
Выходит Иван сын Горденович,
Выходит он из бела шатра,
Встречат он невесту зарученную,
Ту ли княгиню первобрачную.
Заходят они тогда во белой шатер,
Заварилось у них пированье-столованье,
Пошел у них пир на́весело.
Опять пировали трое суток,
Трой же суточки просыпались.
Проснулся старой казак Илья Муромец,
И проснулся Добрынюшка Микитич млад,
И проснулся Олешенька Попович млад.
Спит Иван Горденович с княгиней во своем шатре.
Сломали шатры белополотняны,
Кладут все доспехи богатырские
На своих коней добрых
И поехали они в стольный Киев-град.
Едут они по чисту полю,
Перепаала им дороженька кровавая,
Кроваву дорогу поперечную.
Говорил Иван сын Горденович:
— Я изведаю эту дорожечку кровавую,
Кроваву дорогу поперечную.
Говорит ему старой Илья Муромец,
Говорит ему Добрынюшка Микитич млад:
— Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
Не езд по дороге по кровавоей,
Потеряешь тут свою буйну голову!
Тогда поехал Иван сын Горденович
Изведать эту дорогу кровавую,
Кровавую дорогу поперечную.
Завидели на поле черной шатер,
Приезжали близко ко черну шатру.
Скакал он тогда со добра коня,
Распахнул у шатра полу правую,
Стали они тут боротися-дратися
С Васильем свет Окуловичем.
Оборол Иван Горденович Василья Окуловича,
Сронил его — бросил на землю,

Сел ему на черны груди.

Говорит тут Василий Окулович:

— Уж ты ой еси, княгиня первобрачная,
Сойди-ка ты со добра коня,
Стяни Ивана со черных грудей.

Спустилась она со добра коня,
Стянула Ивана со черных грудей,
Тогда сел Василий Ивану на белы груди.

А немного поры-время миновалось,
Повели его ко сыру дубу,
Связали его опутинной шелковою,
Пошли они во черной шатер,
Не закрыли у шатра полу правую,
Легли в шатер, потешаются.

Говорил Иван сын Горденович:

— Еще где-то у меня старой Илья Муромец?
Еще где-то у меня Добрынюшка Микитич млад?
Еще где-то у меня Олешенька Попович млад?

А немного поры-время миновалось,
Прилетели ко сыру дубу три ворона,
Садятся они на черной шатер,
Садятся, ревут, покаркивают.
Тогда вышел Василий Окулович,
Берет он свой тугой лук,
Вкладывает стрелочку каленую
И стрелят он тут черных воронов.
Облетела стрела вокруг сырой дуб
И разлетелась Василью во черны груди,
Кончила тогда его вечну жизнь.
Стоит поленица у черна шатра,
Пошла она ко сыру дубу:

— Уж ты ой еси, Иван сударь Горденович,
Извини меня во первой вине!

Говорит ей Иванушко Горденович:

— Отпутай меня от сыра дуба.

Отпутала его от сыра дуба.

Пришел он ко своему коню доброму.

Садился Иван на добра коня

Со своей молодой женой,

Тогда они поехали в стольный Киев-град.

Приехали они к реке быстрей,

Быстрой реке каменистой.

Остановил Иван своего коня,

Говорил тогда Иван таковы слова:

— Уж ты ой еси, моя княгиня первообрачная,
Спустись, — говорит, — со добра коня,
Подай-ко мне воды ключевой,
Я испить хочу воды ключевой.

Говорит она Ивану Горденовичу:
— Не испить ты хошь воды ключевой,
А испить ты хошь моей крови горячеей.

Спустилась она со добра коня,
Берет он в руки саблю вострую,
Новую саблю необновлену
И ссек у ней со плеч голову.

Приехал он в стольный Киев-град,
Приехал во ограду княженецкую,
Ко тому ли солнышку-князю Владимиру
Во те же палаты княженецкие.

Поздравляет тогда его Илья Муромец:
— Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
Здорово женился — тебе не с кем спать!

Выходил Иван тогда вон на улицу,
Спустился тогда со красна крыльца,
Берет он копейцо бурзамецкое,
Поставил он тупым концом во сыру землю,
На вострый пал грудью белою
И кончил тут свою вечну жизнь.

17. ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Выходил-то Добрыня на круто крыльцо,
Брал он стрелочку каленую,
Стрелил он стрелочку по городу.
Ходил-искал стрелочку каленую,
Не мог найти стрелочку по городу.
Вышел он да по загороду,
Увидел у душки Маринки-Лютóй Грозы
Разбито окно косяще-то.
Зашел Добрыня к ей в горенку —
Лежит на столе у ней стрелочка каленая.
Говорит-то Микитушка Добрынюшка:
— Ой есь, Маринка-Люта Гроза,
Отдай тою стрелочку каленую!
— Не отдам тебе стрелочку каленую:
Прострелил у мня окно косяще-то,

Залетела стрелка моему милу́ другу,
Залетела ему да во черны́ груди,
Разбила у него да лёгко-печеня.

Другой раз Микитушка выпрашивал:

— Ой есь, матушка Люта Гроза,
Отдай мою стрелочку каленую!

— Не дам я твою стрелочку каленую:
Разбил ты у меня окно косяще-то,
Убил ты у меня мила друга,
Прострелил у него черны груди,
Разбил его легко-печеня.

Третий раз Микитушка выпрашивал:

— Ой есь, Маринка-Люта Гроза,
Отдай мою стрелочку каленую!

— Не отдам твою стрелочку каленую:
Разбил ты у меня окно косяще-то,
Убил у меня мила друга,
Прострелил у него черны груди,
Разбил его легко-печеня.

Обернула она его гнедым туром,
Спустила его да во чисто поле.

У той же бабушки-задворенки

(У Микиты крёсна была),

Было у ней две дочери.

Ходили они во чистом поле,

Увидели у Маринки гнедых туров:

Раньше было у Маринки девять туров,

Нынь у Маринки стало десять туров.

Десятый тур — над турами тур,

Близехонько к ним да приближается,

Низко им он поклоняется,

Горючими слезами да умывается.

Пришли девки к матери,

Говорят они таково слово:

— Ой есь, матушка родимая,

У Маринки было девять туров,

Нынь у ней стало десять туров;

Десятый тур — над турами тур,

Близехонько к нам да приближается,

Низехонько нам да поклоняется,

Горючими слезами да умывается.

На то старушка была догадлива,

Брала она книгу волшебную,

Смотрела она в книге волшебной,

Говорит она таково слово:
— Обвернут* мой любимый крестничек,
Тот же Микитушка Добрынюшка:
Раньше ходил в день три раза,
А нын не ходит третий день.

Надевала она шубу на одно плечо,
Надевала шляпу на головушку,
Брала трость в руки железную,
Пошла к душе Маринке-Лютой Грозе.
Зашла она к Маринке-Лютой Грозе:
— Здравствуй, Маринка-Люта Гроза!
— Здравствуй, бабушка-задворенка.
— Ой есь, матушка Люта, Гроза,
Отверни моего крестника!
— Не отверну я твоего крестника:
Прострелил он у меня окно косяще-то,
Убил он у мя мила друга,
Прострелил у него черны груди,
Разбил его легко-печеня.

Другой раз старушка выпрашивает:
— Ой есь, матушка Люта Гроза,
Отверни моего крестника!
— Не отверну я твоего крестника:
Прострелил он у меня окно косяще-то,
Убил он у мя мила друга,
Прострелил у него черны груди,
Разбил его да легко-печеня.
— Не отвернешь моего крестника —
Оберну тебя сукой-волочеею,
По всему городу станешь волочиться.

Того Маринка не боялася:
— Не отверну, — грит, — твоего крестника:
Прострелил он у меня окно косяще-то,
Убил он у мя мила друга,
Прострелил у него черны груди,
Разбил его легко-печеня.

Говорит-то бабушка-задворенка:
— Ой есь, Маринка-Люта Гроза,
Отверни моего крестника,
Не отвернешь моего крестника,
Оберну кобылой водовозной,
На весь город станешь воду возить.

* Обвернут — превращен в оборотня, в другое существо.

Того Маринка забоялася,
Того Маринка и перепалася.
Говорит Маринка таково слово:
— Возьмет меня он за себя взамуж,
Так отверну я твоего крестника.
Говорит-то бабушка-задворенка:
— Возьмем тебя за него взамуж.
Брала Маринка книгу волшебную,
Заходила она на крутѣ крыльцо,
Скликала она гнедых туров.
Бежат к Маринке десять туров,
Десятый тур да над турами тур.
Да отвернула Маринка Микиту Добрынюшку.
Говорит-то Микита таково слово:
— Тебе спасибо, моя любима крѣстнушка,
Избавила меня от галенья*.
Говорит-то бабушка-задворенка:
— Ты, мой любимой крестничек,
Обещалась я ей взять за тебя взамуж.
Взял Микита ей за ся взамуж.
Валила старушка их на кроватку тесовую.
Говорит-то Микита таково слово:
— Ой есь, Маринка-Люта Гроза,
Целовалась ты с поганым татаринѣм —
Отрежу у тебя о зубы губы.
Отрезал у ней о зубы губы.
— Обнималась ты с поганым татаринѣм —
Отрежу у тебя по локѣть руки.
Отрезал у ней по локѣть руки.
— Оплеталась ты с поганым татаринѣм —
Отрежу у тебя по колен ноги.
Отрезал у ней по колен ноги,
Вынес ее вон на улицу,
Выбросил ее да во чисто поле:
— Полетай, душка Маринка, во чисто поле,
Ворѣнам да вѣронам на граенье.

18. ПРО ДЮКА СЫНА СТЕПАНОВИЧА

Во той во Нижной во Галице,
Есть там живет пречестная вдова
По имени Омельфа Тимофеевна.

* Галенье — глумление, издевка.

И есть у ней едино чадо —
Молодые Дюк сын Степанович,
Ему от рожденья шестнадцать лет.
Придумалось ему да приохотилось
Съездить-сходить да ко синю морю —
На те-де круты-баски бережка,
На те пески желты Макарьевски,
Пострелять там гусей да белых лебедей,
Серых малых утенышков.
Просил он у мамы благословеньице —
От буйной главы до сырой земли.
Не дает ему мать благословеньице
Съездить-сходить да ко синю морю.
Стал тут Дюк суряжаться,
Степанович стал сподобляться:
Берет он свой тугой лук со стрелками,
Брал он стрелочки каленые,
Каленые стрелочки, перёные:
Не простым перьем — всё орлинским,
Не простого орла — всё заморского,
Заморского орла, сизоканского.
Берет он уздичку тесменную,
Выносил седельшко зеркальчато.
Пошел он, Дюк, на конюшен двор,
Узнал он коня-троелеточка,
Накладывал седельшко зеркальчато.
Скоро он, Дюк, в стремя ступил,
В стремя ступил да на коня вскочил,
Отправился-поехал ко синю морю,
На те-де круты да баски бережка,
На те пески желты Макарьевски.
Пострелял он тут гусей, белых лебедей,
Серых малых утенышков.
Оттудова Дюк поворот дает:
Поехал на горы на высокие,
На те на окаты на прекрасные.
Становил он своего коня доброго,
Вынимал он трубочку подзорную,
Смотрел он, глядел да на все стороны:
Видать, там что ли знаменуется —
Стольный Киев-град да оказывается.
Придумалось ему да приохотилось
Съездить-сходить да в стольной Киев-град,
Посмотреть там князя со княгинею,

Всех там русских богатырей.
Направил коня своего доброго
В ту сторону, куда путь лежит.
Говорил ему свой ли доброй конь,
Говорил он языком человеческим:
— Ой есь, молодые Дюк Степанович,
Не могу я нести тебя в стольной Киев-град:
Ты кормил меня травой-осотою,
Поил меня водой болотною,
Поезжай теперь назад в Нижну Галицу,
Во ту Корелу пребогатую,
Поставь меня на рели на высокие,
Насыпь мне пшены белояровой,
Напой меня водой ключевою,
Пройдет тогда пора-времечко,
Пора-времечко — как десять дён,
Поезжай тогда на мне в стольной Киев-град:
Не будут нас держать ручьи приглубые,
Не будут нас держать речки быстрые,
Мелкие ручьи мы на шаг шагнем,
Быстрые речки — на скок скакнем.

Отправился Дюк в Нижну Галицу,
Во ту Корелку пребогатую,
Ко своей ли маменьке родимоей.
Привез он гусей да белых лебедей,
Серых маленьких утенышков.
Поставил коня на рели на высокие,
Насыпал пшены да белояровой,
Поил его водой ключевою.
Прошло поры-времечка ровно десять дён,
Говорил ему свой добрый конь
Языком ему человеческим:
— Поезжай теперь на мне в стольной Киев-град,
Не будут нас держать ручьи приглубые,
Не будут нас держать да реки быстрые.

Не белая береза изгибается,
Не малиновы листочки расстилаются, —
Упадывал тут Дюк сын Степанович
К своей ли маменьке родимоей,
Просил он у ней благословеньица —
От буйной главы до сырой земли.
Не дает ему мама благословеньица
Съездить-сходить да в стольной Киев-град,
Посмотреть там князя со княгинею,

Всех-то русских богатырей.
Стал тут Дюк суряжаться,
Молодые стал да сподобляться.
Стала ему матушка наказывать,
Стала ему да наговаривать:
— Ты ой еси, мое да чадо милое,
Приедешь-придешь да в стольной Киев-град,
Зайдешь ко князю да ко Владимиру,
Помолися богу по писаному,
Молитву сотвори да по-Исусову.
Посадят тогда да на почестен пир
Со всема ли со русскими богатырьми,
Не пей сам много зелена вина,
Не хвастай своим богачеством,
Не хвастай своей золотой казной,
Не хвастай ты мною, старой мамонькой.

А все тут на пиру напивались,
Все на честном да наедались,
Все на честном да прирасхвастались.
Говорил тут Чурило таковы слова:
— Уж ты ой еси, солнышко Владимир князь,
А какое к нам пришло то за невежищо,
Всех стеснил русских богатырей,
Меня-то, Чурилку, вовсе с места сжил.

Говорил тут Дюк таковы слова:
— Не то нонче поют, не то слушают —
Сидят, гуляют да забавляются.

Говорил еще Чурила во второй на кон:
— Уж ты ой еси, Дюк сын Степанович,
Ударимся мы с тобой о велик заклад —
Не о ста рублей, не о тысяче,
О своей-то ли буйной голове.

Скоро тут ребята собирались,
Берут от князя проверщиков —
Описать у нас имущество:
У которого больше у нас окажется.

Поехали описывать у Чурила млада Плёнкова,
Взяли они чернила на тысячу,
Другого взяли они на пятьсот рублей.
Описали у него всё имущество.
Поехали они во Нижну Галицу
К Дюку сыну Степановичу,
Ко его ли маменьке родимой.
Говорит ли им маменька родимая:

— Приехали к нам гости нѣзваны,
Гости незваны, гости нѣжданны,
Стали они у меня выпрашивать,
Стали они у меня описывать.
Стоят-то у нас три терема,
Три терема стоят да три высоких,
Крыши у нас да всё медяные,
Печки-муравленки каменны,
Подики у них медяные.
Калачик съешь — другой хочется.

Описали они в трех высоких теремах —
Выдержали они чернила на пятьсот рублей,
Бумаги затратили на тысячу.
Не описали у него еще конюшен двор,
Не описали лошадей хороших,
Не описали сбрую лошадиную,
Оттуль поехали молодцы — поворот дали.
Приехали к солнышку Владимиру,
Стали они тут рассказывать.
Проверять они стали ихны записи:
У Чурила все имущество описано,
У Дюка описаны только три терема
Со великим большим богатством,
Конюшен двор еще неописанной,
И лошади хорошие не описаны,
И сбруя лошадиная не описана.
Говорил ли Дюк тут таковы слова:
— Ой есь, солнышко Владимир князь,
Нельзя ли у Чурила срубить голову?
Стали тут все уговаривать:
— Во первой вины его бог простит.
Простил он Чурила млада Пленкова,
Опять стали они сидеть-забавляться,
Пить стали много зелена вина.

19. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Из той же Нижней Малой Галицы,
Из той Корелы пребогатая
Выезжает Дюк сын Степанович,
Выезжает на горы Сарачинские.
Брал он трубоньку подзорную,
Смотрел под сторонушку под северну,

Под той же сторонушкой под северной
Стоит там, что ли, как темный лес.
Смотрел под сторонушку под летнюю,
Под той сторонушкой под летной
Большой огонь да сильно зарево.

Говорит-то Дюк сын Степанович:

— Горит у меня, видно, Нижня Галица,
Горит Корела да пребогатая.

Поворотил он своёго коня доброго,
Приезжат он домой да в Нижну Галицу.
Встречала его матушка родимая,
Пречестна вдова Омельфа Тимофеевна:

— Что ты, мое да чадо милое,
Куда ты ходил да куда ездил нонь?

— Ой есь, моя матушка родимая,
Был я на гóрах Сарачинских,
Брал я трубоньку подзорную,
Смотрел под сторонушку под северну,
Под той же сторонушкой под северной
Стоит там, что ли, как темный лес.
Смотрел под сторонушку под летнюю,
Под той сторонушкой под летной
Большой огонь да сильно зарево.

— Ой еси, мое дитя милое,
Молодехонько ты, дитя, да зеленёхонько!
Под той стороной под северной
Не темный лес, а стоит стольной Киев-град.
Под той сторонушкой под летной
Не огонь горит и не зарево,
А светит наша Нижня Галица:
Сараи у нас горят серебряны,
Маковки да позолочены,
От солнышка они огнем горят.

Говорит-то Дюк да сын Степанович:

— Ой есь, матушка родимая,
Дай мне благословеньице
Сходить-съездить в стольной Киев-град,
Посмотреть князя да со княгинею,
Посмотреть мне-ка русских богатырей.
— Уж не дам, — grit, — я тебе благословеньица
Идти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодехонько ты, дитя, зеленехонько.

Другой раз Дюк ее выпрашивал:

Ой есь, матушка родимая,

Дай мне благословеньице
Сходить-съездить в стольной Киев-град,
Посмотреть князя со княгинею,
Посмотреть мне-ка русских богатырей.
— Уж не дам я тебе благословеньица
Идти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодехонько ты, дитя, зеленехонько.

Третий раз Дюк ее выпрашивал:

— Ой есь, матушка родимая,
Дай мне благословеньице
Сходить-съездить в стольной Киев-град,
Посмотреть князя да со княгинею,
Посмотреть мне-ка русских богатырей.
— Уж не дам я тебе благословеньица
Идти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодехонько ты, дитя, зеленехонько.
— Дашь — поеду, и не дашь — поеду.

Заплакала мать его родимая:

— Ой есь, мое чадо милое,
Пойдешь ты, поедешь в стольной Киев-град.
Есть там Чурилишко привязливой,
Погубит у тебя да буйну голову.

Выносила она перчаточки жемчужные:

— Ой еси, мое чадо милое,
Подари эти перчаточки Илье Муромцу.

Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырской,
Только видели — в поле курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит.
Приезжает он в стольной Киев-град
К той же обедне воскресенской.
Заходил он во божью церковь,
Стоял тут Чурило млад Пленкович.
Выжал Дюк да сын Степанович
Своими плечами могучими,
Выжал Чурила млада Пленкова
Со того же права клироса.
Тогда подходит Чурило млад Пленкович,
Стал он его выпрашивать:

— Коего, молодец, ты роду-племени,
Коего, молодец, да отца-матери,
Как ты, молодец, да именём зовут?

Говорит Дюк да сын Степанович:

— Не то поют да не то слушают —

Поют обедню воскресенскую.

Другой раз Чурилишко выпрашивают:
— Коего, молодец, ты роду-племени,
Коего, молодец, да отца-матери,
Как ты, молодец, да именем зовут?

Говорит Дюк да сын Степанович:
— Не то поют да не то слушают —
Поют обедню воскресенскую.

Третий раз Чурилишко выпрашивают:
— Коего, молодец, ты роду-племени,
Коего, молодец, да отца-матери,
Как ты, молодец, да именем зовут?

Говорит Дюк да сын Степанович:
— Не то поют да не то слушают —
Поют обедню воскресенскую.

Отходит обедня воскресенская,
Выходили они все да вон на улицу.
Встретил Дюк да сын Степанович
Того же старого Илью Муромца,
Подарил ему перчаточки жемчужные.
Заходили они в палаты белокаменны
К тому же солнышку Владимиру,
Пошел у солнышка почестен пир.
Тот же старой да Илья Муромец,
Садился он да за передний стол,
Того же Дюка сына Степановича
Посадил себе подле праву руку.
Тут они сидят, пьют-едят.

Тот де Дюк сын Степанович
Попивать он стал зелено вино.
Сидит же Дюк да сын Степанович,
Ест он белые калачики:
Верхнюю корочку на стол кладет,
Нижнюю корочку под стол мечет,
Ест одну серединочку.
Замечает Чурило млад Пленкович
И говорит Чурило таково слово:
— Ой еси, солнышко Владимир-князь,
Приехал гость к нам незваный,
Незванный гость и нежданный,
Тебя, князя, ничем зовет,
Нас, богатырей, ни во что кладет.
Ест он у тебя калачики —
Верхнюю корочку на стол кладет,

Нижню корочку под стол мечёт
И ест он одну серединочку.

Осердились все удалы добры молодцы,
Осердился солнышко Владимир-князь,
Все стали на него нападывать,
Тут стали ему допрос делать:
— Почему же у нас не ешь калачики?

Отвечает им Дюк Степанович:
— У моей-то матушки родимой,
У честной да у Омельфы Тимофеевны
Печки-то у нас муравлены,
Подики-то у нас серебряны,
Помёлышко у нас медвяное:
Она пекет калачики —
Один калачик ешь, а другой пуще хочется,
А об третьем-то калачике душа горит.

Поддерживат его старой да Илья Муромец.
Тут Дюк с Чурилом прираспорили,
Говорит Чурило таково слово:
— Ой есь, приехал ты, молокососишко,
Я куплю-продам тебя одной своей куньей шубой!

Бились они с Чурилом о велик заклад —
Не о злате, не о серебре,
А об своих буйных головах:
У которого дороже кунья шуба.
Арестовали Дюка сына Степанова.
Поддерживат его старой да Илья Муромец,
Не дают его в обидушку.
Писал-то Дюк да сын Степанович,
Писал он ярлык да скору грамотку
К своей он матушки родимой,
Пречестной вдове Омельфе Тимофеевне:
«Ой есь, моя матушка родимая,
Пречестна вдова Омельфа Тимофеевна,
Пришли мне пальто да воскресенское».
Выходил-то он да вон на улицу,
Клал ярлык в седельшко зеркальчато,
Отправил он своего коня доброго.
Прибегает его добрый конь
В ту ли да Нижну Галицу.
Встречала его матушка родимая,
Встречала она и заплакала:
— Потерял, видно, чадо буйну голову.

Подходила она да к коню доброму,
Отмыкала седельшко зеркальчато,
Вымала ярлык да скору грамоту:
«Да ой есь, матушка родимая,
Пошли мне пальто да воскресенское».
Выносила она пальто да воскресенское,
Клала в седельшко зеркальчато,
И отправила своего коня доброго.
Прибегал конь да в стольной Киев-град,
Выходил-то Дюк да сын Степанович,
Отмыкал седельшко зеркальчато,
Вымал свое пальто да воскресенское,
Заходил он в светлу светлицу.
У того же Чурила млада Пленкова
Ценили кунью шубу в пятьсот рублей.
У того же Дюка сына Степанова
Тоже ценили во пятьсот рублей.
Надел-то Дюк да сын Степанович
На себя да он кунью шубу.
Было у Дюка на шубе три пуговицы.
Провел-то Дюк да сын Степанович
По пуговкам своей да правой рученькой —
Запели эти пуговики разным голосом.
Ценили эти пуговики:
Двум пуговкам цену дали,
А третьей не могли и цену дать.
Вскочил тут Дюк да сын Степанович
На свои да на резвы ноги,
Хватил он сабельку вострую —
Рубить у Чурила буйну голову.
Тут стали его упрашивать,
Стали его да уговаривать.
Поглядел он на старого Илью Муромца
И простил Чурила млада Пленкова.
Тут опять они сели на почестен пир,
Тут они и пьют-едят.
Опять Чурило с Дюком прираспорили.
Говорит-то Чурило таково слово:
— У меня, — грит, — житья-имущества больше твоего.
Бились они о велик заклад:
У которого меньше житья-имущества,
Рубить у того да буйну голову.
Захватили Дюка сына Степанова.
Поддерживат старой да Илья Муромец,

Не дават он Дюка в обидушку.
 Выбирали они два писаря:
 Одного — Олѣшеньку Поповича,
 Другого — Микитушку Добрынюшку —
 Ехать в Нижну Галицу,
 Описывать житѣ-имущество
 У того же Дюка сына Степанова.
 Два писаря поехали к Чурилишку.
 Приезжают Олешенька с Добрынюшкой
 Во ту ли да Нижню Галицу.
 Заходили они во горницу
 (Номер дома они знают),
 Ходит у печки тут женщина.
 — Здравствуй, — говорят, — Омельфа Тимофеевна!
 — Я, — говорит, — не Омельфа Тимофеевна,
 Я, — говорит, — ейна кухарочка,
 А Омельфа Тимофеевна — в парной баенке.
 Идет Омельфа из парной баенки,
 Ведут ее две кухарочки под руки.
 Заходит она ходом задним,
 Зашла она в теплу спаленку,
 Выходила она на кухню:
 — Здравствуйте, удалы добры молодцы!
 Куда вы пошли, куда поехали?
 — Приехали мы тебя описывать:
 Расхвастался Дюк да сын Степанович
 Об житѣ и об имуществе.
 Вынимал Олѣша ярлык да скору грамоту,
 Передал Омельфе Тимофеевне.
 Распечатала она ярлык да скору грамоту
 От того же Дюка да сына Степанова:
 «Ой еси, моя матушка родимая,
 Пречестна вдова Омельфа Тимофеевна,
 Отведи магазин сбруи лошадиной,
 Пусть они ее описывают».
 Говорит Омельфа Тимофеевна таково слово:
 — Ой еси, удалы добры молодцы,
 Проходите с дорожки попить-поесть.
 Провела она их во горенку,
 Посадила за дубовой стол,
 Подала по рюмке вина заморского —
 Зашавило* у ребят да буйну голову.

* З а ш а в и л о — захмелило.

По другой подала рюмочке вина заморского —
Где они сидели, тут и заспали.

Пробуждались они поутру рано,
Посадила она их попить-поесть.

Подала опять по рюмочке вина заморского.

Говорит она таково слово:

— Ой еси, удалы добры молодцы,

Пойдемте, отведу я вам магазин описывать.

Описывали они магазин два месяца —

Нехватило у них ни чернила, ни бумаги.

Говорит-то Олешенька Попович:

— Не описать нам ейно имущество за целый год.

Отправляться стали в путь-дороженьку.

Приезжали они в стольной Киев-град,

Заходили к солнышку Владимиру.

Спрашивать стали у Олешеньки Поповича:

— Долго ты, Олешенька, посздил нынь?

Говорит им Олеша таковы слова:

— Много ли описали у Чурила млада Пленкова?

— Описали, — говорят, — у него на пятьдесят тысяч.

— А мы, — говорит, — у того же Дюка сына Степанова

Описывали магазин сбруи лошадиной,

Описывали ровно два месяца —

Нехватило у нас ни чернила, ни бумаги

На одну ли же сбрую лошадиную.

Всё имущество его описывать —

Заберет нас на круглый год.

Вскочил-то Дюк да сын Степанович,

Схватил он сабельку вострую,

Рубить ладит его буйну главу,

Того ли Чурила млада Пленкова.

Стали его упрашивать,

Стали его да уговаривать.

Поглядел он на старого Илью Муромца,

Послушал старого Илью Муромца —

Не стал рубить его да буйну голову.

Тогда сели опять они на почестен пир,

Тут они опять пьют-едят.

Тут опять с Чурилом да прираспорили.

Говорит-то Чурило да таково слово:

— Я-то силовьей сильней тебя!

Тут-то они прираспорили,

Тут они да прирассорились.

Бились-боролись о велик заклад

Не о злате они, не о серебре —
О своих ли-то буйных головах:
Скакать на добрых конях через Дунай-реку,
Который не перескочит —
Рубить у того да буйну голову.
Как их унимали-упрашивали —
Не могли упросить добрых молодцев.
Выходили они да вон на улицу,
Садились они да на добрых коней,
Подъехали они к Дунай-реке,
И собралось тут народу много-множество.
Говорит Чурило млад Пленкович:
— Скачи, — говорит, — Дюк, через Дунай-реку.
Говорит Дюк да таково слово:
— Ты накликал — наперед ты скачи.
Разъехался Чурило млад Пленкович,
Скочил он через Дунай-реку —
Огруз он в самую середочку.
Разъехался Дюк да сын Степанович,
Скочил он через Дунай-реку —
Не омочил он ни копытника,
Перескочил он через Дунай-реку.
Поворотил он своего коня доброго,
Прижал он его шпорами острыми
И скочил назад он через Дунай-реку,
И схватил Чурила за желты кудри
И вытащил его из Дунай-реки.
Соскочил Дюк со добра коня,
Хватил он сабельку нынь вострую,
Срубил Чурилу буйну голову.

20. ПОТАНЮШКА ХРОМЕНЬКИЙ И КОСТРЮК ТЕМРЮКОВИЧ

Задумал наш царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Он задумал жениться,
Захотел обручиться
Не у нас на святой Руси,
Не у нас в каменнóй Москвы —
Он во Литве поганоей,
Он у кóроля на дочери,
Он на Марье Темрюковне.

Он не много с собой поезду берет,
Полтора́ста он татари́нов,
Полтре́тьяста боярских детей
Да пятьсот стре́менных стрельцов.
Он еще бы с собой берет
Стара́ дядю́шку Микиту́ Романовича.
Покати́лся наш ца́рь-госуда́рь
Он во Литву поганую,
Он ко королю́ ко доче́ри,
Он по Ма́рью Темрю́ковну.
Взя́л он с собо́й Ма́рью Темрю́ковну,
Тогда́ и покати́лся наш ца́рь-госуда́рь,
Ца́рь Ива́н суда́рь Васи́льевич
Во собо́р бо́жьей ма́тери
Пресвято́й богоро́дицы —
Он прима́ть зо́лотые венцы́,
Целова́ть чуде́н бо́жий крест.
Покати́лся к сво́ему́ двору́.
Тогда́ заходят гости́ зва́ные,
Они заходят тогда́ на почесте́н пир.
И пи́руют-сто́луют до́бры́ молодцы́,
Пью́т-е́дят, поте́шаются,
Проме́жду собо́й хва́лятся.
Еди́н си́дит Ко́стрик-Ме́стрик,
Ко́стрик-Ме́стрик Темрю́кович:
Он не пьет ча́ру за́здравную
За ца́ря правосла́вного,
За ца́рицу благове́рную
Он за Ма́рью Темрю́ковну.
Гово́рит тогда́ Ко́стрик-Ме́стрик,
Ко́стрик-Ме́стрик Темрю́кович:
— У́ж я мно́го горо́дов испро́шел,
У́ж я мно́го бо́рцов по́борол, —
Не на́шел я себе́-ка поеди́щичка.

Тут подня́лся дядю́шка ста́р Микита́ Рома́нович,
Он щипа́л сво́ю се́ду боро́ду,
Он щипа́л сво́ю си́ву голо́ву.
Выходи́л тогда́ дядю́шка ста́р Микита́ Рома́нович,
Выходи́л он на кра́сно́ кры́льцо.
Закри́чал тогда́ дядю́шка
Ста́р Микита́ Рома́нович,
Чтобы́ слы́шно во все́м горо́де,
В горо́ду и по-за́ горо́ду.
Тут иду́т два бо́гаты́ря:

Идет Васька Коротенькой,
Идет Потанюшка Хроменькой.
Васька на царев кабак пошел,
А Потанька — к царю на дворец,
Костылем подпирается,
Ко двору приближается.
Он заходит в гридню светлую,
Где сидят гости званые.
Говорил тогда дядюшка
Стар Микита Романович:
— Уж ты ой еси, Потанюшка Хроменькой,
Ты не можешь ли с Кострюком поотведаться?

Говорил Потанюшка Хроменькой,
Говорил таковы слова:
— Я вчера дивно выпивши,
Как болит моя гóлова
И шипит ретивó сердце.
Мне бы чара зелена вина,
Не мала-не велика — в полтора ведра.

Подносили ему чару зелена вина,
Не малу-не велику — в полтора ведра.
Он берется тогда единой рукой,
Выпивал эту чару единым духом,
Единым духом, одним помахом,
Не оставил во чарочке и в глаз пустить.
Из речей тогда выговаривал:

— Взвеселило мою буйну голову,
Не окатило мое ретиво сердце.
Еще мне бы чара зелена вина,
Не мала-не велика — в полтора ведра.

Подносили ему чару зелена вина,
Хоть не малу-не велику — в полтора ведра.
Он берется тогда единой рукой,
Выпиват он чару единым духом,
Единым духом, одним помахом, —
Не оставил в чаре и в глаз пустить.
Из речей тогда выговариват:

— Взвеселило мою буйну голову,
Окатило мое ретиво сердце,
Только не ходят мои руки белые,
Не носят мои ноги резвые.
Еще бы мне чара зелена вина,
Не мала-не велика — в полтора ведра.

Подносили ему чару зелена вина,
Хоть не малу-не велику — в полтора ведра.
Он берется тогда единой рукой,
Выпивает чару единым духом,
Единым духом, одним помахом, —
Не оставил в чаре и в глаз пустить.
Из речей тогда он выговаривал:
— Я могу нонче бороться,
С Кострюком поотведаться.

Скакал Кострюк через дубов стол,
Выходил Кострюк вон на улицу.
И спустились со красна крыльца,
Тогда и стали они бороться, —
Потанюшка Хроменький и Кострюк-Местрюк.
Во-первѣх Кострюк поборол,
И во-вторых Кострюк поборол.
Тогда Потанюшка справился:
Он вздымал его выше головы,
Опускал его о сыру землю,
Разболок ее тогда донага

(Это баба была!).

Тогда встал Кострюк на резвѣ ноги,
Пополз он тогда под краснѣ крыльцо.
*(Сказитель добавлял: «Кострюк-то это баба была,
вот и прячет зад-то под крыльцо»...)*

21. ПРО ИВАНА ГОДИНОВИЧА

(отрывок из былины)

У ж ты гой еси, дядюшка Микитушка,
Я задумал теперь, дядюшка, жениться!
Уж ты пива направляй, пива пьяного,
Бадейки направляй меду сладкого,
Сорок сороковок зелена вина.
Заплачу я те, сударь, деньги полные,
Деньги полные да сорок тысячей.
Приедут-то на свадьбку богатыри, —
Тридесять удалых добрых молодцев
Да святорусских могучих богатырей:
Во первѣм-то было во десяточке
Набольшим казак да Илья Муромец,
Во втором-то было во десяточке
Набольшим Дунай да сын Иванович,

Во третьём-то было во десяточке
Набольшим Добрынюшка Микитович.
Сподоблялись-снаряжались добры молодцы,
Седлали-уздали коней добрых,
Не видели посадки молодецкой,
Не видели поездки богатырской,
Только видели — в поле курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит.
Сколотили все желты пески сыпучие,
Не видно ходяча красна солнышка.
Удрогнула матушка сыра земля,
Сухое дубьё поломалось,
Сырое дубьё расшаталось,
Вершина с вершиною соплетались.
Долго ли ехали, коротко ли —
Разоставили шатры белополотняны,
Стали молодцы пировать-столовать.
Долго ли пили тут, коротко ли —
Прошло тому времю трои суточки,
На четверты-то сутки разбужаются.
Разбужается Иван сударь Годинович,
Умывается свежой водой ключевою,
Утирается белым полотенышком.
Как садится Иван да на ренчат стул,
И писал он ярлык да скору грамотку
Ко тому ли царю Федору Черниговску —
На прекрасной Маремьянушке посвататься.
Он со всякими угрозами великими:
— Нас тридцать удалых добрых молодцев,
Святорусских могучих богатырей.
Отдашь нам честью — возьмем с радостью,
Не отдашь нам честью — возьмем нечестью,
Мы царство твое под меч выклоним,
А тебя, царя, во полон возьмем...

22. ПРО ИВАНА ГОДИНОВИЧА

(отрывок из былины)

У Владимира-князя — почестный пир,
Стол веселый да с радостью.
Собирались тут да князя-бояра,
Князя-бояра да все богатые.
Первый боярин похвастывает:

— У меня-то есть много живота, —
Никуда-то он не держится.

Второй боярин похвастывает:

— У меня-то есть да много серебра, —
Серебро никуда не держится.

Третий боярин похвастывает:

— У меня-то есть молодая жена, —
Никогда-то она не старится.

Князь Владимир тоже похвастывает:

— У меня есть три жеребца да три летние:

Первый жеребец да сивогривчатый,

Второй жеребец — синегривчатый,

Третий жеребец да буромец, —

Буромца против нет.

Почто же Иван Годинович
Никогда не хвастается?

ПРИЧИТАНИЯ

ВОИНСКИЕ

23. ПРИШЛА СЛУЖБА ЕМУ ЦАРСКАЯ

Я вспоила да я вскормила
До полного его возраста,
До крепкого да ума-разума
Своего-то сына любимого:
Хоть и многи у меня да стадны —
У одного-то да ретива сердца,
У одной ли да души-радости.
Хоть рассеяны вы да развеяны,
По чужим людям распущены,
Не от радости вас бросала —
От неволюшки распускала.
Распускала да вспоминала,
Тяжело об вас воздыхала:
Я не жалостью вас жалела —
А сухотой об вас сохла.
Пришла пора-времечко,
Докатилася час-минуточка
Еще потошнее того, погорчее —
Пришла служба ему царская.
Быть готовому ему надобно:
Как служить-то ему службу царскую
Верой-правдою да царю-батюшке.
Нать* расставаться да расступаться,
Спровождать тебя, суряжать
Как на ту ли да службу царскую —
Словами да не откажешься,
Деньгами да не откупишься.
Хоть пойдет-то он, хоть поедет
На чужу ли да дальнюю сторону,
Оставляет он, покидает

* Н а т ь — надо.

Меня, стару, да мѣня, дрѣвнѣу,
Что при старой меня при старости,
При честной-то меня седости.
Растошнешенько да тяжелешенько,
Жить в разлукушке да тежелехонько,
Расстояннице да далекохонько.
Хоть и будут-то перепадывать
Вестки радостны да веселехоньки —
Письма-грамотки будет писать:
Он рад бы да написать,
Он и рад бы оповестить —
Он сам-то писать не знает,
Писарям все не доверяет.
Хоть придет-то ко мне грамотка —
Я сама-то читать не знаю,
Разобрать-то да не умею.
Хоть мне люди и прочитают,
Хоть мне-кова они расскажут —
Всё не так-то, да как мне надо.

24. ВО СОЛДАТАХ-ТО ЕМУ БЫТИ

Спроводила да снарядила
В путь-дорожечку да во дальнюю,
Во дальнюю да во печальную,
Во печальную да во слезливую.
Хоть воротится ли, не воротится —
Каки счастья его догонят,
Каки таланы да доведут,
Уж я буду да куковати,
Уж я буду да горевати,
Буду весточку да дожидати
От своего сына любимого,
От своего сына роженного —
Повестит ли да мне-ка весточку,
То ли радостну, то ли печальну,
Хоть возрадует ли он мое сердце,
Возвеселит ли меня да бедну —
Мои счастья если достигши.
Если счастья да не достигнут,
Не возвеселит он да мое сердце,
Не возрадует меня бедну.
Царь-батюшке если гожий,

Мне-ка горюшка еще прибавит,
Мне печали да еще больше.
Уж тогда мне ждать ли да не дожждаться:
Моей силушки да недохватит,
Моей мочи да неостанет.
Пусть он служит да верой-правдой
Батюшке да царю верному,
Царю верному да православному:
Ему бог-то да, видно, судил
Во солдатах-то ему быть,
Царю-батюшке да служить.

25. ТАМ ПОСТЕЛЬ ТЕБЕ НЕ ПОСТЕЛЕНА

У ж ты свет ли мой да ясный сокол,
Ты родимый мой брателко,
Ты куда от нас отправляешься,
Ты куда от нас собираешься,
Ясным соколом поднимаешься,
Отставашь ты да отлетаешь
От меня ли да от горюхи,
От сестры ли да от родимой?
Мы близки были да родны,
От одной ли да родной матери
(Отцы у них были разные),
Одного ли да роду-племени.
Хоть не вместе с тобой мы жили
(Он батрачил отдельно, у других),
Мы частехонько с тобой съезжались,
Хорошоохонько с тобой свидались.
Уж мы как да будем расставаться?
Уж мы как да будем расступаться?
Разойдемся мы, разъедемся —
Как водой нас разольет
И как ветром разнесет,
Как белым снежком мы растаем
(Ничем будто мы возьмемся)
Как желтым песком призаедем,
Муравой травой прорастем,
Прорастем-то мы да повянем,
Как в лугах ли цветы посохнем,
Так же мы с тобой разойдемся,
Друг мы дружку да не увидим,

Слов и голоса не услышим,
Хоть услышим мы друг про друга —
Всё не в точности да не в явности.
Тяжело тебе будет вспоминаться,
Нелегко тебе будет вздыхаться
На чужой ли на дальней стороны.
На чужу ли на дальнюю сторону,
На войну ли да лиходейную
Хоть поедешь ты, милый брателко.
Путь-дорога тебе знакомая:
Кому Ригушка неизведана,
А тебе, молодцу, напрокучила.
Приотведал ты да повызнал,
Каково житье во солдатушках:
Там постелюшка тебе не постелена,
Хоть постелена, да она не мягкая,
Изголовьице не крутое,
Одеялышко тебе не теплое.
Как постелюшка будет сыра земля,
Изголовьице — зло кореньице,
Одеялышко — ветры буйные,
Умываньице — не свежá вода,
Утираньице — не полотёнышко,
Упиваньице вам — не патока,
Уеданьице вам — не пряники:
Разбужаньице — пуля быстрая,
Умываньице — кровь горячая,
Утираньице — мурава трава,
Упиваньице — горючá слеза,
Уеданьице — суха корочка,
Командир полка — лихой лютый зверь.

26. НА ВОЙНУ ЛИ ДА НА ЗЛОДЕЙКУ

У ж нечато было, недумано,
Уж нежданно было, неведано —
Пришла весточка нам нерадостна,
Скора грамотка да со печалюшкой.
Тут меня, горюшу, приубило,
Тут печалюшкой одолило,
Ретиво сердце вередило,
Ровно зубом его укусило,
Как огнем его опалило.

Резвы ноги подломились,
Белы руки опустились,
Очи ясны потупились,
Мысли с разумом помутились,
И заболела я, завздыхала.
От милой я своей лады,
От советной своей, полюбовной,
От дорогой своей, подвенчальной
Нать расставаться да расступаться,
Разъезжаться да распрощаться, —
Нам расстанюшка будет нелегка,
Нам разлукушка будет тяжела.
Спровождать буду, суляжать
Я во путь ли да во дорогу —
Не на богатый да большой промысел,
Не на хорошу да я наживу,
Не на гульбу я, не на веселье, —
Как во ту ли дорогу дальнюю,
Во ту ли да во печальную,
Во печали да во слезливые,
Во слезливые да несчастливые,
На войну ли да на злодейку,
На злодейку да на германску.
Не сахаром тебя посыпать
И не медом тебя поливать,
И не жалостью будут жалеть,
И не ласкотой будут ласкать:
Будут смело тебя наряжать,
Будут строго с тобой поступать,
Во палюч огонь отправлять —
Под пули тебя да под быстры,
Под сабли тебя под востры,
Под штыки под булатны.
И не откажешься ты, не отвяжешься,
Не отговоришься, не отбояришься
Под неволюшкой под великою,
Под грозой ты да непомерною.

27. НА КОГО ТЫ НАС СПОКИДАЕШЬ?

Мы чего ноне, бедны, сидим-то,
Мы чего ноне дожидам-то,
Куда мы тебя снаряжам-то?

На промысел тебя ли на богатый,
На наживу ли на корыстну,
На корыстну да на велику?
В гости ли мы тебя весёлы,
В веселы тебя мы, в прохладны?
Спровожаем тебя мы, суряжам нонь
На чужу мы тебя, дальню сторону,
На злодейку мы, на разлучницу,
В путь-дороженьку да незнаему,
Незнаему-неиспытанну,
Неиспытанну-неизведанну.
Нам держать вас — не удержати,
За вами бежать — не убежати.
Уезжаешь ты, да милой ладою,
Лада-мила да сплюбовна,
Сплюбовна моя, венчальна,
Венчальна да обручальна:
Под пули ты да под быстры,
Под сабли да под востры,
Под копы да под точёны, —
На войну тебя гонят на кроваву,
На кроваву да на германску.
На кого ты нас спокидаешь?
На кого меня оставляешь,
Меня, несчастну-бесталанну,
Беззащитну-беззамолвну,
Бесприкольну, меня, да лодку,
Бесприкольну, меня, безъякорну?!
Без тебя, моя лада-мила,
Стар надо мной спотыкнется,
Мал надо мной надсмеется.
Спокидаешь меня, бросаешь
Со малыми меня детьми,
Со малыми да со многими,
Со многими да семьянными,
Со кучными да многостадными.
Как я стану жити,
Как я стану быти?
Чего стану исти,
Чего стану пити?
Хоть уедешь, мой милой-ладой,
Далеким от меня далекошенько,
Не забудь тогда меня, злосчастну,
Пошли ко мне списку-грамотку,

Велико ты мне челобитье.
Тогда мне, горе-злосчастной,
Не столь будет тошнешенько,
Не столь тяжелешенько.

28. ВОЗДЫХАТЬ О ТЕБЕ НЕ ДУМАЮ

С провожать я тебя — не провожаю,
Да и суряжать-то я тебя — не суряжаю,
Горевать-то я не направляюся,
Тосковать-то я не намереваюся,
Воздыхать по тебе не думаю:
У меня сердце не болит,
Мою голову веселит.
Приотведаешь там отведышек,
Приокусаешь окусочков,
Сколько я при тебе приотведала,
Сколько я при тебе приокусала.
На войне тебя на германской
Будут смело тебя наряжать,
Будут строго с тобой поступать,
Во палюч огонь отправлять,
В дым со копотью посылать.
Уж ты волком-то там навоеешься,
Уж ты горя нахлебаешься
И всячины там нахватаешься,
И меня навспоминаешься...
Отлились мои горьки слезы,
Они пали не на гору, не на воду —
Они пали на твою злодейну голову:
Кипятком будто обварили,
Как огнем тебя опалили.
Сколь тебе будет жарко,
Сколь тебе будет больно,
Как тебе будет сердце рвать,
Как тебе будет кожу драть, —
Столь же легко было мне, горькой,
За тобою, за беспутной головою!
И никто по тебе не вздохнет,
И ворона по тебе не проиграет,
И собака по тебе не пролает.

О СТАРОЙ ГОРЬКОЙ ЖИЗНИ

29. РОДИЛА МЕНЯ МАМА, ДА НЕ ПРИБРАЛА ЯМУ

Тяжелехонько я воздохнула,
Свою маму да вспомянула:
Родила меня, горюшу, мама,
Да не прибрала яму —
В мать-сырой земле могилу.
Повалила бы да схоронила,
В мать-землю бы уложила —
Свое ухо бы она приокутала
И меня бы, девушку, успокоила.
А то родила да отпустила
По чужим людям, по работам,
По богатым — по богатынным,
Кинула да бросила
Безродну да бесплеменну,
Бесприютну да беспризорну.
Я шатаюсь, бедна девушка,
Как бесприкольна, будто лодка,
Как безвязенна, будто корова
От того я берега отстала,
А к другому не пристала.
Куда присунешься-приткнешься?
Все не свое мне да немило,
Не любó мне-ка, не родно.
И нигде мне-ка радости нету,
И ласкоты нигде не видится.
Чужим людям меня не жалко:
Чужим людям не до жалости —
Добираются только до работы.
Работа-то растяжѐла:
До гроба ее не переробить,
До смерти ее не переделать.

30. ДВА ГОРЯ ВМЕСТЕ — ДА ОХТИ МНЕ!

Все ходила я, бедна, плакала,
Все ходила я — горе мыкала,
Все была я неуспокоена,
Сердце все вырывалось,
Сердце все разбивалось.
Я не знала, как пристать, бедна,
Ко чужим ко родителям,
Ко грубым да ко сердитым,
Ко злым-то да ко ехидным.
Били они, ненавидели,
Из двора меня выживали,
Среди ночи выгоняли,
Во чужи люди спровожали
Со своим сыном одинаким.
Пошли, горьки, мы, рассердились,
На чужу фатеру попросились:
— Пустите нас, люди добрые,
Со проезжей пути-дорожечки,
Со широкой да белой улицы.
Бесприкольны мы, будто лодочки,
Безвязенны мы коровушки,
Ни роду у нас, ни племени,
Ни честных у нас родителей:
От ветру будто мы спосеяны,
От земли будто мы спорожены.
Над тем все люди дивились —
Будто в людях это не деялось
И в миру будто это не тряслось.
И богу это было на грех,
И добрым людям было на смех:
И все платя мои свекор выкидал,
И все ящики сметал-выломал.
Тогда мы, бедны, думу думали
Со своей милой-ладой,
Со своей любовной:
«Как мы жить-быть с ним будем?»
За тяжёлу за работушку
Пошли мы в чужи люди,
Горевали мы, плакали.
Приукрылись и приютились
Родным своим дядюшкой

И родней своей дядиной:
Приукрыли да оприютили
Со широкой белой улицы,
Со проезжей пути-дорожечки.
Тут мы оба с мужем зажили —
Два горя вместе — да охти мне!
Муж ходил по чужим людям,
Я одна горе мыкала,
Горе мыкала, друго кликала.

31. МОЕ ВДОВЬЕ ЖИТЬЕ СИРОТСКОЕ

Охти мнеченьки, тошнехонько!
Я от ветру была спосеяна,
От сырой ли земли спорожена,
Во чужих ли людях воспитана.
Уж я мала была да глупая,
Мала была, малолетняя, —
Всячины принаведалася,
Всячины принаслышалася,
Скверной-матерной, бедна, речи,
Уж я всяких, бедна, постурков.
Я кидалась, бедна, бросалась
Не за пару я, не за ровню, —
За старого я, за вдового.
Надоела чужа работушка —
Из-за того я кидалась,
Из-за того я бросалась.
Тут еще меня горе поймало —
Разделила нас мать сыра земля,
Разлучила да гробова доска.
Я оттуль ли, горе-злосчастлива,
Я оттуль ли, млада кручинна, —
Я во те же ли во работы,
Я кидалась, бедна, бросалась
Под грозу ли да под велику.
Во чужих людях мне, злосчастной,
Ни защиты нет, ни замолвы,
Ни от людей нету обороны,
Ни от буйна ветра затулья,
Ни от крупна дождя закрышки.
Уж я осталась, млада-кручинна,
Со рожонными со деточками,

Со малыми да уж я с глупым,
Со малыми да малолетними.
И залезла, горе-злосчастна,
Я во вдовье житье сиротско,
Всячины, бедна, принавиделася —
Уж я растила их подымала
Я не в ястве да не в именье,
Не в великих ли я достатках,
А в великих да недостатках:
Лесу темного приизведала,
Снег глубокий да приизмерила,
К кусту-дереву припадада,
Ступу матерью называла —
Уж я каждому да покорялась.

32. ОТ ВЕЛИКОГО БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Как падет-то на ум, на разум
Мое горькое гореванье,
Расколышет мне мысли-думы
Про великое бедованье, —
Я не сном, бедна, засыпаю,
Не дремота да меня клонит —
Я слезами да уливаюсь:
Дума думушку пошибает,
Боль к сердечушку приступает,
Кровь со печенью разгоняет.
От поры я от самой ранней,
Я от мала да глупа возраста
Все шаталась да шегалалась
По рабам я да по холопам,
По кулацким да долгим срокам,
По широкой да по Печоре,
По глубоким да по сувоям,
По большим ли да переездам,
По великим да переходам...
По чужим-то людям, злосчастна,
Под грозой ли да непомерной
Я не видела и не слышала
Ни защиты я, ни замолвы,
Ни от крупна дождя закрышки,
Ни от буйна ветра затулья,
Ни от людей обороны.

Всячины-то я принавиделась:
Лесу темного приизведала,
Снег глубокий я приизмерила,
Воды-реки я избродила,
Пески желтые истоптала.
Стар мимо шел — спотыкался,
Мал мимо шел — посмеялся,
А и ровня шел, да надсмеялся...
Я жила, будто свечка таяла
Не от жарка огня палючего,
Не от теплого красна солнышка —
Я от горя да от печали,
От тоски ли да от кручины,
От великого безвременья.

33. Я НЕ ЖИЗНЬ ЖИЛА — ГОРЕ МЫКАЛА

Уж я, бедна-горька, несчастна,
Я во горе была спосеяна,
Во несчастье была спорожена,
Во нужде ли я была выращена.
И ты, талан ли да мое счастьеце,
Участь горькая моя несчастная,
На делѹ ли ты мне досталася,
В жеребью ли ты мне-ка выпала:
Веки горюшко мне-ка мыкати,
Во несчастьи да веки кикати?
Уж я, горька да горемыка,
С малых лет ли, да уж я с детства
Добрых дѣн я да не видала,
Счастья-доли не испытала,
Во добрѣ житье не живала —
Жила в горюшке во великом.
Я шаталась, бедна-злосчастлива,
По чужим людям сиротинкой,
По рабам я да по холопам...
Я не жизнь жила — горе мыкала
Во чужих людях да во работушке:
Утром рано была разбужена,
Вечер поздно была уложена,
Среди ночи потревожена.
Не у отца-то я, не у матушки,
У чужих людей-богатеев

Уж я робила, бедна, моталася —
Не заслужила я, не заробила
Я ни слова да себе гладкого,
Я ни куса да себе сладкого,
Я ни места да себе мягкого.
День и ночь, бедна, хоть работала —
Чужим людям меня было не жалко,
Чужи люди да не хранили,
Нашей молодостью не дорожили,
Посылали да наряжали
На работы да на тяжелы,
Везде — по бурям и по падерам,
По тяжким темным заметелицам.
Зимний снег с меня не стаивал,
Летний дождь с меня не ссыхал.
Тут здоровье свое я вкладывала,
Тут я молодость свою теряла.
Неузревша я в поле ягодка,
Неразросла в саду малинушка,
Не успела да я повырасти,
Не успела да я привыцвести
Я у роду да я у племени,
У родимой да своей матери, —
Они вздумали меня взамуж выдати
За незнаема человека,
За незнаема да незнакомого, —
Что за злого да за лихого.
Молоду меня, молодехоньку,
Зелену меня, зеленехоньку,
Не по охоты ума-разума —
С поневоли честных родителей.
Споневолила родна маменька,
Не постояла, не подорожила
Ни красотой ли да моей девьей,
Ни молодостью молодою,
Поспешила-поторопила,
Кинула меня она да бросила:
Она думала меня горя избавить,
Хотела выкупить меня, выручить,
Не могла меня горя избавить,
Ни выкупить меня, ни выручить,
Хотела горюшка сбавить —
Еще больше мне горя прибавила.
Мне замужье пало неважно,

Мне-ка участь досталась несчастна,
Мне судьба ли да горегорька:
Бил-терзал меня муж нелюбимый
Не за дело, не за провинность —
От бедна́ житья горегорька,
От лихой нужды неизбывной.
Мне нигде-то да счастья не было...
Куда кинуся, куда брошуся?
И не укрыть-то мне, не успокоить
Своей буйной да мне головушки:
Ни от ветра, да ветра буйного,
Ни от тучи, да тучи грозной,
Ни от крупна ли дождя мо́кра
Нет прилады и нет пристрою,
Обогревы нет ретиву́ сердцу.
Так вот молодость издержала,
Красоту с лица потеряла...
Я еще, бедна, в горе кинулась:
Призабравши тогда годами,
Призаживши да я летами,
На второй ли я раз замуж вышла
Не за ровнюшку за свою.
Уж я думала оприютиться,
Уж я думала успокоиться —
На второй раз я замуж вышла
Уж я за старого, я за древнего.
Уж я тем была довольна,
Уж я тем благодарна,
Что нашла себе горя выход —
Дожила тогда до хозяйства.
Я жила тогда, горе-злосчастлива,
Хоть не у ровнюшки у своей —
Я у старого, у свирепого,
Уж я у ску́па хоть жила у яства,
Да сыта я была, довольна,
И обу́та была, и одета,
Только все была недовольна
Я судьбой своей горегорькой:
Пусть хоть сверху меня шуба грела —
С испода мое сердце ныло
За свою ли да жизнь несчастну,
За свою ли да бесталанну.
Тут еще меня горе достигло,
Тут еще меня поймало —

Еще горше, еще тошнее:
От того ли да мужа старого
Я осталась одна одинешенька.
Я осталась, горе-злосчастлива,
Уж не в ястве да не в достатке —
Я со малыми со детьми,
Со малыми да многостадными.
Я не знаю, да как мне жить,
Я не знаю, да как мне быть.
Видно, надо да спроводить:
Мертвый живому — не товарищ...
Спроводила да схоронила,
В матерь землю да уложила,
Я желтым песком призарила.
Пусть потянут да ветры буйны,
Призавеют да пусть могилу,
Пусть прольются да дожди мокры,
Пусть примочат его могилушку,
Прорастет ли да зеленой травой,
Расцветут пусть цветы лазоревы
На сырой ли его могиле,
На приметном да его месте!
Я тогда-то, горе-злосчастлива,
Пришла, горюшко, я домой —
Я к нетопленной, бедна, печке,
Ко потухлому, бедна, уголью,
Я ко малым-то своим деточкам.
Собрала их да захватила
Во свое ли да гнездо вито,
Куковать стала, горевать:
— Как я буду да с вами жити?
Как я буду да горе мыкать?
Как я буду да деток растить?

ПОХОРОННЫЕ

34. Я ИЗ РУК ЕГО ОТПУСТИЛА

Уж как свою ли я да милу-ладу,
Дорогу свою подвенчальну,
Я из рук его опустила,
Я из глаз его потеряла,
Донесут ли меня ноги резвы,
Доведут ли меня очи слезны
До приметного меня места,
До глубокой да меня ямы,
До честной ли да до могилы?
Вы подуйте, да ветры буйны,
Вы развейте да мать-землю,
Ты раздвинься, да мать сыра земля,
Ты раскройся, да гробова доска,
Ты расшейся, да белый саван,
Раскатитесь, да руки белы,
Разомкнитесь, уста сахарны,
Воспромолви, мой милой-ладой,
Хоть едино мне-ка словечушко!
Уж я как буду, горе-злосчастлива,
Рожоных да своих деточек —
Уж я как буду растить-поднимать?
Уж я с кем буду думу думать?
Уж я как буду, горе-злосчастлива,
Со печальной да со постелью,
Со слезливым да изголовьем,
Со кручинным да одеялом?
Уж не сказал мне-ка, не поведал
Ни единого мне словечушка.
Я оттуль-то, бедна-несчастлива,
Я пошла-то, горе-злосчастлива,
Во свою ли да горьку хату,
Во свою ли да погромленну,
Ко своей ли холодной печке,

Ко потухлому, бедна, уголью.
Верно, участь моя да горька,
Уж судьба моя да несчастна —
Со делу ли она мне досталася,
В жеребью ли она мне-ка выпала,
На роду ли она мне написана —
Еще жить мне да горе мыкать.
Всячины, бедна, приотведала:
Все окусышки приокусала,
Все отведыши приотведала,
Всячины, бедна, испытала:
Ин год стар шел да подопнулся,
Мал шел да посмехнулся
Надо мной ли, горе-злосчастной,
Ин и ровнюшка, да посмеялся.
Мне-ка некуда было, злосчастной,
Ни припасть да ни припорхнуть,
Ни приклонить своей буйной головы...
Я в ночную ли пору-времечко
Я не сном, бедна, засыпалась,
Не дремотой да задремалась —
Горючми слезми да заливалась:
Дума думушку пошибает,
Мысли к сердцушку приступают,
Кровь со печенью да разгоняют —
Столь тошнёхонько да тяжелехонько,
Как падет-то на ум, на разум,
Как жила я да горе мыкала.

35. УКОРОТИЛИ ЕГО ВЕКИ ДОЛГИЕ

Вот сходились-то мы, два горя,
Два горя злосчастных,
Уж мы прижили детей малых —
Целу семью да полную избу.
Укорóтили его веки долгие:
Оставил меня с малымъ детьми
В молодú пору да в зеленó время.
Недалеко мы его спроводили,
Неглубоко да сположили,
Расставались да распрощались
На все веки нерушимые.
Ни письма нам нету, ни грамоты,

Скоропостижной да нету весточки.
С той пути, с той дорожечки
Ясну соколу да нету вылету,
Добру молодцу да нету выезду,
Белой лебеди да нету выпуску.

36. ВЗГОВОРИ СО МНОЙ, ГОВОРОК-ЯЗЫК

Потяните-ко, да ветры буйные,
Со чиста поля да со синя моря,
Вы раскурьте-ко, ветры, развейте-ко
Все желты пески да все макарьевски!
Разодвинься-ко, да мать сыра земля,
Ты откройся-ко, да гробова доска,
Вы расшейтесь-ко, да белы саваны,
Отойдите-ко, да ручки от сердца,
От того сердца ретивого!
Отворяйтесь-ко, да очи ясные,
Отворяйтесь-ко, уста сахарные,
Взговори со мной, да говорок-язык!
Ты восстань-ко, да лада-мила,
Говори со мной, бедной-злосчастной!
Чего шибко на меня да осердился?
Чего шибко да прогневился?
Не говорит со мной говорок-язык!

37. РАСПРОКЛЯТА ТЫ, ВОЙНА-ЗЛОДЕЙКА

И распроклята ты, война-злодейка,
И сокрушила ты, разорила,
И отняла ли ты, разделила,
И развела ли ты, разлучила
Живу рыбу ты со водою,
Милу ладу да ты со мною,
Ты со малыми со детьми,
Ты со древней ли старой матерью.
Распроклята ты, война-злодейка,
Уж ты стала нам костью в горле,
Ты легла ли нам камнем на грудь,
Ты стрелила да ретиво сердце,
Помутила да кровь горячу
Ты великим да большим горем,

Ты печалью да воздыханьем,
Обварила да лицо бело
Горючими да ты слезами.

38. ВО ЖИВЫХ-ТО ЕМУ БЫТЬ ВЕКИ

Отходили ко мне скоры весточки,
Отписали ко мне письма-грамотки...
От роду-то он отказался,
От семьи-то у меня потерялся
В неизвестной пути-дороге,
В неуказанном дальнем месте.
Известили да написали,
Как из рук его опустили,
Как из глаз его потеряли,
Как белóй ли да снег растаял
И следов-то никто не собрал...
Его ветром да разнесло ли,
Черны вóроны ли расклевали,
Хищны птицы ли растаскали?
Кабы было у меня, несчастной,
Кабы было бы птичье перье,
Кабы было бы сизо крылье,
Поднялась бы я, полетела
Во дальний края да во чистý поля,
Во темны леса да во глухи степи.
Поднялась бы я сизой пташицей,
Опустилась бы я горюшицей,
Стала б спрашивать да выведывать
Я от конного и от пешего,
От прохожего и проезжего:
Кто в живых-то его не знает ли?
Кто во мертвых его не видел ли?
И никто мне о нем не скажет,
Никто места да не покажет.
Не найти мне следу любимого,
Следу любимого, сына рожоного.
Только знала да только видела —
Подымала когда да растила,
Суляжала да спровожала
На защиту да земли русской,
На славу да людей добрых,
На честь свою молодецкую.

Он славы не обесславил,
Он чести не обесчестил,
Нестыдную смерть он принял.
За честь его молодецкую
Во живых-то ему быть веки.

39. ПАЛ ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ ВОЛЬНУЮ

Я ждала, бедна, дожидала
Письмо-грамотку, вестку радостну
От удалого добра молодца,
От рожоного сына любимого.
Дождалась я да получила
Весть нерадостну, невеселую, —
Ко белой груди воздыханье,
К ретиву сердцу возрыданье,
Горючими слезами обливанье
Со словами да с причитаньями...
Повестили мне, написали
Про ясно́го ли да сокола,
Про удалого добра молодца,
Про рожоного сына любимого:
«Приопало да его крыльё,
Потерял он да сизо перьё,
Отдал силу да молодецкую,
Отдал храбрость да богатырскую,
Пал за русскую землю вольную,
За честной ли да трудовой народ,
Он за честь свою да за славу
Отдал жизнь свою, не жалеючи».

СВАДЕБНЫЕ

40. Я ЦВЕЛА ЛИ, ДА В ПОЛЕ ЯГОДКА

У своих у родителей
Я росла ли, да красна девушка,
Я цвела ли, да в поле ягодка,
Добрым людям на зâвидость.
Стали люди да замечати,
Красну девушку признавати,
От родителей доступати.
Стал ходить ли да стал похаживать
Сват-оханщик да сват обманщик.
Вечерами он ходил поздно,
По потух ли зари вечерней,
Что по высып-то красных звездочек,
Что по выходе ясна месяца.
Не путем он шел, не дорогою —
Он лисьими ходил тропами,
Он мышьями ходил норами
Ко высокому нову терему,
Сватом молодым подговорщиком
Он по лесенкам выступывал,
По белым сеням тихо прохаживал,
В светлы светлицы заходил.
Против матицы становился,
Перед спасом богу молился,
Во все стороны да поклонился,
Он на лавицы не садился —
Вызывал он гору высокоу
Он во новы да сени белы,
Он на тайны да разговоры.
Выходил мой гора высокой,
Говорил он да тайны тайности
Он со сватом да с обманщиком.

Сват-обманщик да его спрашивал,
Его спрашивал да домогался:
Просит девушку, да меня красну
За своего да сына замуж.
Как моя ли гора высока,
Он ответу да не давал,
Сроку сразу не назначал:
Заводил его, проводил
Как во те ли да светлы светлицы,
Во столовы да новы горницы,
Далеко его проводил,
Высоко его он садил —
За столы его за дубовы,
За чай ли его за крепки,
За вина его за зелены,
За яства его за сахарны.
Говорить стали, разговаривать:
Стал сват-молод ему рассказывать
Про своего сына любимого,
Про житье-бытье, про богатство,
Стал хвалить он да принахваливать,
Он гору мою разговаривать,
Отца с матерью стал обманывать.
Отец с матерью призадумались,
Прираздумались, приуверились
На его-то сказы неверные.
Стали сроки да они класть,
Стали думу да они думать,
Стали девушку, меня, спрашивать.
А я, молода ли да бедна, глупа,
Я с испугу да побоялася:
Буйну голову закружило,
Ретиво сердце забилося,
Мои речи да помешались,
Я ответу да не давала,
Слезно плакала, все рыдала.
Я с расстрою, да красна девица,
Я с испугу да слово молвила,
Я без памяти им сказала:
— Что хотите вы, то и делайте!
Согласились да отец с матерью
Меня, девицу, приказати,
Свату молоду слово сказати,
Праву руку ему отдати

Под мою ли да буйну голову,
Как под девью да мою красоту.
Они стали богу молиться
Перед спасом да вседержителем,
Пред иконою да божьей матери.
Меня, девушку, тут же вызвали,
Заручили да приказали,
Слово крепко да ему дали,
Подарки да подарили,
Погощать его пригласили.
Я осталася, красна девушка,
Я во горе да во кручине,
Во печали да во великой,
Я во думушке да во крепкой.
Я тогда ли да стала думать,
Дума думушку пошибать стала,
Ум со разумом помешались,
И охватила я, красна девушка.
Я поплачу да погорюю.
Побраню ли да поругаю
Я оханщика да обманщика:
— Да кабы тебе, свату молоду,
Со крылечика окатится,
Праву рученьку тебе вывихнуть,
Праву ноженьку тебе выломать!
Как еще ли да свату молоду —
Как во три ряда чирьев в бороду,
Чтобы рвало да нарывало,
Чтобы ноели они, шипели!
Изобидел ты меня, красну девицу,
Поразил ты да грудь мне белу,
Вередил ли да ретиво сердце,
Помешал ли да мои мысльцы.
Обманул он, обговорил
Как гору ли мою високу,
Как денную мою печальницу.
За меня ли, да красну девушку,
Они отдали праву руку
Ему, обманщику-подговорщику.
Нонь не выкупить будет, не выручить
Нам ни златом, ни серебром,
Ни дорогой казной драгоценной.
Только выкупить, видно, выручить
Надо девьей мне-ка красотой,

Девьей срядной да ненаглядной —
Моей ли да буйной головой.
С этой-то поры-времени
Мне сидеть-то да в красных девушках
Крошки да мне немножко,
Мне-ка численные денечки.

41. ЗЛОДЕЮ ДА СВАТУ БОЛЬШЕМУ

Отворотись ты, да красна девица,
От столов ли ты да от дубовых,
От скатертей ли ты да от набранных.
Я сидела за столами за дубовыми,
За скатертями да за набранными —
Пристыдил ты меня, да добрый молодец,
Пристыдил-то да приобчестил
При всем ли да при народе,
При честных меня при родителях.
Уж я узрила да усмотрела
Гору свою да високу:
Уж и дал-то он да слово крепкое,
Слово крепкое да руку правую
Как злодею-то да свату большему.
Праву рученьку да ему вывихнуть,
Леву ноженьку да ему выломать!
Не путем он шел, не дорогою:
Он лисьими шел да норами,
Он собачьими шел да тропами,
Со прелестными шел да словами,
Со умильным да веселым взглядом.
Он прельстил-то гору високу
На слова на свои на прелестны:
Приказали меня, красну девицу,
Не по поре, не по времени,
Не в крепком уме-разуме
На чужу ли на дальню сторону:
Как за горы ли за высоки,
За озера ли за широки,
За ручьи ли да за приглубы,
За реки ли за глубоки,
За болота ли за дыбучи,
Ко чужому да роду-племени,
Ко чужому да отцу-матери,

За чужого, за незнаема человека.
Как я буду да с ними жити?
Как я буду да привыкати?
Как я буду да приставати?

42. ПОЧЕМУ ПРИШЛИ, ГОСТИ НЕЗВАНЫ?

Зачинайся, заря утрення,
Воздымайся, солнце красное,
Выше лесу, да лесу темного,
Выше облака ходячего!
Не вставай-ко, мой гора висока,
Против матицы да положеной,
Против грядочки да дороженой,
Ты не мой свои руки белые
Ты холодной да ключевой водой,
Ты не три свои руки белые
Шитым-браным да полотёнышком,
Не вставай-ко да середи полá,
Среди пола да против гóспода,
Не клади-ко крест да по писаному,
Не ве́ди поклон по-ученому,
Не твори молитву да по-исусову,
Не давай свою руку правую
Ты злодею да свату бóльшему —
Не выручить меня будет, ни выкупить!
Почему пришли, да гости нéзваны,
Гости незваны, да гости нéжданны?
Ты, кормилец мой, гора висока,
Чего я тебе наскучила да напрокучила?
Не ссекла ль твою буйну голову?
Не сусек ли хлеба у тя повыела?
Не грядочку ли платья изно́сила?
Не лавицы ли у тебя просидела?
Не светло ль окно у тя проглядела?
Не пороги ль у тебя протерла?

43. ВОЛЯ МНЕ БЫЛА ПРИВОЛЬНАЯ

Приношу я честь-благодарность
За всю гостьбу да угощенье,
За большое беспокойство,
За яства за сахárны,

За чай за горячи.
Уж я по́долгу у вас сидела,
Утром рано да разбудила,
Вечер поздно да уложила,
Среди дня да навестила.
Хорошо вы меня принимали,
Далеко меня проводили,
Высоко еще меня садили,
Вместо гостьи да почитали.
Уж воля мне была привольна,
Уж я вместе с вами ходила
На луга да на зелены,
На горочки да на ледяночки.
Приношу я вам благодарность
За всю гостьбу да угощенье,
За подарочки дорогие!

44. КАК ПРИЕДУТ-ТО ЗЛЫ РАЗЛУЧНИКИ

К чему рано вы печи топите?
К чему рано вы пиво варите?
Вы кого ждите-дожидаетесь?
Почему вы мне не рассказываете?
Живых-скорых, верно, разлучников?
Задрожит-то да мать сыра земля,
Как затопчут-то кони добрые,
Да приедут-то злы разлучники,
Разлучат меня с горой высокой,
Со крепкой стеной городо́вою,
Со восхожим да красным солнышком,
Как с посеянным сударем-батюшкой,
Со отцом меня, со родителем,
Как с денной ли моей печальницей,
Как с ночной ли да богомольницей,
С порожденьица — мать родимою,
Как со яблонью со кудрявою —
Со родным меня брателком,
Как со сизыми ласточками —
Со родимыми сестрицами,
Как со всем родом да со всем племенем,
Как со новыми горницами
Да со светлыми светлицами,
Со житьем-бытьем благодатным,

Со волей да со привольной,
Со негой да со пренежной,
С дорогой ли да с девьей красотой,
Девьей срядной да ненаглядной,
Со природной трубчатой косой,
Со приплетной лентой алой.

45. МОЮ ВОЛЮ ВЫ ОТПЕВАЕТЕ

У ж вы подружки да задушевные,
Вы соседушки приближенные,
Приношу я вам честь-благодарность —
Хоть не всем вам да поименно,
Уж я всем вам да заедино —
За веселую вашу компанью,
За тонки-звонки голосочки:
Уж вы поете-воспеваете —
Мою волю да отпеваете,
Меня в печали да утешаете.
Хоть пришли вы, не погордились,
Моей нужды да не побоялись,
Моего бесчестья не погнушались.

46. МОЛОДОСТЬ ЗА ЕДИНЬИ ЧАС ПОКАЗАЛАСЯ

У ж мы жили-то, да красны девушки,
Прошло времечко распрекрасное
Не в гульбе у нас да не в весельицах,
Не в игре у нас да не в гуляньицах,
Не угуляли мы, не уиграли
По играм да по веселым,
По беседушкам да по хорошим,
По горочкам по ледяночкам,
По лугам ли да по зеленым.
Мы на лодочках не гуляли
По вешним да тихим заводям,
По разлив ли да воды вешней.
Нам весельицем была работушка,
Нам гуляньицем — растяжелая,
Нам на пожнях да сенокосных,
На покосах да нам на долгих,
На пограбах да на широких,
Нам на ловлях да рыболовных,
По водам ли да по глубоким,

По тоням ли да по убойным,
По ветрам ли да по проносным,
По паркам ли да бурям-падерам,
По дождям ли да по мокрым.
Мотались да позорились
Не для отца мы, не для матери,
Не для себя мы, красны девушки, —
На чужих людей, на богатинных
Дни и ноченьки мы прокладывали.
Веселое времечко все теряли,
Отдыха-праздника мы не знали,
Всю-то молодость тут издержали,
Все веселье тут потеряли.
Уж мы ночи да не сыпали,
Вешни дни да не отдыхали,
Дорогу рыбу промышляли
На кровожадников, на светожадников.
Им легко было получать,
Тяжело было нам наживать:
Морски волны нас проливали,
До костей мы да промокали,
Зубы ó зубы у нас трещали,
Буйны головы прозябали,
Ретиво сердце занывало,
Кровь горячая застывала,
С лица белого кожу рвало.
Мы со дна моря рыбу черпали,
Со студеного вытягивали,
Во глазах-то мы много видели,
Во руках-то мы не имели:
Тот ли промысел мы богатый,
Ту наживу ли мы велику
Привозили да отдавали
Злым хозяевам-лиходеям
Не за цену мы, не за деньги —
За злосчастны гроши-копейки.
Только им глаза не насытишь,
Больши карманы да не наполнишь.
Так и времечко шло-катилося,
Год по году так миновалось,
Нам добра́ житья не досталось,
Красота с лица потерялась,
Наша молодость издержалась,
За единый час показалась.

47. ТЫ СНИМИ С МЕНЯ ДЕВЬЮ КРАСОТУ

У ж ты свет моя государыня,
Ты денная моя печальница,
Ты ночная да богомольница,
С порожденьица мать родимая,
Подойди-ко да подступи-ко
По гладку полу по сосновому,
По частым-мелким перекладинкам
До стола ли да до дубового,
До столешенки до кедровые,
До скатерочки до камчатой,
До хлеба да соли божией,
До святой ли да до иконы,
До меня ли, до красной девицы,
До меня ли молодой-кручинной,
До девицы да души красной,
До невесты да зарученной,
До моей ли да буйной головы,
До дорогой ли до девьей красоты,
Девьей срядной да ненаглядной.
Пусть донесут-то да ноги резвы,
Пусть доведут-то да очи ясны,
Пусть поднимутся руки белы,
Отворотится ретиво сердце
На мою ли да буйну голову,
На мою ли да девью красоту,
Девью срядну да ненаглядну!
Ты сними с меня волю вольную,
Ты сними с меня негу пренежную,
Ты сними с меня девью красоту,
Девью срядну да ненаглядну,
Ненаглядну да виноградну!
Ты зашей ее чистым серебром,
Ты расшей ее красным золотом,
Рассади ее скатным жемчугом,
Заверти ее в дороги шелка,
Ты положи ее в крепки ящики,
Ты замкни ее во туги замки,
Унеси ее в поле чистое,
Ты положи ее под березоньку,
Под березоньку под кудрявую,
Под листики под шелковые —
От тучна́ дождя да от буйна́ ветра!

48. ТЫ ЗАЧЕМ НА МЕНЯ ПРОГНЕВИЛАСЬ?

Донесли-то да ноги резвы,
Доглядели да очи ясны,
Поднялись-то да руки белы,
Отворотилось-то да ретиво сердце
На мою ли да буйну голову,
На мою ли да девью красоту,
Девью срядну да ненаглядну.
Ты зачем на меня осердилась?
Ты зачем на меня прогневилась?
Видно, грубо я тебе согрubiла?
И больно я тебя вередила?
Легко, видно, не заменила?
И бело тебя не приобмыла?
Хорошо тебя не приобшила?
Ты на это, видно, рассердилась?
Ты на это, видно, прогневилась?
Хоть и каменна твоя утроба,
Хоть булатно твое сердечко, —
Есть и камень, да разжигает,
И булат есть, да рассекает.

49. УЖ ТЫ УМНАЯ МОЯ ДОЧЬ, РАЗУМНАЯ!

Ты рожоно да мое дитя мило,
Ты сердечно да мое кровно,
Уж ты умная моя дочь, разумная!
Жалостлива ты была, приветлива,
Ласкова ты была, милосердна,
Была тиха ты да смирена:
Виду темного не казала,
Меня грубо не согрубляла,
Меня больно не вережала.
Была лёгка ты мне замена,
Была скóра ты мне посыка,
Была бéла ты мне обмывка,
Была хороша ты мне обшивка.
Не сержусь я на тебя, не гневаюсь,
Тебя ў сердца ли я имею,
Тебя жалостью ли я жалею,
Сухотою об тебе сохну,
Вспомяну тебя, не забуду!

50. НА БОЛЬШОМ ДЕВЬЕМ ВЕЧЕРЕ

Подошла ли да пора-времечко,
Подкатилася час-минуточка
До большого да девья вечера.
Я стала ли, красна девица,
Я, невеста да заручённа,
Я, княгиня ли первобрачна,
Собирать ли да стала звать,
Красных девушек приглашать
На последний ли девий вечер,
На росстанюшки житья девьего,
На разлуку да с родом-племенем.
Всех я девушек собрала,
Всех подружечек пригласила
Посидеть со мной, погостить
У моего да роду-племени,
У моего да отца-матери.
У родителей в светлых светлицах
Напоследки живу я гостюшкой:
Я последнюю думу думаю,
Я со вами да со девушками,
Я со вами да со подружечками,
Я последню ужну ужнаю
У отца ли да у родителя,
У родимой да своей матери.
Я со гостюшками со зваными,
Со подружечками приглашенными
Я отужинала-отгостила,
Из-за стола, бедна, не выходила,
Благодарность я приносила.
Своему ли да роду-племени,
Я своим ли да отцу-матери
Приношу я честь-благодарность:
— Вы вспоили меня, вскормили
Вы до полного меня возраста,
До крепкого да ума-разума,
Одели меня и обули,
Баско-щегольно снарядили
Супротив ли да своей ровни,
Супротив ли да своей братни:
Я такая же красна девка,
С добрыми людьми наряду.
Уж я девушкам да наказывала,

Я подружечкам наговаривала:
— Уж вы утром раньше вставайте,
Парну баенку затопляйте,
Ключевой воды нагревайте,
Шелков веничек принапарьте,
Приначистите тазы медные,
Приготовьте мыла́ заморские,
Красну девушку разбудите,
В парну баенку попросите!
Улеглись-то красны девушки
Как со мной ли, молодой-кручинной,
Со невестой да зарученной,
Со княгиней да первобрачной.

51. УЖ МЫ ЖИЛИ, ДВЕ КРАСНЫ ДЕВУШКИ

У ж мы жили, две красны девушки,
С малых лет мы вместе повыросли,
У нас две было буйных головы,
Одно только ретивó сердце:
Мы одну ли да думу думали,
Мы одни ли да речи молвили,
У нас тайны были разговоры,
Непроносные* словеса.
Что мы думали, то и делали,
Никому мы не изведывали,
Все ходили мы да гуляли
По горочкам, по ледяночкам.
Нонь пришла ли да пора-времечко
Расставаться да расступаться.
Как мы станем да распрощаться,
Красны девушки, расставаться?
Расставаньице тяжело,
Нам в разлукушке нелегко:
Головам нашим тяжело,
Ретиву сердцу нелегко.
Все отстанет от нас, от девушек:
Вся гульба ли наша, весельице,
Тайны-тайности, непросны словеса.
Заповедали мы, красны девушки,

* Непроносные — те, что взаимно обещали «не проносить в люди», не передавать никому.

Чтобы никому было неизвестно,
Только знали мы, только ведали,
Только мы с тобой, красны девушки,
С этой тайностью мы померем,
В мать-землю мы так пойдём.
Еще вспомни-косе, красна девушка,
Ты, подружечка задушевна:
Надойдет ли пора-времечко,
Накатится да весна теплая,
Протекут ли ручьи с гор земли,
Как пробрызжут ли реки быстрые,
Как прокатится ли мать-Печорушка
Вниз по быстри да до синя моря.
Как по той ли да по Печорушке
Поплывут ли да лёгки стружечки,
Как поедут ли да все на лодочках
На гулянице да на весельице
Как по тихим вешним заводям
Всё со песнями да со баснями.
Как пойдут-то еще на лодочках
По путям ли да по дорожечкам,
По рекам ли да по Печорушкам,
По губам ли да до синя моря,
Как на промыслы да на богаты.
Как во тех ли во лодочках,
Что со белыми парусами,
Со белыми да полотняными, —
Помяни-косе да где мы были,
Где мы были да где мы робили,
Где мы робили да где моталися,
Моталися да позорилися —
Мы по ловлям да рыболовным,
По водам ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным.
Тяжело нам да доставалось:
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали,
Бури-падеры нас не держали,
Дожди мокры да проливали,
До костей мы да промокали,
Зубы о зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горяча да захливали.
Только было нам согревы,

Только было нам пригревы —
Ключевой воды принагреем,
Изопьем воды, сердце согреем.
Как со той же да со работушки,
Как со той же да со тяжелой,
Со богатого мы промыслу —
Домой придем мы не ко батюшке,
Возвернемся мы не ко матушке:
Мы ко тем ли да злым хозяевам.
Мы глазами не оглядимся,
Резвых ног мы не обогреем —
Как на ту же опять работу,
Как на ту же опять тяжелую.
Лето красное наступает —
Ты пойдешь ли, моя подруженька,
По лугам ли да по зеленым,
По пожням, по сенокосам, —
Вспомяни-косо, бела лебедь,
Как мы вместе с тобой ходили
На долгих да на покосах,
На широких да на пограбах.
На тяжелой да на работушке
Тяжелым ли было да тяжелехонько,
Молодым ли нам молодехоньким
Не по силушке было нашей:
Тяжело рукам доставалось,
Могучи плеча уставали,
Со работы ноги дрожали.
Мы не плату да получали —
Хоть копеечки собирали
За нашу-то труд-работушку.
Кто ли денежки собирал,
Себе богатство да наживал.
Подойдет-то пора-времечко,
Докатится час-минутушка
До тебя ли, до красной девушки, —
Как в расстанюшки житья девьего
Вспомяни-ко ты, бела лебедь,
Про меня ли, про красну девушку:
Каково было мне, красной девушке,
Таково будет тебе, белой лебеди.

52. РАЗОДВИНЬТЕСЬ-КО, ЛЮДИ ДОБРЫЕ!

У ж мы станем-ко да во новы́ сени,
Во новы́ сени да во холодные,
На часты́-мелки перекладинки.
Мы возьмемся-ко да рукой правою
Мы за дужку да за железную,
Растворим-ко мы двери на́ пяты,
Впереди ступим да ногой правою,
Позади ступим да ногой левою.
Разодвиньтесь-ко, да люди добрые,
На четыре да на сторонушки:
Дайте нам вы пути-дорожечки,
Нам не долгоей, не широкой —
Ко невесты да зарученной,
Ко княгини да первобрачной,
Ко распущенной да трубчатой косе.
Ты невеста да зарученна,
Ты княгиня да первобрачна,
Позволь с нами да в парну баенку,
Ты во девью да во последнюю,
Ты помыться с нами, попариться!
Истопили мы парну́ баенку,
Мы нагрели тебе ключевой воды,
Мы напарили зеленых веников,
Мы начистили да тазы медные,
Приготовили мыла заморские.

53. НЕ МОГЛА Я СМЫТЬ ТОСКИ-КРУЧИНУШКИ

Я намылася, бедна, попарилась,
Не могла я смыть, бедна-злосчастлива,
Со бела лица слез горючих,
С ретива́ сердца тоски-кручинушки.

54. ИЗ ЖАРКА ПЛАМЯ ВО ПАЛЮЧ ОГОНЬ

У ж ты свет ли моя государыня,
Ты денная моя печальница,
Ты ночная да богомольница,
С порожденьица мать родимая,
Ты послушай-ко своим ухом,

Уж я что буду говорить
Со унывными я речами,
Со обидливыми словесами:
Уж я наскучила тебе, напрокутила,
Уж ты кинула меня, бросила
Из жаркѣ пламя во палюч огонь,
Из большѣ горя во кручинушку.
Ты за что на меня осердилася,
Ты за что на меня прогневилася?
Уж я грубо ли согрubiла
Али больно тебя вередила,
Хлеба соли да много съела,
Цветно платье да износила?
Ты на то, видно, осердилася,
Ты на то, видно, прогневилася,
Не постояла, не подорожила
Ни красотой ли да моей девъей,
Ни молодостью молодою —
Поспешила-поторопила.
Молода я еще молодехонька,
Зелена еще я зеленехонька,
Неузрелая в поле ягодка,
Неуцвѣлая в саду малинушка.
Не угуляла я, красна девушка,
Не успела я повырасти,
Не успела я повицвести,
Будто и девушкой не бывала,
Девья званьица не слыхала,
Я не в полном еще возрасте,
Не в крепком еще уме-разуме.

55. ОДОЛЯТ МЕНЯ ДЕТИ МАЛЫЕ

Ты кормилец мой, гора высока,
Доконаюсь я, домогаюсь —
С буйной головы до сырой земли —
Божьего благословеньица.

(Обнимает отца.)

Кормилец мой, гора высока,
Не брось меня да не покинь меня
При большой нужде да при великой:
Одолят меня да дети малые,
Завяжут мне да руки белые.

(Отец уходит.)

56. ВЫ КУДА ПРИШЛИ, ГОСТИ НЕЖДАНЫ?

Вы куда меня, бедну, снаряжаете,
Вы куда меня сподобляете —
На тяжкú работу, на тяжелу ли,
На волну ли да на ходячу ли?

(Ведут к столу.)

Разодвиньтесь-ко, люди добрые,
Дайте мне пути-дорожечки,
Как невесте да зарученной,
Как княгине да первобрачной,
Ко столам идти мне-ка ко дубовым!

(Встает за столом.)

Вы куда пришли, гости нежданны,
Гости нежданны, гости не́званы?
Не про вас были столы ставлены,
Не про вас были да яства лажены —
Про моих про родителей!

57. БЕЛОЙ ЛЕБЕДЬЮ ВОЛЯ УЛЕТЕЛА

Отступите, да дружки вежливы,
Дружки вежливы да очестливы,
Отступите да отойдите
От стола ли да от дубового,
От берчатой да белой скатерти,
От меня ли, молодой кручинной,
От девицы да души красной!
Вам какое да дело спрашивать
Про мое ли да про здоровье?
Хоть жива я, да нездорова
Со приметного поздна вечера.
Ты обзарилась, моя матушка,
На житье их да на богатое,
На матерчато их да платье,
На чулочки да на шелковые,
На ботиночки да на лаковы,
На мылá ли да на душистые,
На зеркала ли да на светлые?
И прошла молодость, прокатилась,
За единый час показалась,
Девья волюшка встрепенулась,

Белой лебедью улетела,
Дорогая моя девья красота
Золотым кольцом пробренчала.

58. ГРОЗА СО МНОЙ НАРЯЖАЕТСЯ

Вы простите, родны родители,
Оставайся, моя воля вольная,
Ты останься да во витом гнезде!
Воля вольная да остается —
Гроза со мной да наряжается.

ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ

59. СКОПИН

Много Скопин по землям бывал,
Много Скопин городов видал,
Не нашел он себе-ка поединщика.
Говорила Скопину родна матушка:
— Уж ты ой еси, Скопин Федор Михайлович,
Не водись ты с девками со к...,
Не водись ты с жёнками со б...—
Погубят они твою буйну голову!

А немного поры-время миновалось —
Зовут Скопина на почестен пир
От той ли кумушки любимой.
Он седлат-уздат коня доброго,
Он скоро садится на добра коня,
Едет Скопин по чисту полю,
Приезжает Скопин ко кумушке любимой,
Он ставал тогда со добра коня,
Заходил он тогда в гридню светлую.
— Уж ты здравствуй, кумушка любимая,
Мы кумились с тобой — не дарились,
Мы держали любимого крестника.

Посадили Скопина за передний стол,
Подносила она ему чару золоту,
Не малу-не велику — в полтора ведра,
В полтора ведра чару зелья лютого,
Лютого зелья первосортного:
По середочке во чарочке огонь горит,
По краям во чарочке лучи мечет.
Он берется, Скопин, единой рукой,
Выпивал он чару единым духом,
Единым духом да одним помахом,
Не оставил он во чарочке в глаз пустить.
Он повеся сидит буйну голову,

Потупя сидит очй ясныѣ.
Посадили Скопина на добра коня,
Привязали ко стремячку лошадиному.
Как увидела его да молода жена, —
А едет-то Скопин не по-старому,
Не по-старому, Скопин, не по-прежнему:
Едва Скопин на коне сидит.
А принес его добрый конь к своему двору,
Говорит тут Скопину родна матушка:
— Говорила я тебе, чадо милое,
Не водись с девками со к...,
Не вяжись с жёнками со б..., —
Вот и погубили они у тебя буйну голову.
Плачет тогда его молода жена,
Плачет его родна матушка.

60. ДЕВУШКА В ТАТАРСКОМ ПОЛОНЕ

Промеж гор, да промеж края ли гор
Тут поставила девушка хороший двор
Со хорошими со навесами,
Со частыми переходами расписчатыми,
С калиновы мостами таволженными.
Пролетали тут да три черных ворона,
Приехали да злы татарчана,
Разорили они девушки хороший двор:
Они много взяли да красна золота,
Они много взяли да чиста серебра,
Они много взяли да цветного платья
И саму красну девицу во полон взяли.
Они ехали день до вечера,
День до вечера, до полуночи,
Со полуночи до света белого,
До белá света, до красна солнышка.
Становились они на высокой горе,
Тут и стали они да и дел делить,
По-татарски — дуван дуванить:
В первый пай клали красное золото,
Во второй пай клали да чисто серебро,
В третий пай клали да платье цветное.
Как один татарин да богу молится:
— Ох ты вышний спас да небесный царь,
Мне-ка не надо да красна золота,

Мне-ка не надо да чиста серебѣ,
Мне-ка не надо да платѣя цветного, —
Только надо мне красну девицу!

61. ПРО ЮРЬЯ ПЕТРОВИЧА ДОЛГОРУКОГО

Среди-то было посада
Да Китай-города,
Среди селенья царские,
Свет московские,
Тут стояли ли солдатушки государевы.
Еще быют челом солдатушки
Самому царю,
Самому царю наш батюшке
Юрью Петровичу.
— Вы зачем пришли, солдатушки,
Слуги верные?
— Жалобу творим, царь-батюшко,
На Долгорукова:
Заморил нас Долгорукий князь да голодом,
Заедает-заглодает наше жалованье,
Наше жалованье, царско-выслужено.
Слово молвил наш батюшко
Юрья Петровича:
— Вы подите, вы судите своима судом,
Со своима со судами со солдатскими.
Поклон отдали солдатушки,
Сами прочь пошли.
Долгорукова драгуны догадалися,
Запирает Долгорукий князь все ворота,
Заключает Долгорукий князь
Всё круг дверьми,
Засыпалось-рассыпалось
Все мелким песком.
Кременовские полки сами догадливы:
Взяли они уж слегу девятьсаженные,
Стали они, солдатушки,
Двери покачивать,
Покачались-помахались — двери прѣшибли,
Полезли они, солдатушки,
Да во светлый двор.
Долгорукова драгуны да испужалися,
— Вы зачем пришли, солдатушки,

К моей дитоньке?
Я ли вам не дам, солдатушки,
Золотой казны?
Я ли вам не дам, солдатушки,
Свой цветной платъё?
— Не надо нам, солдатушкам,
Золотой казны,
Не надо нам, солдатушкам,
Твое жалованье,
Не надо нам, солдатушкам,
Твой цветно платье,
Только надо нам, солдатушкам,
Твоя буйна голова.
Повесил князь буйну голову пониже плеч.
Взяли солдатушки штыки-на штыки,
Штыки-на штыки, солдатушки, всё булатные.

62. КАЗАНЬ-ГОРОД НА КРОВИ СТОИТ

У колодечка было у глубокого,
Что у ключика было у холодного —
Молодой солдат тут коня поил,
Коня карего да сухопарого.
Красна девица за водой пришла,
Воду черпала да ведра ставила,
Ведра ставила да речи баяла.
Молодой-то солдат стал подманивать
Красну девицу да подговаривать:
— Ты поди-тко, поди, красна девушка,
Красна девушка, да за меня взамуж,
За меня-то за добра молодца.
Что у нас-то на горах да на Саратовых,
Нов Казань-то город.
Да на красы город стоит,
Казань-реченька да медова река текет,
Мелки ручейки да сахарны ручьи бежат,
В зеленом-то саду цветы лазурьевы цветут.
— Ты не ври-ко, солдат, не обманывай,
Красну девушку не подговаривай!
Я сама-то была, сама все видела:
Что у вас на горах да на Саратовых
Нов Казань-то город
Да на крови город стоит,

Казань-реченька да кровяна река текет,
Мелки ручейки да слезяны ручьи бежат,
В зеленом-то саду да тела мертвые лежат.

63. ПРО СТЕНЬКУ РАЗИНА

Ох мы станем-ко, братцы,
По утру раным-раненько,
Умываемся, братцы,
Ранней утренней росой,
Утираемся, братцы,
Тонким-белым полотенцем,
А спомолимся, братцы,
Мы святителю Николы.
А зайдем-ко мы, братцы,
На высокую на гору,
И посмотрим-ко, братцы,
Вниз по матушке по Волге,
Вниз по матушке по Волге,
В Астраханскую сторонку.
В Астраханской-то сторонке
Не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось,
Не белым да забелелось,
Не белым да забелелось,
Не красным да покраснелось:
Зачернелась наша Волга
Черны-мелкими стружками,
Забелелися стружочки
Тонким-белым парусами,
Закраснелися стружочки
Мачтовые-кругловые.
А на тех же на стружочках
Стенька Разин слово молвил,
Стенька Разин слово молвил,
Словно лютый зверь воскричет:
— Уж вы ой еси, братцы,
Удалые все молóдцы,
Вы гребите-выгребайте,
Свои рученьки не жалейте:
Как со вечера, братцы,
К Нижню городу нам плиты,

Как со полною ночью
Казань-город миновати.
А ко белому свету
Астрахань-город побити.
Астраханский воевода
Все по городу гуляет,
Все по городу гуляет,
Сам пушечки заряжает:
— Вы пушечки заряжайте,
Воротёчки отпирайте,
Воротечки отпирайте,
Қараулы окликайте,
Қараулы окликайте,
Стеньку Разина стреляйте!
Стеньку Разина стреляют —
Его пушка не берет.

64. ПРО СЫНА СТЕПАНА РАЗИНА

Откуль взялся, право, появился
Чуж-незнаем, право, человек,
Чуж-незнаем, право, незнакомый,
Он из дальних городов.
Баско-щебетко парень
По городу похаживал,
Чернобархатный кафтанчик
Нараспашечку держал,
Семишелкова нова опоясочка
По белым его грудям,
Что зелены сафьяновы сапожечки
На резвých его ногах,
Его лайковы новы перчатки
На белых его руках,
Что черна пухова нова шляпочка
На русých его кудрях.
Увидал-то его, молодца,
Губернатор со крыльца:
— Уж вы слуги ли, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы идите-то нонь, приведите
Удалого молодца!
Сохватали да, право, поймали
Удалого да молодца,

Эх, приводили да ноне молодца
К губернатору на лицо.
Тогда стал-то его губернатор
Крепко спрашивать его:

— Уж ты чей-то, парень да детинка,
Чей удалый молодец?

Ты-то казанец, парень, ли рязанец,
Али астраханец?

Тут ответ держал парень-детинка,
Отвечал ему молодой:

— Не казанец я, парень, не рязанец
И не астраханец,

Я-то не по Дону парень-казак,
Не казачий парень-сын.

Я-то тому-то Дону буду парень-казак,
Стеньки Разина сынок.

Поутру-то завтра раным-ранешенько
Хотел батько к вам в гости быть,
Вы-то умеете-ко его, гостя, встретить,
Умеете потчевати.

За такие-то ноне словеса
Посадили-то молодца,
Во засаду-то его, во посаду,
В белокаменну тюрьму.
Поутру-то раным да ранешенько
Легка шлюпочка плывет,
Во этой шлюпочке сидят гребцы,
Да все-то удалы добры молодцы,
Все-то удалы добры молодцы — всё донские казаки.

На середке-то сидит наш хозяин
Стенька Разин да атаман.

Стенька Разин да атаман,

Он промолвил словеса:

— Ой вы гой еси, гребцы,
Вы удалы добры молодцы,
Вы удалы добры молодцы,
Да все донские казаки,
Вы почерпните-ка мне воды,
Что со Камы со реки,
Вы-то со Камы-то ноне со реки,
Что со правой со руки.

На моем-то ноне на сердечке
Растошнeshенько тяжело:
Мой любимой-ёт сыночек

Во засадушке сидит,
Во засаде-то ноне во посаде,
В белокаменной сидит тюрьме.
Воспромолвили гребцы,
Что удалы да добры молодцы:
— Разобьем-то мы ноне,
Разгромим всю белокаменну тюрьму,
Доберемся мы ноне до того,
Кто садил сына твоего.
Мы царя ли то ноне со царицею нынче
В плен к себе возьмем,
Самого-то губернатора
Во посаду да его посадим.

65. ПРО ПЛЕМЯННИКА СТЕНЬКИ РАЗИНА

Над городом Кострыминым
Высоко звезда восходила,
Выше лесу стоячего,
Ниже облака ходячего.
Тут стояла зла хоромина,
Зла злодейка земляна тюрьма.
В той злодейке земляной тюрьме
Тут сидел млад посиделишек —
Стеньки Разина племянничек,
Чернышев Захар Григорьевич.
Он по темнице похаживает,
Ножка о ножку постукивает,
Скобка о скобку пощелкивает,
Сапог о сапог поколачивает,
Из речей он выговаривает:
— Уж ты ненастье мое, ненастьеце,
Ты талан ли, участь горькая,
На делу ли ты мне досталася,
В жеребью ли ты мне-ка выпала?
Кто бы, кто меня, добра молодца,
Добра молодца нонче выпустил,
Отслужил бы я ему службу верную,
Верой-правдою неизменною —
Самого бы убил, жену замуж взял.
В эту пору да в это времечко,
Мимо тюрьмы была дороженька,

Той дороженькой шел
Сам кострымский царь.
Услыхал он у молодца таковы слова —
Скоро-наскоро его выпустил.

66. ПРО ПЕЧОРСКОГО СТЕНЬКУ РАЗИНА

Среди-то было посада да Кремля-города,
Среди-то было базара да темна темница,
Как во темной-то во темнице
Сидят три посидельщика:
Как первой-ёт посидельщикек — конокрадушка,
Как второй ли посидельничек — есаул-разбой,
Как третий ли посидельничек — атаман-разбой,
Его звали тут да Ивашечка, он ростом невелик,
По тюрьме он тут, Ивашечка, да похаживал,
Свои черные кудерышки да он расчесывал,
Своим черным-то кудерышкам он наговаривал:
— Ой вы кудри, вы
Мои кудерышки, кудри черные,
Как бывать ли да вам,
Кудерышки, на святой Руси,
А видать-то ли вам,
Кудерышки, отца с матерью?
Не успел тут да Ивашечка слово вымолвить,
Как немецкие-то ли замчики отключались,
Тут пришли к ему солдатушки государевы,
Со великие ли братицы, злы тюремщики,
Его взяли тут, Ивашечку, за праву́ руку,
Повели его тут, Ивашечку, вешать-ка́знити.

67. ПРО НАШЕСТВИЕ ФРАНЦУЗОВ

Как на горочке было на горе,
Тут стояла матушка Москва.
Все́й нашей Рассеюшке
Москва была красота,
Все́м нашим губернкам
Москва была похвальба,
Все́й нашей окраинке —
Москва голова.

Разорил Москву нашу неприятель наш,
Неприятель наш — француз молодой.
Наводил француз пушку вёстову,
Насыпал француз меру пороху.
Когда грянула пушка вестова,
Приудрогнула матушка Москва,
Приклонилися на церквах кресты.

68. ПРО ПЛАТОВА-КАЗАКА

Мать Россия, мать Россия,
Мать Российская земля,
Прославилась, мать Россия,
Прославилась, велика!
— Не от всех я прославилась —
От Платова-казака.
Платов бороду обрил
Да ко французу в гости шел,
Француз Платова не признал —
За купчика почитал,
За купчика почитал,
За дубовый стол сажал,
Чаем-кофеем поил
Да сладкой водкой угостил,
Сладкой водкой угостил,
Француз речи говорил:
— Я у вас в Москве бывал
Да енералов много знал,
Енералов и купцов
Да всех дёнских казаков,
Одного только не знаю я
Платова-казака.
Кто б про Платова сказал,
Тому много б казны дал.
— Вам на что казну терять —
Могу так его сказать:
Сам он белой, брови черны,
Весь похожий на меня,
Даже волосы его —
Будто брата моего.
У француза дочь в Париже
Таки речи говорила:
— Ах ты купчик, мой голубчик,

Покажи мне свой патрет!

Он в карман руки совал
И патретик вынимал,
На дубовый стол бросал,
Вон на улицу бежал,
Вон на улицу бежал,
Громким голосом кричал:
— Вы, российские ребята,
Вы, донские казаки,
Вы подайте-ко коня
Под Платова-казака!

Не успел «ура!» скричать,
Сам садился на коня,
Сам садился на коня,
Как соколик полетел.
Кругом терем объезжал
Да к окошечку подъезжал,
Сам насмешку отсмеял —
Он француза обругал:
— Ты ворона пустопера,
Ты французская свинья,
Не умела ты, ворона,
Сокола в саду имать,
Не умел и ты, француз,
Меня, Платова, признать!

69. ПРО ГРАФА ПАСКЕВИЧА

Поле ты мое, поле чистое,
Поле чистое, поле турецкое,
Когда тебя, поле, пройдем?
Когда чистое прокатимся,
За Дунай-реку переправимся?
Мы сойдемся с неприятелем,
Со такой ордой неверною,
Со турецким славным корпусом.
На турецкий большой праздничек
Турки пьяны напивались,
Во хмелюшке восхвалялися:
— Да мы Россиюшку насквозь пройдем,
Да граф Паскевича в полон возьмем!
Граф Паскевич высказывал:
— Вы не бойтесь, ребятушки!

70. ЭЙ ВЫ, СИНИЕ МУНДИРЫ

Наш Зубатов-генерал
Всех жандармов собирал.
— Эй вы, синие мундиры,
Обойдите все квартиры!
Все квартиры обошли,
Социалистов не нашли.
У студентов под конторкой
Нашли баночку с касторкой.
И один из них, капрал,
Полный рот ее набрал.
Плюнул-харкнул, говорит:
— Это просто динамит!
Вся Россия торжествует,
Николай вином торгует.

71. ЦАРЬ ИСПУГАЛСЯ

Царь испугался, издал манифест:
Мертвым — свобода, живых — под арест.

Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя,
Вспомни, нагаечка, девято января!*

Едет казак на белом коне,
Штык за плечами, нагайка в руке.

Россия, Россия, жаль мне тебя,
Бедная, горькая участь твоя!

* Припев повторяется после каждого двустишия.

РАЗБОЙНИЧЬИ И ПОТЮРЕМНЫЕ

72. УЖ ТЫ МУЖ ЛИ МОЙ ДА РАЗБОЙНИЧЕК

Из-под ельничка, из-под березничка,
Из-под горького осинничка
Течет-то тут речка быстрая,
Речка быстрая, река струистая.
Как во той-то да речке быстрой
Красна девица умывалася,
Полотёнышком утиралася,
Красотой своей дивовалася:
— Красота ли ты, моя красóтушка,
Красота ли моя, да девья красота!
Ты талан ли да мое счастьеце,
Участь горькая, бесталанная,
На делу ли ты мне досталася,
В жеребью ли мне, девке, выпала?
Молоду меня да замуж отдали
Что за вора ли, за разбойника,
За ночного-то за подорожника.
Он со вечера-то коня седлал,
Со полу-то ночи со двора съезжал —
Во чистó поле бить-разбойничать.
Поутру-то ранó он едет пó полю,
Сыздали кричит да громким голосом,
Он кричит-то свистит по-соловьиному,
Уж он будит меня, молоду жену:
— Ты вставай-косо, да молода жена,
Ты топи-ко печку муравлену,
Ты вари-ко да крепки щелоки,
Ты стирай-ко платье кровавое,
Ты стирай платье — не развертывай,
Полощи платье, да не разглядывай!
Я стирала платье да развёрнула,
Полоскала платье да разглядела —
Я узнала платье братнее.

— Уж ты муж ли мой да разбойничек,
Ты ночной ли да подорожник,
Как убил ты шурина постылого,
Моего-то ли брата любимого!

73. ПЛЫВЕТ ЛОДОЧКА ВОРОВСКА-КОСНА

В луговой было сторонушке,
Выпадала речка быстрая,
Речка быстрая, вода ключовая,
Вода ключовая, вода холодная,
Имя-то реченьки — славна Керженка.
По этой речушки плывет лодочка,
Плывет лодочка воровска-косна.
Всем-то лодочка, ой, изукрашена,
Всякими красками да разноцветными.
По край лодочки — медные пушечки,
Медные пушечки исположены,
Черным порохом изусыпаны,
Мелкой картечкой изнабиваны.
На носу-то стоит атаман с ружьем,
На корме сидит есаул с багром,
По бокам — гребцы-добры молодцы.
Середь лодочки — золотá казна,
На казне-то — цветное платице.
Как на платье сидит красна девица —
Атаманова сплюбовница,
Есаула-то родная сестрица.
— Красна девица, я мало спала,
Я мало спала — во сне видела:
Атамана-то испорезана,
Есаула-то — быть повешену,
Добры-то молодцы во тюрьме сидят,
Красна девица — на божьей волé.

74. СКАЖИ, СКАЖИ, ДЕВУШКА, СКАЖИ, КОГО ЛЮБИШЬ

Ночесь добрый молодец долго загулялся,
Он со красной девушкой долго застоялся,
Ласкова словечушка долго домогался:

— Скажи, скажи, девушка, скажи, кого любишь.
Скажи, скажи, девушка, кого считаешь.
— Скажу тебе, миленький: у нас есть несчастье,
Столь лихо несчастье, в доме безвременье:
Хотят тебя, молодца, хотят схватати.
Разве вор, мой миленький, разве ты — разбойник?
Разве ты, мой миленький, ночной подорожник?

75. Я В ТЮРЬМЕ-ТО СИЖУ ДА ЗА ОКНО ГЛЯЖУ

Я в последний-то раз да во гостях у вас,
Я в гостях-то, в гостях, с вами прощаюсь:
— Вы прощайте, друзья да все мои братья!
Когда с вами я жил, тогда счастлив был,
Я от вас отстал — во зло несчастье упал:
Я несчастливый стал — сам коня украл,
Я коня-то украл да сам в тюрьму попал.
Я в тюрьме-то сижу да за окно гляжу
Сквозь окошечко, сквозь косяще-то,
Сквозь околенку, сквозь стеклянную,
Сквозь решеточку, сквозь железную:
Не пробегает ли тут да путь-дорожечка,
Не пройдет ли тут да родна маменька,
Не проложит ли она следочика,
Не промолвит ли она словечушка,
Не возрадует ли мое сердечушко?

76. МОЛОДЕЦ В ТЮРЬМЕ СЛЕЗНО ПЛАЧЕТ

Соловеюшко громко свищет,
Молодешенек воспевает,
Молодца в тюрьме утешает.
Молодец в тюрьме слезно плачет:
— Распроклятая такая подтюремка,
Ни дверей нету, ни окошек,
Ни щелья нету, ни протесов,
Только есть одна печка муровая,
Из той печеньки — труба выводная.
Окол трубочки — часовые,
Часовые — все солдаты молодые —
Никого из тюрьмы да не пропустят.

Одна ласточка да пролетала,
Душа-красна девица проходила,
С молодцом речи да говорила:
— Если хочешь, доброй молодец, на волю,
Что на волюшку да погуляти,
Мать-Россиюшку да увидати,
Я сама схожу к воеводе,
Я сама найму пару коней,
Еще перву-то пару да вороную,
А вторую пару да голубую,
Еще третью-то пару да темно-карих.

РЕКРУТСКИЕ И ВОИНСКИЕ

77. РОДНА МАТУШКА-ТО ПЛАЧЕТ ДО ГРОБНОЙ ДОСКИ

У ж вы, горы ли, горы Воробьевские,
Ничего-то вы, горы, да не спородили,
Вы ни травоньки, горы, ни муравоньки —
Спородили вы, горы, да сер-горюч камень.
Из-под камушка течет да речка быстрая,
Речка быстрая, тиха-заводистая,
Над рекой стоит да част-ракитов куст.
Что на том кусту сидел да млад сизой орел,
Во когтях-то он держал да черна ворона.
Он ведь бить его не бьет — крепко выпрашивают:
— Уж ты где, ворон, летал да где полетывал,
Уж ты что, ворон, видал да что сповидывал?
— Я летал, черен ворон, во дальних землях,
Во дальних землях да во диких степях.
На чистом поле я видел диво дивное,
Диво дивное да чудо чудное:
На чистом поле лежит да тело белое,
Не простое это тело, а солдатское.
Прилетали к эту телу три кукушечки,
Уж как первая-то присела ко буйной главы,
Как вторая-то присела к ретиву сердцу,
А как третья-то присела ко резвым ногам.
Как первая кукушка плачет — как река текет,
А втора кукушка плачет — как ручей бежит,
А третья кукушка плачет — как роса падет.
Уж как первая-то кукушка — родна матушка,
Как вторая-то кукушка — родна сестрица,
Уж как третья-то кукушка — молода жена.
Родна матушка-то плачет — как река текет,
Родна сестрица-то плачет — как ручей бежит,
Молода-то жена плачет — как роса падет.

Красно солнышко повыйдет — роса высохнет,
Как ручей-то бежит, да он повыбежит,
А быстра река текет, да та не вытекет.
Молода-то жена плачет до мила дружка,
Родна сестрица-то плачет до замужьица,
Родна матушка-то плачет до гробной доски,
Как до той гробной доски да до сырой земли.

78. ВЕРНО, БОГ СУДИЛ ДА ВО СОЛДАТАХ БЫТЬ

Край пути было дорожечки,
Край широкою было московскою,
Испостроены были палатушки,
Новы-каменны были государевы.
Из тех-то палат да белокаменных
Выезжал-то тут майор-полковничек,
Вывозил-то указичек немилостив,
Он немилостив, указ, нежалостлив:
Из трех-то братиков — в солдаты брать,
Из четырех-то братьев — в казачки писать.
Что у нужного-то было, у бедного,
У крестьянина небогатого,
Было три-то сына, да три хорошие,
Все на царскую службу дети гожие.
Как большого-то сына мне-ка жаль отдать,
Как среднего-то сына — мне не хочется,
Еще малому сыну, — верно, бог судил,
Верно, бог судил да во солдатах быть,
Во солдатах быть да все царю служить.
— Уж вы, дети мои, вы, деточки,
Уж вы все-то, дети, были рожонные,
Вы пройдите-ка, дети, вдоль по улице,
Вы зайдите-ко, дети, в грязну кузницу,
Уж вы скуйте-ко, дети, по ножичку,
По острѹ ножу, по булатному,
По булатному ножу, по укладному.
Вы сходите-ко, дети, во рощицу,
Ссеките-ко, деточки, по прутуку,
Уж вы сделайте, дети, по жеребью.
Уж вы сходите-ко, дети, на Дарью-реку,
На Дарью-реку да на свежѹ воду,
Вы спустите-ко, дети, эти жеребьи,
Еще старший сын спускал —

Серой утицей плывет,
А как средний сын спускал —
Сизым гоголем плывет,
А как третий сын спускал —
Будто ключ ко дну идет.
Еще тут-то сын да расплакался,
Отцу-матушке приразжались:
— Верно, я ли вам не сын
Да, верно, пасынок,
Я не пасынок, не сын,
Верно, чужо дитя,
Я чужо-то дитя, верно, соседово,
Я соседушки дитя, верно, не ближнего,
Не ближнего — чужеприезжего.

79. ЗНАТЬ-ТО, МНЕ-КА, МОЛОДЦУ, ВО НЕСЧАСТЬИ БЫТЬ

Ночесь-ночесь, молодцу, мне мало спалось,
Мало мне спалось — много во сне виделось.
Привиделся молодцу нехороший сон:
Будто меня, молодца, добрый конь разнес,
Добрый конь вороненький под бранным ковром,
Под бранным коверышком, в черкасском седле,
В черкасском седле, в тесмяной узде.
Свалилась у молодца шапка с головы,
Не простая шапочка — с кисточкой картуз:
Знать-то, мне-ка, молодцу, во несчастье быть,
Во таком несчастье — в солдатах служить,
Моей родной маменьке — век свой слезы лить,
Моей молодой жене — век солдаткой быть,
Моим малым деточкам — век сирóтовать.

80. НАШЛА ДРУЖКА-ТО СЕБЕ ПАРНЯ НЕНАДОЛГО

Тяжело-то жить во народе
Молодому-то человеку,
Молодому Ване-парню холостому.
Ходит Ванюшка-Ваня неженатый,
Он до девушек парень вожеватый.
— Мы подумаем-ко, братцы-миряна,

Нам кого же отдать будет во солдаты?
Отдадим-ко у вдовы сына Ивана.

Остаюсь я бедна вдовушка-вдовушка,
Горемычна я, бедна, кукушка,
Вековечная я, бедна, позорюшка.
По заре-то я, бедна, летала,
Все горюшко, бедна, горе горевала,
Все мила-то дружка себе искала.
Нашла дружка-то себе парня ненадолго,
Ненадолышко нашла я, на часочек,
На часочек да гулять во садочек.
В том садочке-то девушки гуляли,
Со голов-то алы платки теряли.
Мне не жаль-то платочка алóго,
Сколько жаль-то своего дружка милого.
Мы куда станем с горюшка деваться?
Пойду-выйду я, вдовушка, ко речке:
Не плывет-то ли к нам сверху лодка?!
Плывет лодочка-лодка не простая,
Со гребцами-то лодка, с молодцами,
На корме-то сидит сам хозяин,
Хозяинушко тот — дружочек мой.

81. ПОВЕЗЛИ ВАНЮ В СОЛДАТЫ

Из-под ножечек трава —
Не растет трава, не вянет,
Не растет трава, не вянет,
Ваню-брата не заменит.
— Уж ты, Ваня, рóдной брат,
Замени-ко Ваню так!
Не из денег, не из платы
Повезли Ваню в солдаты:
Ручки-ножечки связали,
Во повозочку бросали,
Во повозочку бросали,
В Мезень-город отсылали.
Ко приемной привозили,
Во приемну заводили,
Во приемну заводили,
И под меру становили.
Медна мера заскрипела,
Все ребята заревели,

Все ребята заревели:
— Ваню-брата подобрили!
На дубовый стул садили,
Его бритвой подобрали,
Его бритвой подобрали,
Русы волосы сымали.
Русы волосы валяются —
Из глаз слезыньки катятся.
Русы волосы сымал,
Во тальянский плат связал,
Во тальянский плат связал,
Отцу-матери послал,
Отцу-матери на горе,
Красным девкам на тоску,
Красным девкам на тоску:
— Отъезжаю жить в Москву!

82. ИЗ ДВУХ ЛЮБИШЬ КОТОРОГО?

Скажи, скажи, красавица:
Из двух любишь которого?
— Конечно, жизнь, не первого,
Не первого — последнего.
Последний друг-бедняжка
Склонил на грудь головушку,
Склонил на грудь головушку,
Смочил платок в горючих слезах.
Она слезам не верила,
Не верила — смеялася.
Пошел мой мил на конный двор,
На конный двор коня имать.
Имал коня вороного,
Седлал седлом черкасским,
Седлал седлом черкасским,
Уздал уздой тесмяной.
Сел на коня, фуражку снял,
Сказал: «Прощай, моя мила!
Семнадцать лет в разлуке жить,
В разлуке жить — царю служить!»

83. УЖ ТЫ, МОЕ ДИТЯТКО, ПРОСТИМСЯ СО МНОЙ!

Выстроила маменька легонький стружок,
Наняла сударушка молодых гребцов,
На корму садила сыночка своего,

Сама выходила на крутой бережок,
Со крута бережочка — на желтой песок,
Со желта песочка — на сер камешок,
Кричала-пияла сыночку своему:
— Уж ты, мое дитяtko, простимся со мной!
— Нельзя, нельзя мне, маменька,
Нонь прощатися:
Молодцы-гребцы да распотешились,
Могучи их плечи расходились,
Буду-буду, маменька, через двадцать лет,
Ворочусь, сударушка, ясным соколом.
Не плачь, не плачь, маменька,
Не плачь, не горюй:
Не жаль, не жаль кунью шубу — не тепла была,
Не жаль, не жаль родну маменьку — не добра была.

84. МЫ НЕ ПЕСНЮ-ТО ПЕЛИ, БРАТЦЫ, А ГОРЕ МЫКАЛИ

Выйдем-ко, ребятушки, на зеленый луг,
Сядем-ко, ребятушки, во единый круг,
Запоем, ребятушки, песню звонкую,
Песню звонкую, песню громкую,
Ту, котору певали на батюшке черном кáрабле.
Мы не песню-то пели, братцы, а горе мыкали:
Опевали мы, братцы, своего полковника.
Не бывал-то у нас, братцы,
Полковничек во синем море,
Не видал-то, братцы, он да страсти-ужасти,
Расходилося у нас, братцы, море синее,
Бушевало синё море со краё на край,
Сомутилася вода да со желтым песком,
Приопали у полковничка ручки белые,
Закипела у полковничка кровь со печенью,
Помутились у полковничка очи ясные,
Подкосились у полковничка ножки резвые.
Приударила морска волна о червлен карабль,
Полетел тут наш полковничек с карабля долой.
Тут бросались мы, братцы, да в легки шлюпочки,
Хватали мы, братцы, полковничка за русы кудри,
Вывозили мы, братцы,
Полковничка на червлен карабль.

Просыпался-то наш полковничек трои сутки,
От тяжелой от хмелинушки пробуждаться стал,
Пробуждаться стал да слово вымолвил:
— Уж как есть ли, братцы, такая ладья,
Чтобы по морю ходила-не шаталася?
Уж и есть ли, братцы-ребятушки,
На свете такая мать,
Чтобы отдавала сына в солдаты
Да не заплакала?

85. ОТЧЕГО ТАК СИНЕ МОРЕ ЗАСТОНАЛО?

Вдоль по Питерской по славной по дорожке,
Туда шли-прошли солдаты молодые,
За ними-то идут матушки родные,
Позади-то мужни жены молодые.
Во слезах пути-дорожечки не видят,
Во взрыданьице словечка не промолвят.
Воспромолвили солдаты молодые:
— Вы не плачьте, наши матушки родные,
Не рыдайте, наши жены молодые:
Не ходить вам по белу свету за нами,
Не топтать вам мать сыру землю ногами,
Не наполнить сине морюшко слезами,
Не наполнить сине море горючими.
— Отчего же сине море зачернело?
— Зачернело сине море кораблями.
— Отчего же сине море забелело?
— Забелело сине море парусами.
— Отчего так сине море застонало?
— Застонало сине море молодцами.

86. РАСКОЛИСЬ, МОЕ СЕРДЦЕ, НАДВОЕ!

Как на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове
Молодой матрос корабли снастил:
Во все снасточки корабельные,
Во все парусы полотняные;
О двенадцати тонких шелковых,
Шелку разного шахматинского.

Увидала тут красна девица
Из высокого красна терема,
Из косящего-то окошечка,
Из хрустальной-то из околени,
Взяла ведерца, пошла по воду,
Пошла по воду на Неву-реку.
На Неве-то она ведра ставила,
Ведра ставила, речи молвила,
Речи молвила, речь говорила:
— Уж ты ой еси, добрый молодец,
Добрый молодец, сын отеческой,
Ты зачем рано корабли смолишь,
Ты зачем рано деревá ставишь
Во все снасточки корабельные,
Во все парусы полотняные;
О двенадцати тонких парусов,
О шестнадцати флагов шелковых,
Шелку разного шахматинского?
Добрый молодец тяжело вздохнул,
Тяжело вздохнул, слово вымолвил:
— Уж ты ой еси, красна девица,
Неразумная дочь отеческа,
Не по свóей ли да я уж волюшки,
Не по своей ли да я охотушки
Корабли снащу, паруса ставлю, —
Я по царскому приказанию,
По государскому распоряжению.
Не через долго-то поры-времени
Пришла весточка добру молодцу:
«Красна девица-то больным больна,
Как больным-больна, во постелюшки».
Во-вторых, пришла скоро грамотка:
«Красна девица вот представилась».
Добрый молодец закручинился,
Закручинился, запечалился,
Он упал же тут на сыру землю,
Воспромолвил он таковы слова:
— Расступися ты, мать сыра земля,
Вы подуйте-ка, ветры буйные,
Со восточной со сторонушки,
Разнесите-ко все желты пески,
Ты откройся, темна могилушка,
Расколися ты, гробова доска,
Распахнитеся, белы саваны,

Отойдите вы, руки, от сердца,
Вы откройтесь, очи ясные,
Отомкнитесь, уста сахарные!
Уж ты встань-восстань, красна девушка,
Воспромолви ты слово ласково!
Он ударился о сыру землю:
— Расколись, мое сердце, надвое!

87. ЗЛА-ЗЛОДЕЙКА НЕЗНАКОМАЯ

Как наскучило-то мне, напрокучило,
Соловеюшку-то зима наскучила,
Добру молодцу — зима холодная,
Зима холодная, земля голодная.
— Не сам, земля, я на тебя зашел,
Меня добрый конь во седле занес.
Занесла-то меня, замыкала
Нужда крайняя — служба царская,
Зла-злодейка незнакомая.

88. Я ВДОВЕЮ С ГОДОМ ДВАДЦАТЬ

Питер, Мόскву проезжали,
Во деревню заезжали,
Во деревню заезжали,
Ко вдовушке приставали,
Ко вдовушке приставали,
На крылечко забежали:
— Пусти, вдовѣ, ночевати —
Нас здесь молодцев немножко:
Полтора ста пешеходцев,
Полтретья ста все на конях.
Тут вдовушка отвечала:
— У мя домик нестоялый,
У мя домик нестоялый,
Фатерушка небольшая.
Силой гости ворвались,
Сели гости все по лавкам,
Сели гости все по лавкам,
Все по лавкам, все порядком:

Как большой-то сел повыше,
Как меньшей-то сел пониже.
Стоит вдовушка у печки,
Прижала́ руки к сердечку.
Как большой-то слово молвил:
— Много ль, много ль, вдова, хлеба,
Много ль, много ль, вдова, хлеба,
Много ль денег ты имеешь?

Как вдова-то отвечала:
— Хлеба есть одна восьминка,
Хлеба есть одна восьминка,
Денег есть одна полтинка.

Большой гость-от слово молвил,
Слово молвил, речь гово́рил:
— Ты давно ль, вдова, вдовеешь,
Ты давно ли сироте́ешь?

А вдову́шка отвечала:
— Я вдовею с годом двадцать,
Я вдовею с годом двадцать,
Сиротею лет пятнадцать.
— Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже!
Сними шапку пуховую:
Есть во шапочке платочек,
Во платочке — узелочек,
В узелочке — перстенечек,
Перстенечек обручальный —
Тот, которым мы венчались,
Тот, которым мы венчались,
Мы венчались-обручались!

89. НЕ ДУБРОВУШКА ШУМИТ

То не пыль в поле пыляет,
Не дубровушка шумит,
Не дубровушка шумит —
Король с армией громит,
Король с армией громит,
Сам словесно говорит:
— Начинайте-ко, ребята наши,
С правого плеча!
Уж как русски-то палят —
С огнем ядрышки валят,

А король начнёт палить —
Через лесы дым валит.
С чаду голову не ломит,
Из глаз слезы не текут.
Они билися-дралися
До одиннадцать часов,
Во двенадцатом часу
Стали дело разбирать,
Стали дело разбирать,
Стали армию считать:
Что нашли наших убитых
Енералов до пяти,
Енералов до пяти,
Полковничков — десяти,
Сколько конных и трехконных —
Ни один жив не стоял,
Пешеходных солдат —
Тех исчислить не могли.
Заставали душу в теле:
Енерал в поле лежит,
Енерал в поле лежит,
Сам словесно говорит:
— Вы подайте-ко, ребята,
Мне чернильницу с пером,
Мне чернильницу с пером,
Табакерку с табаком.
Напишу я такую верность
Осударю своему,
Осударю своему,
Императору-царю:
«Уж ты царь, наш государь,
Куда всю силу издержал?
Всю пропил, промотал,
Котору в карты проиграл,
Ты на картах, на бильяртах,
Видно, силу проиграл.
Которы на горе —
По колен стоят в воде,
А которые под горой —
Тех засыпало землей».

90. ПОМЕР, ПОМЕР КАЗАЧЕНЬКО УТРОМ РАНЫМ-РАНО

За Кубанью огонь горит, казаченьки едут,
Они едут, они едут, назад поглядывают:
Там остались наши жены, молодые жены,
Молодые наши жены и малые детки.
Как задумал казаченько в степи помирати,
Помер, помер казаченько утром раным-рано.
Нам позволил наш полковник вырыти могилу,
И позволил граф Паскевич делати гробницу:
Та гробница — не гробница, темная темница.
Тело везет конь вороный, черну гриву клонит.
Услыхала его мати в каменной палате.
— Кабы я была кукушка, было б сизо крылье,
Я взвилась бы, полетела в турецкую землю,
Во турецкую во землю да к родной гробнице.

91. ТУТ-ТО ШЛА-ПРОШЛА СИЛУШКА АРМИЯ

По дорожечке было по широкой,
По широкой да по московской,
Тут-то шла-прошла силушка армия,
Сила-армия да конна гвардия,
Конна гвардия, три полка солдат,
Три полка солдат да молодых ребят.
Всё молодые да безбородые,
Все холостые да неженатые,
Неженатые да кудреватые,
Они были-то царя белого,
Царя белого да Петра Первого.
Впереди полка да знаменá несут,
Посреди полка да барабаны бьют,
Позади полка ружья светют.
Ружья светлые да замки крепко бьют.
Замки сбрыкали, солдаты всплакали,
Во поход пошли да в путь-дорожечку,
Хоть не в дальнюю, да во печальную,
Во печальную да во слезливую,
Во слезливую да несчастливую.
Во слезах они думу думали,

Думу думали да речь говóрили:
— Уж мы где будём нынче день днeвать,
Будем день днeвать, ночь корóтати?
Будем день днeвaть во сыром бору,
Ночь коротати — во темнóм лесу,
Под сосенкой да под кудрявою,
Во постелюшке — да мать сыра земля,
В изголовьице — зло кореньице,
Одеялышко — да буйны ветрички,
Разбужаньице — пуля быстрая,
Пуля быстрая да сабля вострая,
Умываньице — да кровь горячая,
Утираньице — да мурава-трава,
Воспитаньице — да сухари-вода,
Сухари-вода — солдатáм еда.

92. КАК В АРМЕЮШКЕ ЖИВАЛИ

Запоем мы, запоем, как в армеюшке живем,
Как в армеюшке живали — ни об чем горя не знали.
Получали мы картечь — нам не для́ чего беречь.
— Начинай, наши ребята, прямо с правого крыла!
Наши начали палить — только дым столбом валит.
С жару голову не ломит, с дыму слезы не текут,
С дыму слезы не текут — наши рубят да секут.
Каково есть красно солнышко — не видно во дыму,
Только видно по лесам — солнце едет по горам.
Как по кру́той по горе да на вороном коне
Казак бравый проезжал, очень громко прокричал,
Сказал: «Соколы-солдаты, разудалы молодцы,
Разудалы молодцы, моего полка стрелыцы,
Раз без мерушки вы пейте нонче зелена вина,
Раз без счета получайте государевой казны:
Государева казна — белокаменна Москва».

93. КАК НАМ ГОРЬКИХ СЛЕЗ НЕ ЛИТЬ

По архангельской дороге
Идет армия солдатов,
Все солдаты слезно плачут,
Лишь один солдат не плачет —

Он по армии гуляет,
Он во скрипочку играет,
Всех солдат он утешает:
— Вы не плачьте-ко, солдаты,
Вы не плачьте, молодые!
Как в ответ ему солдаты:
— Да и как же нам не плакать,
Как нам горьких слез не лить:
Наши домички пустеют,
Отцы-матери стареют,
Молоды жены вдовеют,
Наши дети сиротеют.

94. СЕРДЕЧКО ЧУВСТВУЕТ ПОХОД

У ж. ты, зимушка-зима,
Холодна очень была.
Холодна зима проходит,
Весна красна настаёт,
Весна красна настаёт —
У солдата сердце мрет,
У солдата сердце мрет,
Сердечко чувствует поход:
Летом в лагерях стоять,
Поутру́ рано вставать,
Поутру рано вставать,
Черный мундер одевать,
Черный мундер одевать,
На ученье поспешать.
Нам ученье — мученье,
Очень плéчам тяжело.
Штык, винтовку подают
И под рыло нам дают.

95. НЕ ПОЛЫНЬ-ТРАВОНЬКА ВО ПОЛЕ

Не за реченькой было за Невагою,
За второй речкой было, переправою,
За дорожечкой было за широкою,

За широкой славной петербургскою.
Не полынь-травонька во поле шатается —
Удалой добрый молодец да он не сам зашел,
Он не сам зашел да не своей охотою,
Приневолила его, дружка, неволя,
Приневолила нас неволюшка такая —
Власть боярская, служба государская.
Тяжело ту службу служить государеву
Со утра ли-то день до вечера,
Как со вечера служить до полуночи,
Со полуночи до часу до девятого.
Со девятого часу месяц высоко взошел,
Рассыпались звездочки по чисту полю.

96. ТЫ СКАЖИ-КО ИМ КОНЬ, ГДЕ ТОВАРИЩ ТВОЙ

За Дунаем за рекой там казак гулял,
Не один казак гулял — с милой Сашенькой,
С милой Сашенькой — с вострой сабелькой.
Как из вострой-то сабли огонечек вылетал,
Огонек вылетал, казак травоньку рвал,
Казак травоньку рвал, на огоничек клал,
Казак раны свои перевязывал,
Ко ранам-то казак приговаривал:
— Уж вы, раны мои растяжелые,
Тяжелым вы тяжелы — к ретиву сердцу пришли,
К ретиву сердцу пришли, кругом сердца обошли!
Он при смерти коню сам наказывал,
Сам наказывал, наговаривал:
— Уж ты, конь ли, мой конь, лошадь добрая,
Лошадь добрая, конь вороненькой,
Конь вороненькой, конь наступчивой!
Ты бежи-ко, мой конь, по дорожечке,
По дорожечке вдоль, к отцу, к матери родной,
К малым деточкам, к молодой жене,
Ты скажи-ко им, конь, где товарищ твой.
Как имала коня да родна сестрица,
Обирала коня молодая жена,
А выпрашивала — родна маменька:
— Уж ты, конь ли, конь, лошадь добрая,
Лошадь добрая, конь вороненький,
Конь вороненькой, да конь наступчивой,

Расскажи ты мне, конь, где товарищ твой.
— Как товарищ-то мой во чистом полѣ,
Под березонькой да под кудрявою.
Уж как мать-то его — мать сыра земля,
Уж как сестрица — бела березонька,
Молодая жена — гробовая доска:
Разделила его пуля быстрая,
Поженила его сабля вострая,
Схоронила его кровь горячая.

97. ПОЛЮБИЛА Я ДА ПАРНЯ ДАЛЬНЕГО

У ж погода ты, погодушка,
Есть у молодца да зазнобушка,
Зазнобушечка да красна девица.
Парень девушке да наказывал,
Молодой шельме да наговаривал.
Я наказу его да не верила,
Наговоры его да не слушала.
Полюбила я да парня дальнего,
Парня дальнего да нездешнего,
Я солдатика да военного,
Я матросика да походного
Все солдатики во поход пошли,
Меня, девушку, да с собой не взяли,
Раскрасавицу домой свели,
Меня, девушку, оставили.

98. НЕ ОТЕЦ ДА МАТЬ В СОЛДАТЫ СПРОВОЖАЮТ

Н е ясен сокол по воздуху летает,
Добрый молодец с квартиры съезжает,
Не отец да мать в солдаты провожают,
Провожают всё чужие его люди,
Все чужие его люди — красны девки.
Одна девка спроводила всех подальше,
Спроводила да словечко говорила,
На прощаньице колечко подарила.

99. В УЩЕЛЬЕ В КАРПАТСКИХ ГОРАХ

Близ Вислы, германской границы,
В ущелье в Карпатских горах,
Там льются кровавы потоки
С утра до вечерней поры.
Там бьются солдаты за правду,
И смерть храбрецам не страшна,
А в бой они все идут смело,
И божия мать их хранит.
А дома отец при кручине,
Сидит пригорюнившись мать,
Про битву читают газету —
Всё хотят про сына узнать.
Из любви напишут в газету.
Вдруг брызнули слезы из глаз:
Что сын их убит на разведках,
Был издан военный приказ.
А дома жена молодая,
Склоняся над малым дитем,
Она горькие слезы проливает,
Вспомня о муже своем.
Прощался веселый и храбрый,
Все время смеялись вдвоем —
Сейчас лежит камень тяжелый
Навеки на сердце моем.

100. НАША СИЛУШКА БОЛЬША

По-над взморьем мы стояли
На германском берегу:
Как задумал враг-германец
Он Варшаву-город взять.
Нужно-трудно, вор-германец,
Вам Варшаву-город взять,
А еще того труднее
Вам под пушки подбегать:
Наша армия велика,
Наша силушка больша.

101. ПОД РАКИТОЙ — СОЛДАТИК УБИТЫЙ

Что во́ поле, поле стояла ракита,
Что под этой ракитой — солдатик убитый,
Он убит-призакрыт черною китайкой.
Подходила к нему Паня, жена молодая,
Китаечку открывала, лицо признавала,
Лицо признавала, мужем называла:
— Уж ты встань-встань, мой милый,
Солдатик убитый!
Твой конь вороной во лужках гуляет,
Твоя жена молодая в дому дожидает.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ВІНОГРАДЬЯ

102. БОЛЬШОЕ ВІНОГРАДЬЕ

Уж мы ходим-походим по Кремлю-городу.
Виноградье красно-зеленое мое!*

Уж мы ищем-поищем господинов двор.
Господинов-то двор в стороне далеко,
В стороне далеко да на горе высоко,
За шестидесяти верстах
Да на семидесяти столбах.
Что на каждом на столбике по маковке,
Что на каждой на маковке по свечке горит.
— Нельзя ль, сударь-хозяин,
Ко двору к тебе придти,
Ко двору к тебе придти
Да на новó крыльцо зайти,
На ново крыльцо зайти
Да по новым сеням пройти,
По новым сеням пройти
Да в нову горницу зайти,
В нову горницу зайти
Да против матицы стоять,
Против матицы стоять да виноградье спеть?
Разрешил сударь-хозяин ко двору придти,
Ко двору придти
Да на ново крыльцо зайти,
На ново крыльцо зайти
Да по новым сеням пройти,
По новым сеням пройти
Да в новую горницу зайти,
В нову горницу зайти

* Припев: «Виноградье красно-зеленое мое!» — после каждой строки.

Да против матицы стоять,
Против матицы стоять да виноградье спеть.
Мы узрели-усмотрели тесову-нову кровать:
У кроваточки столбы да столбы точеные,
Столбы точеные да позолоченные,
На кроваточке перины все пуховенькие,
На перине одеяло все черных соболей,
На одеяле изголовье все косящее.
Что на этой на кровати сам хозяин-господин,
Сам хозяин-господин да со хозяйшкой,
Между ними-то катается злачен перстень,
К изголовью припадают сизы ласточки.
Что хозяин-господин — Петр Иванович,
Что хозяйка-госпожа — Дарья Ивановна,
Что злачен перстень — Калистрат Иванович,
Сизы ласточки — Лукея с Афанасьёю.
Что хозяин со хозяйкой думу думали-гадали,
Думу думали-гадали — черна выжлочка сряжали,
Черна выжлочка сряжали
Да чернен корабль спускали.
Наш корабличек бежит
Да живота много тащит,
Черный выжлочек бежит,
Да он куниц-лисиц тащит;
Он куницами-лисицами обтыкался,
Он черными соболями приобвешался:
Отцу-матери — на кормленьице,
Родным сестрицам — на снаряженьице,
А себе молодцу — на кунью шубу.

103. МУЖСКОЕ ВИНОГРАДЬЕ

Во соборе у Михаила архангела,
Виноградье красно-зеленое!*

Как у ранней воскресенской заутрени
Незнакомы молодец да богу молится:
Он крест кладет да по писаному,
Поклон ведет по-ученому.
Впереди его стоят попы-дьяконы,
По праву руку стоят все князя-бояра,

* Припев: «Виноградье красно-зеленое!» — после каждой строки.

По леву руку да богосужена,
 Богосужена Раиса Даниловна,
 Позади его стоит да православный мир.
 Те добрые-то люди дивовали молодцу,
 Ему князья-бояра позавидовали:
 — Не земля ли тебя, молодец,
 Спородила на свет?
 Не часты ли тебя звезды воспеленывали?
 Не светел ли тебя месяц воспоил-воскормил?
 Тут проговорил удалой добрый молодец:
 — Уж вы, глупые князья-бояра,
 Неразумные гости торговые!
 Родила меня на свет да родна матушка,
 Воскормил-воспоил да родной батюшка,
 Воспеленывали да няньки-мамушки.
 Завивала русы кудри богосужена,
 Богосужена Раиса Даниловна.

104. ДЕВЬЕ ВІНОГРАДЬЕ

Что во далече-далече, во чистом поле,
 Виноградье красно-зеленое мое!*
 Что еще того подале — во раздольице,
 Вырастала тут береза корнистененькая,
 По середочке береза кривлеватенькая.
 По середочке береза кривлеватенькая,
 По вершиночке береза кудреватенькая.
 По вершиночке береза кудреватенькая,
 У березы прутье-ветвь — скачетён жемчуг.
 Что под этой под березой —
 Бел-полотняный шатер,
 Еще по́лы-то у шатра да рыта бархата,
 Как подполки у шатра да хрущатой новой камки.
 Что во этом во шатре да красна девица-душа,
 Красна девица-душа — Марья Васильевна.
 Во руках она держала пяла точеные,
 Пяла точеные, позолоченные —
 Она шила-вышивала шириночку:
 На первый узг** вышивала
 Сине море с кораблями,

* Припев: «Виноградье красно-зеленое мое!» — после каждой строки.

** Узг — угол.

На второй узг вышивала
Чисто поле со древами,
На третьей узг вышивала
Светел месяц со звездами,
На четвертый вышивала
Лес дремучий со зверями.
Посредине вышивала красно солнце со лучами,
По полям-то вышивала всю Россию со людьми.
Туда шел-прошел детинушка — удалый молодец,
Он кунницами-лисицами приобвешался,
Он черными соболями приобтыкался,
Он тугим-то своим луком подпирается,
Семишелковой тетивкой подпоясался,
Его тугой лук да изгибается,
Семишелкова тетивка подпросталася.
Небылыми словесами похвалялся молодец:
— Кабы был я, кабы жил на другой стороне,
На другой стороне да за быстрой за рекой,
За быстрой рекой да у бела шатра,
Я побил бы, погромил весь полотняный шатер:
Я бы полы у шатра да все бы под ноги стоптал,
А подполки у шатра во синё море сметал,
Я бы ту красну девку за себя бы замуж взял.

105. РЕБЯЧЬЕ ВІНОГРАДЬЕ

Прикатилось рождество ко Ивану под окно,
Ко Ивану под окно свет Васильевичу.
Ты, Иван-господин, ты вставай поране,
Ты вставай поране, ручки мой побеле,
Открывай окно да встречай рождество
С воском, ладаном-темьяном, с воска яровой свечой,
Хлебом-солью накорми, со двора проводи!
От села до села голова весела,
Сердце радуется, низко кланяется.

106. ДЕВЧОНОЧЬЕ ВІНОГРАДЬЕ

Уж мы девушки малыньки, голоски у нас тоненьки,
Мы тихонько поем, мы немножко берем:
Мы не рубль, не полтину — мы одну четвертину,
Ту — золоту, позолоченную,
Да по рюмочке винца, по стакашку пивца,
По стакашку пивца, на закуску — колача.

СВАДЕБНЫЕ

107. ИЗЛОМАЛ ОН ЗЛАЧЁН ПЕРСТЕНЬ

Ходил-гулял по улице
Удалой добрый молодец
Свет Иван да Васильевич.
Заходил он в светлу светлицу,
Во столову нову горницу,
Он за липову за грядочку,
За несчастну нову завесу
Ко душе красной девице
Свет ко Марье Васильевне.
Уж он брал руку правую
Во свою руку левую,
Прижимал он рука о руку,
Изломал он злачён перстень
С тремя вставками алмазными
Да со четвертым драгим камешком.
Тут расплакалась Марьюшка,
Растужилась Васильевна:
— Уж я что-то скажу батюшке,
Да что сударыне я матушке?
А Иван-то хитер-мудер,
Свет Васильевич догадливой:
— Ты скажи, скажи, Марьюшка,
Ты скажи, скажи, Васильевна:
Я ходила в зелен сад гулять,
Я упала о сыру мать-землю,
Изломала злачен перстень
С тремя вставками алмазными
Со четвертым драгим камешком.

108. УТОРИЛ ДОРОЖКУ ИВАН-ГОСПОДИН

У ж как полем-полечком
Уторена дорожка коничком,
Уезжена широкая саночками.
Кто эту дорожку уторил,
Кто эту дорожку уездил?
Уторил дорожку Иван-господин,
Уторил широку Васильевич —
Он всё хожучи к Марье своей,
Он все хожучи к Васильевне,
Он все ношучи гостинчики:
Первый гостинец — да изюмец,
Другой гостинец — да пряничек,
Третий гостинец — да бел сахар,
Четвертый подарок — сам на двор.
Не тесен терем да не скоблён,
Только хорошо да раскрашён,
Разными красками наведен.
Не учен Иван да не школен,
Только хорошо да снаряжен
Во всякое платье цветное.
Не шелковая ленточка к стенке льнет —
То Иванушка батюшке челом бьет:
— Благослови, сударь-батюшка, жениться
На душе на красной девице,
На младой Марье Васильевне.

109. ТЫ НА ТО, ДУША, ПРЕЛЬСТИЛАСЯ

— **У** ж ты, свет наша обманщица,
Зла-велика подговорщица,
Говорила да все обманывала,
Что на сей год я взамуж не пойду,
А на будущий не думаю —
Ни за князя-то боярина,
Ни за купца-то городского,
Ни за крестьянина богатого,
Ни за молодца тороватого.
— Я пойду, млада, за келейку,
Запишусь, млада, в монашенки,
Постригуся во старицы.

Услыхали подруженьки,
Что на сѣм году взамуж пошла,
Что во этом надумала.
— Вот пошла наша обманщица,
Зла-велика подговорщица
Аграфена Фоминична свет,
Не за князя-боярина,
Не за купца-то городского,
Не за крестьянина богатого —
За коммунара тороватого.
Ты на что, душа, прельстилася?
Ты на что же обзадорилася?
На колачики, на прянички?
На изюмы-сладки ягодки?..
Ты на то, душа, прельстилася,
Ты на то обзадорилася —
На дородна добра молодца,
На Григорья Ивановича,
На его ли кудри русые,
На его ли брови черные.

110. МНЕ НОЧЕСЬ МАЛО СПАЛОСЬ

Что же, что же, сине море,
Ты стоишь не сколыбнешься?
Что же, что же, свет Марьюшка,
Ты сидишь не усмехнешься?
— Мне к чему рано смеяться,
К чему рано радоваться?
Мне ночесь мало спалось,
Много во сне виделось.
Мне привиделся страшен сон,
Страшен сон, сон немилостив:
Что на нашей на улице,
Что на нашей на широкой
Есть пустая хоромина,
Есть пуста-непокрытая:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
На печище котище лежит,
По полу ходит гúсыня,
А по лавицам — ласточки,
По окошечкам — голуби,

По окошечкам — голуби,
В новой горнице — ясён сокол.
Уж вы, матушки-нянюшки,
Мои верны служаночки,
Расскажите, пожалуйста,
Мне к чему сон привиделся,
Мне к чему сон привиделся,
К чему, страшен, пригрезился.
Уж вы знаете — не скажете,
Я сама, бедна, дознаюся,
Я сама, бедна, дознаюся,
Я сама догадаюся,
Мне к чему сон привиделся,
К чему, страшен, пригрезился:
Что на нашей на улице
Есть пустая хоромина —
Чужедальная сторона,
Зла-злодейка незнакомая.
Углы прочь отвалилися —
Отец-мать отступилися,
По бревну раскатилися —
Род-племень отказалися.
На печище котище лежит —
Это мой свекор-батюшка,
По полу ходит гусыня —
То свекровушка-матушка.
Что по лавицам ласточки —
То золовушки-сестрицы,
По окошечкам голуби —
То деверьяца-братьяца.
В новой горнице ясен сокол —
Это мой богосуженый,
Это мой богосуженый,
Это мой богоряженный,
Как Василий Петрович свет.

111. УЖ ВЫ ВЕЙТЕСЬ, КУДРИ-КУДЕРЦЫ

В сентябре, во первом месяце,
При девичьем большом вечере,
Как на стуле красна дерева,
На подушке рыта бархата,
Против зеркала хрустального стекла,

Против чистого, заморского,
Тут Иван-то чесал свои кудри́,
Свет Васильевич расчесывал русы́,
Волос к волосу причесывал,
Русый к русому прикладывал,
Русый к русому прикладывал,
Ко кудрям приговаривал:

— Уж вы, кудри мои, кудерцы,
Золоты кудри, серебряные,
Золоты кудри, серебряные,
Через волос позолоченные!
Вы кому, кудри, достанетесь чесать,
Кому, русы, достанетесь завивать?

Доставались кудри Марьюшке,
Достались русы Петровне-душе.
— Уж ты, Марьюшка, завей мои кудри,
Ты, Петровна, завей мои русы
Золотым веретёшечком,
Позолоченной пяточкой,
Позолоченной пяточкой,
Сквозь серебряно колечико!

— Я хочу, так и завью твои кудри,
Не хочу, так не завью твои русы:
Не твоя я, сударь, — батюшкина,
Не твоя я, сударь, — матушкина.

Против зеркала хрустального стекла,
Против чистого, заморского —
Тут Иван-то чесал свои кудри,
Свет Васильевич расчесывал русы,
Волос к волосу причесывал,
Русый к русому прикладывал,
Русый к русому прикладывал,
Ко кудрям сам приговаривал:

— Уж вы, кудри мои, кудерцы,
Золоты кудри, серебряные,
Золоты кудри, серебряные,
Через волос позолоченные!
Вы кому, кудри, достанетесь чесать,
Кому, русы, достанетесь завивать?

Доставались кудри Марьюшке,
Достались русы Петровне-душе.
— Уж ты, Марьюшка, завей мои кудри,
Свет Петровна, завей мои русы
Золотым-то веретешечком,

Позолоченной пяточкой,
Позолоченной пяточкой,
Сквозь серебряно колечико.
— Я завью, завью твои кудри,
Я завью, завью, завью твои русы
Золотым веретешечком,
Позолоченной пяточкой,
Позолоченной пяточкой,
Сквозь серебряно колечико:
Я твоя слуга верная,
Я твоя слуга надежная.
Уж вы вейтесь, кудри-кудерцы,
Из колечика в колечико
У удала добра молодца,
У Ивана Васильевича!

112. ТЫ ОСТАВЬ ОДНИ ШИРОКИ ВОРОТА

Что во светлой-то светлице,
Во столовой новой горнице
У отца, у родителя,
У родимой своей матери
Что стояла тесова-нова кровать,
Что со долгой новой завесой.
Тут спала красна девица,
Что невеста зарученная,
Что княгиня первобрачная.
Разбудившись от крепкого сна,
Обвела очми по горнице,
Как по той светлой светлице.
Она узрѣла-увидела
Своего брата родимого,
Она просила-упрашивала,
Она молила-умаливала
Своего брата родимого:
— Засеки, братец, засеку
От востока до запада,
Что от матушки сырой земли
До ходячего облака —
Не приходили б люди добрые,
Не пробежали б кони быстры.
Ты оставь одни широки ворота —
Приходить бы свату молодцу,

Пролетать бы ясну соколу,
Приходить добру молодцу,
Что моему богосуженому,
Что моему богоряженному
Афанасью Васильевичу.
Прошу милости всех гостей
Со всем князевым поездом,
Что за мной за богосуженой,
За невестой зарученною,
За княгиней первобрачною.

113. А СУРЯДИТЬ К ВЕНЦУ НЕКОМУ

Много-много у сыра дуба,
Много листья, много паветья,
Много отрасли кудрявого,
Только нет у сыра дуба
Золотой одной вершиночки,
Позолоченной маковки.
Много-много у Маремьянушки,
Много-много у Романовны,
Много роду, много племени,
Много всех честных родителей,
Много братьев, много сестрицей,
Много дядьев, много тетушек.
Погостить-то у ней есть кому,
А постоять-то за ней некому.
Есть еще денна печальница,
Есть ночная богомольщица,
Спорожденьица мать родимая.
Только нет у Маремьянушки,
Как восхожа красна солнышка,
Нет горы у ней высокой,
Как крепкой стены городской,
Спосеянного сударя-батюшки.
Благословить-то ее есть кому,
А сурядить к венцу некому.

114. НЕ ХОДИ ДА НЕ ПОДХАЖИВАЙ

Как ходил-гулял большой сват,
Как Матвей свет Евграфович,
Как ходил да похаживал,
Как хвалил да нахваливал
Чужу-дальнюю сторону,
Окуневскую слободу:

— Окуневская слобода,
Она сахаром усеянная,
Она медом поливанная,
Виноградом гороженная.

Не жила, млада, не ведала,
Пожила, так споведала:
Окуневская слобода,
Она горем усеянная
И слезами поливанная,
И кручиной гороженная.

Да чтобы тебе, большой сват,
Как Матвей свет Евграфович,
Как трясло б тебя, повытрясло,
С полу на печь повыздымало,
На печи да под шубою,
Под тремя полушубками,
Да сквозь печь провалиться,
Да во щак завариться,
Киселем захлебнуться,
Пирогом заколотися!

Того мало тебе, большой сват,
Как Матвей свет Евграфович!
Идет мужик с волости
Да несет мешок болести —
Всё на свата на большего,
На вилявого, лукавого,
На змея семиглавого.

Того мало тебе, большой сват:
Идет мужик с Вологды
Да несет мешок своробу —
Всё на свата на большего,
На вилявого, лукавого,
На змея семиглавого.

Голова у тя как пуговка,

А глаза-то как лукови,
А брюшина как хлебница.
Не ходи да не подхаживай,
У нас девок не выманивай!

115. БЕЖАЛА КАРЕТА НЕ ПРОСТА — ЗОЛОТАЯ

У ж как по мосту-мосту, по калинову-нову*,
Тут бежала карета не проста — золотая.
Что во этой карете тут сидела девица,
Тут сидела девица, свет Мария Петровна,
Как невеста заручевна,
Как княгиня первообрачна.
Она сидит — слезно плачет, хорошо причитает,
Хорошо причитает, свою волю вспоминает:
— Ты куда, воля, девалася?
Все веселье потерялося.
Мимо эту карету золоту,
Мимо эту княгиню молодую
Не сокол пролетает, не ясен просвистает,
Ко карете пристагает, ко девице припадает,
Ко девице припадает, он девицу унимает,
Именем называет, из отчества величает:
— Ты не плачь, не плачь, Марья,
Не рыдай, свет Петровна,
У нас то же веселье, у нас то же гулянье:
Из веселья — в веселье, из гулянья — в гулянье,
Из гулянья — в гулянье, из прохлады — в прохладу!
Тут Мария отвечает, тут Петровна слово молвит,
Именем называет, из отчества величает:
— Ты Иван свет Петрович, у вас разве гулянье,
У вас разве веселье, у вас разве прохлада?
Утром рано вставати, рано печь затопляти,
Надо щи-кашу варити да тебя, мужа, кормити,
Одевать да обувати, все тебя уважати.
Знать, на эти прохлады мне-ка будут наклады!

* К каждому полустишию припевалось: «да раю-рай».

116. УЖ Я САМ ТЕБЯ ВЫВЕДУ ИЗ-ЗА ЭТОГО ДЕРЕВЦА

Что на горочке деревцо, деревцо кипарисное,
Оно купами приобросло, соловьями прирасцвело.
Что под этим под деревцом, деревцом кипарисовым
Тут крылась-хоронилась душа красная девица,
Что невеста зарученная, что княгиня первобрачная,
Именем из отчества Аграфена Фомична-душа.
Она стоит-похваляется словесами похвальными
Да речами поносными, красотой своей девической:
— Никому меня не вывести из-за этого деревца,
Из-за этого деревца, деревца кипарисного,
Что без ста и без друго́го и без целые тысячи.

Приударили в колокол, зазвонили к заутрене.
Выискался такой молодец — свет Григорий Иванович.
Он стоит-похваляется словесами поносными
Да речами похвальными, красотой молодецкою:
— Уж я сам тебя выведу из-за этого деревца
И без ста и без другого и без целые тысячи,
Со единым я тысяцким —
С восприемным крестным батюшкой,
Со единой я сватьюшкой —
Восприемной крестной матушкой,
Со двумя дружками вежливыми —
С молодцами очестливыми.

117. ВО СВЕТЛИЦЕ ДЕВИЦА СИДИТ

Что на горочке елочка,
Под горою светелочка,
Во светлице девица сидит,
Что девица душа красная,
Что невеста зарученная,
Как свет Марья Ивановна,
Повесь буйну голову,
Потупя очи ясные.
К ней пришел родной батюшка,
Зовет: «Марья, пойдем домой!»
Уж как Марья слово молвила,
Свет Ивановна ответ держит:
— Я нейду, нейду, батюшка:

Ночь темна — идти не месячно,
Леса темны — караулов нет,
Реки быстры — перевозов нет.
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светлице девица сидит,
Что девица душа красная...*
На горе стоит елочка,
Под горою — светелочка,
Во светлице девица сидит,
Что девица душа красная,
Что невеста зарученная,
Как свет Марья Ивановна,
Повеся буйну голову,
Потупя очи ясные.
К ней пришел богосуженый,
К ней пришел богоряженный,
Свет Василий Иванович,
Зовет: «Марья, пойдем со мной!»
Уж как Марья слово молвила,
Свет Ивановна ответ держит:
— Я иду, богосуженый:
Ночь светла — идти месячно,
Лес не темен — караулы есть,
Реки быстры — перевозки есть.

118. ШИРОКА РЕКА В ДОЛИНУ ШЛА

Была винная реченька,
Сахарна была источинка,
Как по сахару река текла,
По изюму разливалась.
Широка река в долину шла,
Из долины в зелен сад зашла,
Из сада-то ко двору пришла,
Ко Петру-то под парадное крыльцо,
Свет к Петру Николаевичу.
У Петра-то было умное дитя,
Была разумная доченька,

* К пей поочередно приходят маменька, братица, сестрицы, подруженьки; просьбы к невесте повторяются, а ее ответ один и тот же.

Свет Марья Петровна-душа.
Она ходила-расхаживала
По своим-то новым горницам,
По столовым светлым светлицам.
Она гуляла-разгуливала
Да будила-разбуживала
Своего богосуженного,
Своего богоряженного —
Свет Ивана Петровича:
— Уж ты встань, душа умный мой,
Да разбудись, душа разумный мой.
Я не пить к тебе, не есть пришла,
Я не чай-кофей кушати, —
Я пришла к тебе разгулятися,
Во все игры разыгратися,
Я во карточки, во шахматы,
Я — во все игры немецкие,

119. ПРОСИМ МИЛОСТИ ДА В ПАРНУ БАЕНКУ

На пятау двери да открывались,
На крюках двери да остоялися:
Залетали тут да белы лебеди,
Заходили да красны девицы
По гладку полу по еловому,
По частым-мелким перекладинкам.
Становилися красны девицы
Против матицы положенной,
Против грядочки гороженной.
Низко кланялись красны девицы:
— Просим милости да в парну баенку
Душу красную девицу,
Как невесту зарученную,
Уж как Марью да свет Васильевну:
Парна баенка да принатоплена,
Ключева вода принагретая,
Шелков венчик да принапаренный,
Приначищены да тазы медные,
Призаправлены мыла заморские.
Просим милости да в парну баенку,
Как обмыть душе красной девице
Со бела лица горючи слезы,
Со белой груди воздыханьице,
С ретива сердца печаль-горюшко!

120. ОДНА НОЧКА С ТОБОЙ НОЧЕВАТИ

Не лебедка кругом терем облетала,
Маремьяна у туга замка стояла,
Тугой замочек отмыкала.
— Отомкнись, отомкнись, замок,
Тугой-задорожчатой, отомкнися,
Родна маменька, разбудися.
Нам не веки с тобой вековати,
Нам не годы с тобой годовати,
Нам не зиму с тобой зимовати,
Нам не весну с тобой весновати,
Нам не лето с тобой летовати,
Нам не осень с тобой осеновати.
Одна ночка с тобой ночевати,
Одна темна с тобой коротати.
Уж как будем мы ночь ночевати,
Уж мы как будем темну коротати?
Не знай — ходя ее проходити,
Не знай — сидя ее просидети,
Не знай — всё ли друг на друга проглядети,
Не знай — лежа ее пролежати,
Не знай — крепким сном проспати,
Что так-то крепким — беспробудным!

121. НЕУЖЕЛИ ТЫ, МАРЬЮШКА, БУДЕШЬ МОЯ?

Не соболю по улице дыблется —
Еще дыблет-подыблет молод князь,
Александр свет Иванович.
Еще часто он к терему привертывает,
Еще часто он в светлицу захаживает,
Еще часто за завесу заглядывает,
Еще часто ко Марьюшке припадывает:
— Неужели ты, Марьюшка, будешь моя?
Неужели, Ивановна, — суженая?

122. МНЕ-КА НАДОВНО-НАДО БОГОСУЖЕНАЯ

Как сказали: сокол за море улетел.
Да сказали еще: за синим далеко.

Как сказали: Иван во цареве кабаке,
Во цареве кабаке зелено вино пьет.
По полтине, по рублю на вине пропиват,
По алтыну, по рублю голышам раздават.
Слышали-послышали — вестка на дворе,
Ехал-наехал на тестев двор,
Широко открывал он новы ворота,
Уж он звал-вызывал богосуженую:
— Уж вы, матушки мои, нянюшки,
Уж подите-тко вы, сходите-тко,
Вы пошлите сюда мне-ка тестя на двор!
Тут выходит-выходит тесть-от на двор,
Выносит-выносит полную скляницу вина.
— Мне-ка надобно-надо богосуженая,
Богосуженая, богоряженная.
Если спит-то она — не будите ее,
Как не спит-то она — посылайте ее!

123. НЕЖДАННЫ ГОСТИ НАЕХАЛИ

Как не вей-ветры навеяли—
Нежданны гости наехали,
Нежданны гости наехали,
Подломили сени новые.
Приудрогла наша Марьюшка,
Приудрогло ретиво сердце,
Подломились ноги резвые,
Опустились руки белые.

124. СТОИТ ЧАРА ПЕРЕД НАМИ

Чарочка моя серебряная,
Серебряная, позолоченная,
На золотом блюде поставленная.
Стоит чара перед нами, перед нашими усами,
Перед нашими усами, перед нами, молодцами.
Кому чару пить, кому выпивать,
Кому выпивать, кому вторую наливать?

125. КТО ЖЕ, КТО ЖЕ ХОДИТ ПО ТЕРЕМУ?

Как не рюмочки по столику
бренчат,
Не стаканы по столам говорят.
Кто же, кто же ходит по терему?
Еще кто гуляет по высокому?
Николай-от ходит по терему,
Уж как Павлович — по высокому.
Он уж белится-румянится,
Хорошо он наряжается:
Николаю в гости хочется...
У кого же будет спроситься?
У кого будет доложиться?
— Ты, Раисьюшка, сестрица моя,
Ты спусти в гости к батюшке меня,
Ко родимой матушке.
— Николаюшко, братец мой,
Посиди у меня в терему,
Погляди на мою красоту:
Какова моя красота,
Расчудесная басота!

126. ТЫ КАМОЧКА, КАМОЧКА МОЯ

Ты камочка, камочка моя,
Мелкотравчатая-узорчатая,
Не давала развертываться
Ты ни князю, ни боярину,
Ты ни князю, ни боярину,
Ни тому сыну купеческому.
Нынче крестьянский сын волюшку берет:
Он камочку развертывает,
Он камочку развертывает,
Он узорчики рассматривает.

127. КОМУ БАРХАТ КУПИТИ?

Дорог бархат: в торгу аршин
Во сто рублей и во тысячу.
Кому бархат купити? Кому, дорог, носить?
Мужу не купити — жене не носить.

Дорог бархат: в торгу аршин
Во сто рублей и во тысячу.
Кому бархат купити? Кому, дорог, носить?
Уж как мужу купити, как жене-то носить:
Как купить-то было Ермолаю,
А носить-то было Маремьяне.

128. ПО ГОРНИЦЕ-СВЕТЛИЦЕ СТОЯТ СТОЛЫ ДУБОВЫ

Уж ты, голубь-голубок, мой сизенький воркунок,
Кругом терема летал, к окошечку припадал,
К окошечку припадал, в околеньку посмотрел.
По горнице-светлице стоят столы дубовы,
Стоят столы дубовы, скатерочки берчаты,
На них чары золоты, полны меду налиты.
Еще кто ту чару наливал, кто златую наполнял?
Спиридон чару наливал, Тимофеевич наполнял,
До любезной доступал, своей Марфе подавал:
— Уж ты, Марфа-друг моя, прими чару от меня,
Прими чару от меня, выпей-выкушай до дна.
Выпей-выкушай до дна, роди сына-сокола:
Походочкой в татеньку, поступочкой в маменьку,
Белым личиком в меня, умом-разумом в себя,
Очи ясны — соколины, брови черны — соболины.

129. ПОЕЗЖАЙ КО СИНЮ МОРЮ

По сеням было, сеничкам,
По частым по ступеничкам,
Тут ходила-гуляла молодая боярыня,
Молодая боярыня Афанасья Никитична.
Ходючи она ходила, гулячи она гуляла
По своим светлым светлицам,
По столовым новым горницам.
Доходила Афанасьюшка
До кроватушки тесовенькой,
До своего любимого Елизара Кондратьича.
Она будила-добуживала своего мужа любимого:
— Уж ты встань, душа умный мой,
Разбудись, душа разумный мой:
Мимо наше любимое село,

Мимо наше прекрасное крыльцо
Пролетали гуси-лебеди,
Серы-сизые утицы.
Еще мне, молодешенькой,
Захотелось гусятинки,
Мне белой лебедятинки,
Серо-сизой утятинки.

— Отойди, душа умная,
Отойди, душа разумная,
Ты поди в светлу горницу,
У тебя есть чадо милое,
Ты поди-ко, разбуди его,
Пусть идет на конюшен двор,
Выбирает пусть коня доброго,
Коня доброго вороного,
Пусть берет себе тугой лук,
Тугой лук, калену стрелу.

По сеням было, сеничкам,
По частым по ступеничкам,
Тут ходила-гуляла молодая боярыня,
Молодая боярыня Афанасья Никитична,
Ходючи она ходила, гулячи она гуляла
По своим светлым светлицам,
По столовым новым горницам.
Доходила Афанасьюшка
Как до той светлой светлицы,
До кровати тесовенькой,
До своего сына любимого,
Она будила-добуживала,
Посылала его на конюшен двор:
— Ты иди, чадо милое,
Ты иди, чадо любимое,
Выбирай коня доброго,
Коня доброго вороного,
Ты бери себе тугой лук,
Тугой лук, калену стрелу,
Поезжай ко синю морю
На тихи вешны заводи:
Там стреляй гусей-лебедей,
Серых-сизых утицей.

Взял тогда он коня доброго,
Коня доброго вороного,
Брал тогда он себе тугой лук,
Тугой лук, калену стрелу,

Он поехал ко синю морю
На тихи вешны заводи,
Он стрелял гусей-лебедей,
Серых-сизых утицей —
Отцу-родителю на возрушенье,
Родной маменьке на воскушанье.

130. ЧТО МОЛОДУШЕК У НАС ПРИБЫВАЕТ

Не на улице дождь поливает —
В Голубково у нас девок убывает,
Что молодушек у нас прибывает.
Уж вы, девушки, поиграйте,
Уж вы, молоды молодки, не плошайте,
Уж вы, молодцы, погодите,
Уж вы жалобно на девок не глядите:
Еще взглядиком девок не возьмешь,
Что возьмешь или нет с полюбови,
Что со матушкина дозволенья,
Что со батюшкина благословенья.
Уж я батюшке говорила,
Уж я свету родному доносила:
— Не отдай меня, батюшка, замуж,
Ты не зарься на высокие хоромы,
Ты не зарься на богатое богатство.
Не с хоромами жить — с человеком,
Мне не с платьями жить, а с советом.
Много цвѣтного платица на грядке,
Да не ровнюша лежит на кроватке,
Раздевать-разболокать заставляет.
Покориться-то мне неохота,
Своей спинушки присогнути,
Белых рученек умарати,
Золотых-витых перстней поломати.
Я ему за сапог, он — в косицу,
Я ему за второй, он — вторую.
Уж и тут меня горюшко взяло,
Уж и тут меня велико одолило.

ЛИРИЧЕСКИЕ

131. НЕ ЛЕТАЙ ТЫ, СОКОЛ, ВЫСОКО

Ты сокол, ты сокол молодой,
Не летай ты, сокол, высоко!

Не летай ты, сокол, высоко,
Не машись ты крыльем широко!

У нас много бояр в Москве,
Того больше крестьян на Руси.

У нас нет такова молодца,
Как дородна добра молодца:

На горе-то он соболя убил,
Под горою лисицу задавил,

Он на заводи — уточку,
На песочке — лебедушку,

На песочке — лебедушку,
В терему — красну девицу.

132. НА ТОЙ КРАСОТЕ-ГОРЕ ВСЕ ЛЕБЕДУШКИ СИДЯТ

По горам сокол летал, он лебедушек искал.
Он нашел-то, нашел на крутенькой на горе:
На той красоте-горе все лебедушки сидят,
Все лебедушки сидят, ровно беленький снежок.
Как одна-то лебедь побелее всех.
Побелее всех, поснарядливей,

Поснарядливее, подогадливее:
Из саду-то во сад лебедь перелетывает,
На милого дружка часто взглядывает.
Будто мой милой во лужках гуляет,
Во лужочках зеленых тяжело вздыхает;
Он вздохнул-то, вздохнул не по батюшке,
Не по батюшке, не по матушке —
Он вздохнул-то, вздохнул по любезной по своей.

133. ПОСПЕВАЙТЕ, ПОСПЕВАЙТЕ, ВКУСНЫ ЯГОДЫ МОИ!

Зеленися, зеленися, мой зеленый сад,
Расцветайте, расцветайте, мои алые цветы,
Поспевайте, поспевайте, вкусны ягоды мои!
Ко мне будут, ко мне будут нынче гости дороги.
Сударь-батюшка родимый будет по саду ходить,
Спелы ягоды щипать, меня, младу, похвалять:
Мастерица сад садить да от погодушки укрыть,
От погодушки укрыть да от заливного дождя!

134. Я БЫЛА, ЛЕБЕДУШКА, НА СИНЕМ МОРЕ

Высоко над облаком летает сокол.
Ой сокол, ой сокол, да летает сокол.

— Белая лебедушка, где же ты была?
— Я была, лебедушка, на синем море.

— На синем-то морюшке что там видела?
— Я, соколик, видела — плавает корабль.

В этом ли кораблике вдовушка жила,
А у этой вдовушки дочка хороша.

Стала же ты, Катенька, как белая заря.
Умывайся, Катенька, морскою водой,
Утирайся, Катенька, белым полотном!

135. ТЫ КАЛИНУШКА-МАЛИНУШКА МОЯ

Соловеюшко на кустышке сидит,
Горьку ягоду-калинушку клюет.

Горьку ягоду-калинушку клюет,
Он малинушкой закусывает.

Он малинушкой закусывает,
Ключевой водой захлебывает.

— Ты калинушка-малинушка моя,
Иссушила добра молодца меня.

Пустила сухоту по моёму животу,
Рассыпала печаль по моим ясным
очам.

136. НЕРАЗЛУЧНАЯ ЛЮБОВЬ НАША С ТОБОЙ

Чернобровый, черноглазый, душа мой,
Неразлучная любовь наша с тобой.
Во дорожечку поедешь, душа мой,
Во дорожке тяжелехонько вздохни.
Во дорожке тяжелехонько вздохни,
Меня, горькую, несчастну, вспомяни.
Вспомяни, радость, веселые часы,
Мы в которы веселилися с тобой.
Мы в которы веселилися с тобой,
Веселились-забавлялися.
Говорили мы секретные слова —
Про нас слышали прекрасные древа.
Я со тех дерев калинушку рвала,
Я рвала-брала, милого дарилá.
Я рвала-брала, милого дарила,
С той поры его сударушкой слыла.

137. ОТОШЛЮ Я ГРАМОТКУ ЖАЛОСТНЫМ РОДИТЕЛЯМ

Червонная кралечка, молодой парень-детинушка,
Удала твоя головушка, велика в сердце зазнобушка.
Шутил-шутил, баловал, три годочка Любу знал.

На четвертый на годочек пишет-пишет грамотку,
Пишет-пишет грамотку по атласу-бархату.
Отошлю я грамотку жалостным родителям:
— Жалостны родители, дайте волю Любушке
От младости от молодой до старости до седой:
Когда старость к нам придет,
Гульба на ум не пойдет.

138. НЕ ОТ ЖАРУ ЦВЕТИК ВЯНЕТ — ОТ ХОЛОДНЫЕ РОСЫ

Хорош парень уродился, век по девушкам страдал,
Век по девушкам страдал да по несчастным тосковал,
По несчастным тосковал да ден веселых не видал,
Ден веселых не видал да душу Машу не признал.
Хороша Маша родилась, уродилась лучше всех,
Уродилась лучше всех: личенько как белый снег,
Личенько как белый снег, на снежочке алый цвет.
Не от жару цветик вянет — от холодные росы.
От холодной, от студеной — не признал ее красы.

139. ВЫХОДИЛА ДА КРАСНА ДЕВИЦА

Из-за лесика да леса темного,
Из-за садика-сада зеленого,
Туда шли-прошли добры молодцы,
Меж собой сошлись — низко кланялись,
Они кланялись да поздоровались.
Они врозь пошли да разругались,
Разругались да растолкались:
Одной девушкой да похвалялись.
Выходила да красна девица,
Выходила да слово молвила:
— Вы удалы добры молодцы,
Вы не ссорьтесь-не бранитесь,
Доброй совестью разойдитесь.
Одному из вас я достануся —
Парню черному, чернобровому,
Али белому, белокурому,
Парню бравому, раскудрявому,
Али малому, неудалому!

140. МИЛЫЙ ГЛЯНЕТСЯ ХОРОШ

Я вечер в гостях гостила,
Во компании была,
Я хорошего молодчика
Себе в любовь взяла.
Мне не стыдно с ним водиться —
Можно радостью назвать:
Во наряде, в чистом сряде
Милый глянется хорош,
Он хорош собой и славен,
Весь на ласковых словах,
По поступкам парень точен,
Тороват во всех делах.
Между прочим разговором
Прежде в речь меня вводил,
Он своим приятным взором
Груди белы прострелил,
Простреливши груди белы,
На колени посадил,
Со коленей моя радость
Танцевать с собой водил.
Я немножко танцевала,
Милый ручку больно жал,
Я руки не отымала,
Появился в сердце жар.
Начала его стыдиться,
Перестала танцевать,
Вышла в сени холодиться,
Чтобы жар с лица согнать.
Не видала, как отстала —
Мил стоит передо мной,
Мил стоит передо мной,
Разговариват со мной:
— Сколь ты манежна, сударыня моя!
Не ты ли, сударушка, повысушила,
Без морозу ретиво сердце повызносила,
Присушила русы кудри ко буйной голове,
Заставила шататься по чужой стороне,
Приневолила любить чужу мужнюю жену?

141. НА РАССВЕТЕ Я УСНУЛА НА ЧАСОК

Разосенни комарочки-пискунки
Не дают-то мне, младенькой, ночку спать.

На рассвете я уснула на часок —
Будто мой милой по горенке прошел,

Будто мой милой по горенке прошел,
Ко тесовой ко кроватке подошел.

Ко тесовой кроватке подошел,
Шитой-бранной положочек размахнул,

Шитой-бранной положочек размахнул,
На мое лицо с любовью посмотрел,

На мое лицо с любовью посмотрел,
Сказал: «Сашенька, пойдем со мной гулять!»

Сказал: «Сашенька, пойдем со мной гулять!»
Меня брат родной не пустит гулять.

Научу-то дружка — всюлю брата схватать,
Среди пути-дорожки растерзать,

Дороги его товары отобрать —
Мы тогда пойдем с тобой в сады гулять.

Мы сорвем с тобой лазерьевый цветок.
Мы сорвем-то цветок, сошьем венок

Милу дружку на головушку,
Мы завертим его в шалевый платок,

Мы завертим его в шалевый платок,
Из платочика — в кисейный рукавок.

142. ДУБОВЫЕ ЛИСТОЧКИ, ВСЕ ОНИ ШУМЯТ

Белая березонька призадумалась,
Горькая осина припечалилась,
Дубовые листочки, все они шумят,

Шумят-громят листики — молодца бранят,
Журят-бранят Ванюшу — споженить велят:
— Женись, женись, Ванюша, споженись, мой друг!
— Рад бы я жениться — нет воли у меня:
Воля батюшкина, воля матушкина.
Рад бы я, женился, — я не знаю, кого взять:
Взял бы дочь крестьянску — нужно в поле работать,
Взял бы дочь купеческу — нужно в лавке торговать,
Взял бы дочь мещанскую — нужно грамоту достать.

143. ТЫ НОЧУЙ, ПАРЕНЬ ЛЮБЕЗНЫЙ, НОЧУЙ НОЧКУ У МЕНЯ

Я вечер парня просила ночевать:
— Ты ночуй, парень любезный, ночуй ночку у меня!
— Я радешенек остаться, — боюсь, до свету просплю.
— Ты не бойся, друг любезный, я сама рано встаю,
Я ранешенько вставаю, я до зорьки разбужу,
Я до зорьки разбужу, тебя далеко провожу.
Провожу тебя далеко, где скончалась любовь,
Где скончалась-разлучалась —
От слез речка протекла.
Не широка, не глубока, все крутые бережка,
Все крутые бережочка — по ней шлюпочка плыла.
Что во этой во шлюпочке два молодчика сидят,
Два молодчика сидят, все про девок говорят.

144. МНЕ-КА НАДОБНО УВИДЕТЬ СЕРДЕЧНОГО ДРУЖКА

На горочке комарочков много уродилось,
Много-множество родилось — я сама дивилась.
Все припрели-пригорели солдатски квартиры,
Остается, остается один зелен садик.
Что во этом во садочке росла трава-липа,
Любил-любил мой миленький, хоть я невелика,
Невеличка-круглоличка, личиком беленька.

Что во этом во садочке росла трава-мята,
Любил-любил мой любезный, хоть я небогата.
Небогата-торовата, с людьми вожевата.
Кланялась красна девица полковничку в ножки:
— Сударь, сударь-батюшко, господин полковник,
Сними моего милого с крепка караула:
Мне-ка надобно сходить до зелена лужка,
Мне-ка надобно увидеть сердечного дружка,
Мне-ка надобно позвати к себе ночевати.

145. ПРИЛЕТЕЛ СИЗОЙ ГОЛУБЧИК К МОЕМУ ДОМУ

Надо, надо мне сходить до зéлена лужка,
Надо, надо мне увидеть сердечного дружка,
Надо, надо мне позвати к себе ночевати!
Обещался мой любезный к полуночи быти.
К полуночи, в первом часе прилетел голубчик,
Прилетел сизой голубчик к моему дому.
Он сажился, сиз голубчик, на краснó крылечко,
Стукнул-брякнул во колечко — открывались двери.
«Если двери не откроешь — открывай окошко!»
Я окошко открывала, парня запускала,
За дубовый стол садила, водкой угостила,
Сладкой водкой угостила, речи говорила:
— Ты поедешь, друг любезный, — никому не хвастай!
Если станешь похвалиться — будем расставаться.
Пало парню не по сердцу — колотил во столик,
Колонул милой во столик — зеркало разбилось.
Моя маменька узнала — все меня ругала:
— Что за шум, что за гром во нашей во спальне?
— Наша кошечка дурлива на столик вскочила,
На столик вскочила — зеркало разбила.

146. СО РУГАНЬИЦА СТАЛА ДЕВКА ПЛАКАТЬ

Уж ты мальчик, милый расканальчик,
Есть раздушечка-парень да такой,
Вложил мысльцы в мое ретивое,
Зажег сердечушко парень у меня.
Ума-разума я, бедна, не знала,
Начала тебя крепко любить.

У нас с миленьким было дело тайно,
Неизвестно было никому.
Теперь все-то про нас люди узнали,
Все соседушки про нас говорят.
Меня, девку, меня, бедну, красну,
Все ругают, все, бедну, бранят.
Со руганьца стала девка плакать,
Раскрасавица стала горевать.
— Не плачь, девка, не плачь, бедна, красна,
Не плачь, жисточка-радость моя,
Я задумал, молодец, жениться,
Возьму замуж за себя.
— Врешь ты, мальчик, ты парень-расканальчик,
Врешь — не возьмешь замуж за себя:
Твой-то тятенька очень богатой,
Твоя маменька очень горда.

147. НЕ ВЕЛЯТ ПАРНЯ-МОЛОДЧИКА ЛЮБИТЬ

Красно солнышко на окошечко мое взошло,
Светла зорюшка в околенку глядит, —
Мой-ёт миленький ко мне в гости нейдет.
— Еще что, друг за губитель за такой?
Ты не чувствуешь любви никакой.
Какова любовь на свете хороша,
На моем сердце зазноба велика.
Зазнобушка красной девицы-души,
Часто ходишь мимо моего двора,
Приглянулась мне походочка твоя,
Прилюбился мне весёл умильный взгляд,
За приметку — черна шляпа со пером.
Никогда, милой, не зайдешь посидеть!
— Я, разлапушка, не смею доложить,
К твоему двору следочка проложить,
Ко твоим, мила, к широким воротам
И, разлапушка, к точеным вереям.
Во полден приду — в компании сидишь.
Ввечеру приду — ворота заперты,
Заперты, крепко заложенные,
Во полночь приду, любезна, — крепко спишь,
Заутру приду — отец да мать не спят,
Тебя, девушку, ругают, все бранят:
Не велят девке на улицу ходить,
Не велят парня-молочика любить.

Посидел милой — домой стал походить,
Он не лестною прощается со мной:
— Прощай, мила, прощай, лапушка моя,
Прощай, прежняя сплюбовница моя!
Западай, моя дорожка широка!
Зарастайте все следочки ярой!

148. ТОЛЬКО НРАВИТСЯ МНЕ МИЛЕНЬКИЙ ДРУЖОК

Я не думала на сем свете тужить,
Я не чаяла напрасно слезы лить.
Пришло время — начала сердце крушить.
Злые люди всё на нас с тобой глядят.
Меня, девушку, ругают да бранят,
Мне со миленьким разлуку всё сулят.
Со руганьница белая грудь болит,
Со взрыданьница сердечку тяжело.
Злое время к нам с тобою подошло:
Долго свидеться мне с милым нemoжно —
Злые люди замечают всё, глядят.
Я не слушала руганья ничьего —
Полюбила сердечного своего.
Я при милом вссела да молода,
А без милого — кручинна да больна,
Я больна-больна, в постелюшку слегла.
Я в постелюшке хвораю, все лежу,
В зелен сад я за окошко не гляжу.
Не милы мне в поле розы цветы,
Не милы часты ракитовы кусты.
Только нравится мне миленький дружок:
Бел лицом он, словно беленький снежок,
Щеки алы, словно розовый цветок,
Очи черны, развеселые глаза,
Брови черны — то природна красота.

149. ПРИРАСПЛАКАЛАСЬ КРАСНА ДЕВИЦА

Не во далече-далече,
Было во чистом поле,
Да еще того подале,
Было во раздольице:

Разыгралася в поле куница,
Куна перед сободем,
Прирасплакалась красна девица,
Девушка перед молодцем.
— Здравствуй, душечка,
Моя надежда, мил сердечный друг!
Ты зачем, моя надежда,
Ко мне в гости не жалуешь?
Неужели тебя, моя надежда,
Отец-мать бранят,
Отец-мать бранят,
Да род-племень журят?
Не велят тебе, моя надежда,
Милый, со мной знатися,
На дорожке, моя надежда,
Со мной не встретятся,
На беседушке, моя надежда,
Со мной не сходитися.
Велят, душечка моя надежда,
Тебе поженитися.
Уж ты женишься, моя надежда, —
Переменишься,
Повенчаешься, моя надежда, —
Вся любовь скончается.
Не жену ты себе возьмешь, моя надежда,
А змею лютую:
День-то журить тебя будет надежда,
А ночью спать не даст.

150. ВСЮ ОСЕННЮ ТЕМНУ НОЧКУ НЕ СЫПАЛА

Уж я вешний весь денечек просидела,
Всю осенню темну ночь не сыпала,
Все из горницы во светлицу гуляла,
Соболино одеяло пролежала,
Золоты ключи во ручушках держала,
Свой любимой новой шкапик отмыкала,
Всю хрустальную посуду разбирала,
Я по выбору стакашек выбирала.
Я сповыбрала стакашек, кой поболе,
Кой поболе, кой потоне, всех повыше,
Дополна я сладкой водки наливала,
Своему дружку-надежи подавала.

— Прими-выкушай, душа-радость молодчик,
На меня, на молоденьку, не надейся:
Надо мной, над красной девкой, безвременье,
Безвременнице, безвременье, зло несчастье,
Зло такое, зло лихое, сговорено —
Сговорила меня матушка родима
За такого за худого человека,
За каналью, за канальенского сына.
Не тебе-то мною, скареди, владати,
Не тебе же, расканалье, наряжати,
Наряжать-то старопрежнему дружочку,
Я которого во девушках любила,
Я которого во девушках любила,
Золотым-витым колечиком дарила.
Не за то ли меня маменька бранила,
Не за то ли государыня журила?
— Прости, маменька, тебе я виновата:
Между грядками капустышку ломала,
Золото свое колечко утерjala,
Его милая подружка находила,
Своему дружку-надеже подарила:
«Ты носи-ко се кольцо, да, мил, не хвастай,
Как повыносишь кольцо — тогда похвастай!»

151. СГОВОРИЛА МЕНЯ МАМЕНЬКА РОДИМА

На меня вечер тоска нападала:
Я всю темну ночку не сыпала,
Я ждала дружка, дожидала.
Я насилушку милого дождалася,
Я белыми-то руками обнялася,
Горючими-то слезами улилася.
Я из горницы во светлицу гуляла,
Золоты-виты ключи в руках держала.
Я любезненькой шкапчик отпирала,
Всю хрустальную посуду разбирала.
Я сповыбрала стакашек всех получше,
Всех получше да покраше, подороже.
Дополна я стакан водки наливала,
Я милу дружку стакашек подавала.
— Прими-выкушай, душа-радость молодчик!
Надо мною, красной девкой, безвременье,
Безвременнице, зло несчастье,

Зло несчастнице-то сговоренное:
Сговорила меня маменька родима
За такого за лихого человека!

152. ВЫ ЛЕТИТЕ, МОИ ВЗДОХИ

У ж вы, вздохи, часты вздохи,
Полетите прочь от нас.
Вы летите, мои вздохи,
Я куда-то вас пошлю.
Вы скажите-ко милому —
Я какую грусть терплю:
За глаза парня ругаю,
Позаочно слезы лью.
Что ночью темнотою
Сокрывался белый свет,
Добрым людям для покою,
Тут ложились девки спать.
Шел-то парень из завода,
Он фатеры не нашел,
Зашел к девкам на вечорку,
Постучался у ворот.
Одна девка разбужалась
От крепкого нежна сна,
Со кроваточки вставала,
К воротечкам подошла,
Со свирепым девьим сердцем
От мальчишки спросила:
— Уж ты что, дурак-невежа,
Так стучишься у ворот?
Парень девке извинялся:
— Ты, девица, извини!
Девка парня извиняла,
За правую руку брала,
К себе в спальню заводила,
За дубов-то стол садила,
Чаем-кофеем поила,
Сладкой водки налила,
Сладкой водки налила,
— Выпей чару от меня!
Эту чару выпивает,
Вдруг веселый парень стал,
Он со радости-веселья

Песню девушке пропел:
— Недозревша земляничка —
Так нельзя ее сорвать,
Запросватана девица —
Так нельзя мне взамуж взять.

153. ПЛАЧЕТ АННУШКА СЛЕЗАМИ

Сидел голубь-голубочек,
Он у ласковой подружки,
У хорошей у невесты.
Меж горами, меж долами
Плачет Аннушка слезами.
— Ты не плачь-ко, не печалься:
Геня холост, не женился.
Как задумает жениться —
Приворачивай проститься,
Приворачивай проститься,
Хоть пивца-винца напиться!
— Нам не диво ваше пиво,
Только диво — ваша свадьба.
Моя маменька — злодейка,
Больша сёстра — лиходейка,
Разлучили нас с тобою —
Живу рыбу со водою.
Пойдем, Анна, погуляем!
Жива ль рыба во песочке?
Жива рыба во песочке,
Гуляет Гена в том садочке.

154. СЛОВЕЧУШКО МОЛВИЛА Я, МОЛВИЛА

У Харьёвых у ворот, у ворот
Стоял девок хоровод, хоровод,
Молодушек — весь народ, весь народ.
Все девицы хороши да пригожи —
Одна девица лучше всех, лучше всех,
Головушка глаже всех,
Руса косынька доле, доле всех,
В косе лента голуба есть — нелюба.
Я вдоль бережка ходила-гуляла,
Словечушко молвила я, молвила,

Колечушком дарила я, дарила.
— Уж ты батюшко-родитель, сударь мой,
Ты прими-ко слово ласковое,
Ты прими слово приятливое:
Не отдай меня за старого взамуж.
Я за стара мужа взамуж не пойду,
Со старым мужем гулять не пойду,
Под стара мужа постелю не стелю,
Ему в три ряда каменья наложу,
Во четвертый ряд крапивы настелю.

155. Я БЫ РОВНЮШКУ УТЕШИЛА

Поиграйте, красны девушки,
На своей воле у батюшки,
На своей воле у батюшки
Да у привольной у матушки!
Не ровна-ко взамуж выйдется,
Не ровён-то черт навернется:
Либо старое-удушливое,
Либо малое-утешливое,
Либо малое-утешливое,
Либо ровнюшка спесивенькая.
Я бы старого утешила —
Среди поля повесила
Я на горькую осинушку,
Я на саму на вершинушку
Черным воронам на граенье,
Добрым людям на дивованье.
Я бы малого утешила —
В колыбельку спать положила.
Я бы ровнюшку утешила —
На кроватку спать уложила,
На кроватку спать уложила,
На периночку пуховенькую.
Я возьму ровню на рученьки,
Я прижму ровню к сердечушку —
Моя ровнюшка разбóспится,
Ретиво сердце разбóжгется.

156. РАЗОРВЕТСЯ МОЕ СЕРДЦЕ, СЛЕЗНО ПЛАКУЧИ

Уезжает мой любезный во дорожечку,
Хоть не в дальнюю дорожку — во печальную,

Недалешенько, да жаль тошнешенько:
Разорвется мое сердце, слезно плакучи,
Все тебя ли, мой любезный, вспоминаючи.
Ой вы ласки мои, ласки дружка милого,
Ой, слова ли, слова сердцу приятливые!
Как со той ли сторонки со восточной
Шлет-то мне милой письмо-грамотку,
Письмо-грамотку — весть нерадостну:
«Не сиди, моя любезна, поздно вечером,
Не просиживай до полуночи,
Ты не тай-ко, не тай свечи сальные,
Ты не жди, не дожидайся дорогá гостя,
Дорога гостя да дружка милого:
Я не гость приду да не гостить зайду,
Зайду, душечка, любезна, распроститися,
За любовь твою хорошу одолжитися.
Дозволь, душечка любезна, мне жениться!»
Ты женись-ко, женись, да мой любезный друг,
Ты возьми-ко, возьми да кого я велю,
Кого я велю да кого я люблю:
Ты возьми-ко, возьми да у соседа дочь,
У соседа-то дочь — моя подружечка,
Ты люби-ко люби да как любил меня!

157. С КЕМ МНЕ ЗИМУ ЗИМОВАТЬ?

Экой, Ваня, разудала голова,
Сколь далече отъезжаешь от меня?
Отъезжаешь-спокидаешь, не приедешь года два,
Спокидаешь не девицей, не вдовой,
Не девицей, не вдовой и не мужней женой.
С кем мне зиму зимовать, с кем холодно провожать?
С кем мне вёсну проводить, лето красно страдовать?
— Уж ты милая моя, спокидаю я тебя,
Спокидаю я, бросаю, поезжаю от тебя,
Поезжаю от тебя, не приеду года два,
Не приеду года два — ты страдай, бедна, одна.

158. ПОД ЯБЛОНЬЮ, ПОД КУДРЯВОЮ

По весне-то было по красной*,
По лугам было по зеленым,
По травам было по шелковым,
Под яблонью, под кудрявою.
Говорил молодец красной девушке,
Говорил-то ей, крепко наказывал:
— Круглолица моя да белолица,
Черноброва моя да черноглаза,
Расхороша моя красна девушка,
Не ходи-ко се молода взамуж,
Не рони своей красоты с лица,
Не расплывай косы русонькой,
Не выплывай ленты аленькой,
Подожди меня, добра молодца!

159. ПОЕЗЖАЙ, ЛЮБЕЗНЫЙ, ВО ДОРОЖЕЧКУ

Склатся миленькой во котомочку,
Поезжай, любезный, во дорожечку,
Хоть не в дальнюю, во печальную.
Недалешенько, да жаль тошнешенько,
Воротись, милой, поскорешенько!
Не воротишься — я умру с тоски,
Я со той ли тоски-злой кручинушки.
Надорвется сердце, слезно плакучи,
Слезно плакучи, возрыдаючи,
Все тебя, любезный, вспоминаючи.

160. СО ВСЕГО СВЕТА ПРИШЛА КО МНЕ БЕДА

Красно солнышко, оставь ты небеса,
Ты скорей катись за темные леса!
Светел месяц, ты останься за горой,
Покрывайся все ночьюю темнотой!
Темной ноченькой наплачусь, я, млада,
Со всего света пришла ко мне беда.
Рассердился мой любезный на меня,
Он седлает своего добра коня,

* Каждая строка повторяется дважды.

Он седлает своего добра коня,
Соезжает со широкого двора.
Поравнялся со моим красным крыльцом,
Не махнул мне левантиновым платком.
На прощаньице не смотрит мне в лицо.
Разломись, мое венчальное кольцо!
Разорвися, сердце бедное, тоской —
Милый едет за невестой за иной.
Ты развейся, моя русая коса!
Пропадай ты, моя девичья краса!

161. РАССТАНЮШКИ С МИЛЕНЬКИМ ДА ТЯЖЕЛЕШЕНЬКИ

Полюбил парень девушку расхорошую,
Расхорошую девушку, распригожую.
Он недолго с ней водился — расставаться стал.
Расстанюшки с миленьким да тяжелешеньки,
Тяжелым-то тяжелешеньки, слезно плакучи.
Слезно плакала девушка не по батюшке,
Не по батюшке девушка, не по матушке —
Слезно плакала девушка по милом дружке,
По милом дружке да по надёженьке:
— Ты надежа ли, надежа, мой сердечный друг!
Ты полынь ли, полынь, полынь горькая,
Заняла ты, полынь, в саду мѣстечко,
Огородное место, плодородное,
Виноград где растет да чернослив цветет.

162. Я ВЗВИЛАСЬ БЫ, ПОЛЕТЕЛА — ГДЕ МОЙ МИЛЕНЬКИЙ ЖИВЕТ

Кого нету, того больно жаль.
Отъезжает, оставляет он на ласковых словах,
На прощанье оставляет с руки перстень золотой.
На руке кольцо носила, на ночь в головы клалá,
Путру рано вставала, обливалась слезми,

Две пуховые подушки потонули во слезах,
Соболино одеяло не согрело белу грудь,
Не согрело-не пригрело без сердечного дружка.
Кабы было воску яра, себе б крылышки свила,
Я взвилась бы, полетела — где мой миленький живет.
Я бы села-опустилась ко милу дружку на грудь,
Скуковала б, сгоревала, расспросила б, рассказала,
Расспросила б, рассказала про него и про себя.
Растошнешенько моему сердцу, болит бела грудь моя,
Распрощуся-разостанусь, видно, наве́к, девка, я.

163. ВЫСОКО СОКОЛ ЛЕТАЕТ

Беспечально девье сердце ноет-завывает,
Сердце ноет-завывает, тоски придавает,
Тоски придавает, дружка наживает.
Нажила-то я себе дружка по думам по крепким,
По думам по крепким, по мыслям по верным.
До меня друг ласков, как соколик ясный.
Высоко сокол летает, все меня пытается,
Все меня пытается, сам прочь отстает,
Отстает-отъезжает в дальний городочек,
В дальний городочек на один годочек.
Оставляет меня в горе, во слезах, как в море,
Он во горе, во кручине, как корабль в пучине.

164. МНЕ НАВСТРЕЧУ МОЙ МИЛОЙ

Ночка темная, осенняя,
День маленек-коротенек,
Скрылось солнышко из глаз —
Расставаться пришел час.
Пойду с горя в чисто поле —
Не найду ли алый цвет.
Счастливый выход мой —
Мил стоит передо мной,
Мне навстречу мой милый,
Разговариват со мной:
— Здравствуй, лапушка милая,
Я не чаял здесь тебя,
Я пришел к тебе на время,

На единый на часок.
Я принес тебе подарок,
Подарочек дорогой:
На праву руку — колечко,
На другую — перстенок,
Чтобы светило колечко
Во весь праздничный денек.
Я милому говорила,
Сердечному своему:
— Если я тебе по нраву —
Возьми взамуж за себя,
Если я те не по нраву —
Расстреляй, милой, меня.
Прострели мне белы груди —
Я навеки буду спать.
Надпиши на гробе надпись —
Золотые литера,
Золотые-непростые,
Что ты так любил меня.

165. СПРОШУ У СОЛОВЬЮШКИ

Распремили девушки,
Да вы подруженьки мои,
Созовите батюшку самого
В гости ко мне
Со родимой матушкой
В зелен садик погулять.
Есть у нас во садике,
Есть забава велика,
Забава премилая:
На древах листья шумят,
Шумят-гремят листочки,
Осиновы говорят.
Тут летит соловьюшко,
Летит-свищет молодой.
Спрошу у соловьюшки:
— Милый тужит ли по мне?
Я-то по милом дружке,
Каждый час по нем тужу,
Каждый час-минуточку
Обливаюсь слезми.
Пойду в теплу спаленку,

Лягу ниц я на кровать,
До тех пор лежать буду,
Пока два часа не бьет.
Два часа ударило —
Мой друг милый не бывал,
Третий час ударило —
Мой хороший у ворот.
— Миленький, хорошенький,
До чего меня довел?
Довел красну девицу
До славушки до худой,
До худой до славушки,
Вынул краску из лица!
— Милая, хорошая,
В лице краска не была,
Были в твоём личике
Одни белы белила,
Белые белилышка
Да накладные румяна.
Ты ли, красна девушка,
Так повысохла сама?

166. ОДИН ВСЕХ МИЛЕЕ

Нам сказали про девицу
Небыль-небылицу:
Будто я, красна девица,
По молодце тужу.
— Не тужи, моя милая,
Я те не забуду.
Приведется в Питер ехать —
Привезу подарки,
Привезу тебе подарки —
Кумачу, китайки.
— Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Привези-ко, сын отецкий,
Золото колечко,
Золото колечко
По мое сердечко.
Ты поедешь, друг, жениться —
Приверни проститься,
Ты сними тоску-кручину

С меня, молоденькой,
Заверни тоску-кручину
Коню в сиву гриву.
Сивый конь бежит-встряхнется —
Грива развернется.
Сива грива развернется —
Тоска распадется.
Распадись, тоска-кручина,
По чистому полю,
Разрастись, тоска-кручина,
Травой-муравою,
Что травой-муравою,
Алыми цветами!
Все цветочки алые —
Один всех алее,
Все дружочки милые —
Один всех милее.

167. САМА ЗНАЮ-ОТГАДАЮ ВСЕ ТВОИ ЗАГАДКИ

— **З**агадну тебе, девица, шестью три загадки.
Еще что, красна девица, выше, выше леса?
Еще что, красна девица, краше, краше света?
Еще что, красна девица, без ответа?
Еще что, красна девица, без замочка?
Еще что, красна девица, без проводки?
Еще что, красна девица, есть без плоду?
Еще что, красна девица, без любви?
— Не загадывай, молодчик, шестью три загадки,
Сама знаю-отгадаю все твои загадки.
Выше леса, выше леса — светел месяц.
Краше света, краше света — красно солнце.
Без ответа, без ответа — добра лошадь.
Без замочка, без замочка — круты бережочки.
Без проводки, без проводки — быстра речка.
Есть без плоду, есть без плоду — серый камень,
Без любви, без любви, — мы, милой, с тобою.

168. СКАТИЛОСЬ КОЛЕЧКО СО ПРАВОЙ РУКИ

Несчастный родился я, в горяшке взрос,
В едину влюбился — и та неверна.

Сколь зорко смотрела она мне в лицо
И молча надела на руку кольцо.

Надела, сказала: «До гроба люби!»
Скатилось колечко со правой руки.

Скатилось колечко со правой руки,
Заныло сердечко во белой груди.

Сказали: мил помер, в могиле лежит,
Во гробе сосновом доской он закрыт.

Ходила по свету, искала кольцо,
Нашла я колечко во синем морé,
Во синем море, на самом на дне.

169. ЗА РЕЧКОЙ ЗА БЫСТРОЙ СЛОБОДКА СТОИТ

Не сдуй, не сдуй, погодушка,
С калинушки цвет,
С калинушки да с малинушки
Лазурьевый цвет!
Не весела беседушка,
Где милого нет.
Он пьет-не пьет, голубчик мой,
За мной, молодой, шлет.
А я-то, млада, призамешкалася,
За утками-гусями, за лебедушками,
За вольною птицею-журавушкою.
Журавушка по берегу погуливает,
Он травоньку-муравоньку пощипывает,
Ключевой-то водой он захлебывает,
За реченьку, за быструю поглядывает.
За речкой за быстрой слободка стоит.
Слободушка немаленька — четыре двора,
У каждого у домика — четыре окна,
В каждом окошечке — четыре кумы.
— Уж вы, кумушки-голубушки,
Подружки мои,
Подите, мои кумушки,
Во зелен сад гулять,
Меня, мои подружечки,
Возьмите с собой!

Будете цветочки рвать —
Сорвите и мне,
Будете венки свивать —
Вы свейте и мне,
Будете в реку бросать —
Вы бросьте и мой!
Еще все венки — поверх воды,
Один мой потонул.
Все дружки из Москвы пришли,
Один мой не пришел.

170. ШЕЛ-ТО МИЛОЙ БЕРЕЖКОМ

У нашего Ванюшки заболит головушка,
Занает сердечушко, знать, по любушке своей.
Где-то живет любушка, где живет голубушка —
На той стороне реки.
Чешет милый волосы, чешет милый русые
Частым-мелким гребешком.
Расчесал он волосы, расчесал он русые —
Пухову шляпу надел.
Шапочка пуховая, сибирочка новая,
Сапоги козловые, калоши ваксовые,
Рубашечка красная, жилеточка атласная —
Знать, ко любушке пошел.
Шел-то милой бережком,
Шел-то милой крутым,
Переходу искал — нет.
Нашел милой жердочку,
Нашел милый тоненьку —
Сам по жердочке пошел.
Жердочка сломилась,
Шапочка свалилася, —
Знать, мой милый потонул.
Увидала девушка, увидала красная
Из высока терема.
Брала девка ведерца,
Брала красна дубовые —
На ключ по воду пошла.
Почерпнула ведерца,
Почерпнула дубовы —
Сама на гору пошла.
Становила ведерца,

Становила дубовы —
Стала плакать-горевать.
Кляла девка реченьку, кляла она быструю:
— Будь ты проклята, река!
Что бы тебя, реченьку,
Что бы тебя, быструю,
Да песком желтым занесло!
Что бы тебе, реченьке,
Что бы тебе, быстрой,
Да мелкой рощей зарости,
Ельничком-березничком
Да горьким осинничком.
Каково те, реченька,
Каково те, быстрая,
Без ключевой воды?
Столь мне легко, девушке,
Столь мне легко, красной,
Без милого без дружка!

171. ПОШЛИ ДЕВУШКИ ДА В ЛЕС ЗА КАЛИНОЙ

Уж вы, леса мои да леса темные,
Леса темные да всё дремучие!
Пошли девушки да в лес за калиной,
Что за калиной да за малиной,
Что за черною за смородиной,
Все-то девушки принабралися,
Одна девушка не набралася,
Со милым другом застоялася,
Застоялася-приотсталася,
Во темном-то лесу заблудилася,
Под рябинушку спать валилася.
Повалилася-приспросилася:
— Уж ты, горькая да рябинушка,
Стереги меня, красну девушку,
Ты от темной-то меня ноченьки,
Ты от грозной-то меня тученьки!
У этой-то темной ноченьки
Ни луны у ней нет, ни месяца,
Ни частых-то да мелких звездочек.
У меня, у красной девицы,
Нет ни роду, нет ни племени,
Ни отца нету, ни матери,
Только есть у меня, девушки,

Задушевный один друг —
Я со тем-то ли дружкой
Не в любви живу.

172. МНЕ НЕ ДОРОГИ ПОДАРКИ

Вор-мальчишка молодой,
Что ты сделал надо мной,
Что ты сделал надо мной,
Над девчонкой молодой?
Обещался, мой любезный,
Век в любви со мною жить.
Нынче ты меня оставил,
Кинул-бросил, позабыл.
Позабыл меня, девицу,
На заклётой стороне,
На заклётвенной сторонке
Без милого без дружка,
Без милого без дружка,
Без ясного соколá.
Я пойду с горя на речку,
На текущий ручеек,
Я умоюся водою,
Приутрюсь полотном,
Тонким-белым полотенцем —
Тут счастливый выход мой,
Счастливый выход мой:
Мил стоит передо мной.
Мил стоит передо мной,
Разговариват со мной:
— Здравствуй, лапушка милая,
Я не чаял здесь тебя!
Я пришел к тебе на время,
На единенький часок.
Я принес тебе подарок,
Подарочек дорогой:
На праву руку колечко,
На левую перстенок,
На белу шею цепочку,
Во всю грудку жемчужку,
Вкруг тонкóго животочка
Тонкий шелков поясок.
— Мне не дороги подарки —

Дорога твоя любовь.
Хороша любовь на свете,
Нет дорожке для меня!

173. В РЕТИВОМ-ТО СЕРДЦЕ ДА ЗАЗНОБУШКА

Ты, береза, береза раскудрявая,
Раскудрявая, тонка-журавая!
Ты когда же росла, когда выросла?
Когда вызрела, когда выцвела?
— Я весной росла, летом выросла,
По зарям цвела, с солнцем вызрела.
Есть у девушки много горюшка,
В ретивом-то сердце да зазнобушка:
Зазнобил сердечушко парень молодой,
Молодой парень лет семнадцати.
Двадцати пяти годов я нарушила любовь,
Я нарушила любовь да полюбила трех дружков:
Я первого дружка — сына купеческого,
Я второго дружка — сына поповского,
Я третьёго дружка — сына крестьянского.
Купеческий сын — за торговлею,
За торговлею, за товарами,
А поповский сын сидит за книгами,
За книгами, за бумагами,
А крестьянский сын — за работаю,
За работаю, за тяжелою.

174. ПОЛЮБИЛА Я ДА ДРУЖКА ДАЛЬНОГО

На синем-то море погодушка,
Есть у молодца да зазнобушка,
Ой зазнобушечка—красна девица.
Парень девушке да наказывал,
Ой молодой-то, шельма, наговаривал:
— Посмирнее живи, моя любушка,
Посмирнее живи, повежливее!
Я наказу его да не слушала,
Наговору его не исполнила
Свою волюшку да я исполнила,
Свою волюшку да с охотушкой:
Полюбила я да дружка дальнего.
Дружка дальнего да нездешнего,

Я матросика да военного,
Я солдатика да походного,
Во поход-от пойдет — он с собой возьмет,
К отцу-матери, к своим увезет.

175. ЗАКРУЧИНИЛСЯ-ЗАПЕЧАЛИЛСЯ УДАЛ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ

Что под славным-то было крепким городом,
Да и было-то под Архангельском:
Тут-то была построена изба новая,
Изба новая была, городовая.
Что во той-то во избе новой
Восемьсот-то живет удалых добрых молодцев.
Они все-то были горазды во игры играть,
Что во те-то игры играть, во карты-шахматы.
Замешалась-то между ними одна красна девица,
И горазда-то она была во игры играть,
Во игры играть, во карты-шахматы.
Отыграла-то красна девица
У добра молодца три черных корабля:
Уж как первый-то кораблик — со чистым серебром,
А второй-то корабличек — с красным золотом,
А третий-то кораблик — со скатным жемчугом.
Закручинился-запечалился удал добрый молодец,
Он повесил буйну головушку со могучих плеч.
Подходила-то красна девица к добру молодцу:
— Ты не весь-ко, не весь, удал добрый молодец,
Свою буйную головушку со могучих плеч,
Не тупи-ко ясны очи в мать сыру землю:
Мы пойдем с тобой, добрый молодец,
Мы пойдем с тобой во божью церковь,
Уж мы примем-ко с тобой да закон божий.
— Не пойду я с тобой, девица, во божью церковь,
Не примаю я с тобой да закон божий, —
Лучше пропадайте все три черных корабля!

176. ТЫ ПОЛЫНЬ-ПОЛЫНЬ, ТРАВА ГОРЬКАЯ

На заре-то было на вечерней,
На закате было красна солнышка,
На выходе было светла месяца,

Как на высыпе было частых звездочек:
Вечор девушка глупость сделала,
Глупость сделала — парня прогневала,
Назвала его горьким пьяницей.

— Горька пьяница-пропойца!

Мил-пропойца беспокоится:
На кабак он идет — поправиться,
С кабака он идет — шатается,
За полынь-травоньку хватается,
Полынь-трава подстиляется.

— Ты, полынь-полынь, трава горькая,
Сбереги ты меня, да добра молодца,
Добра молодца да парня пьяного,
Парня пьяного, несуразного —
Со хмелинушки да мне проспаться!

177. ССЕКУ-СРУБЛЮ Я РЯБИНУШКУ ВОЗЛЕ САМУ ЗЕМЛЮ

Запевай, моя любезна, котору получше!
У Катюшеньки сердце ноет, ноет-занывает,
Оно ноет-занывает — мил друг спокладает.
Зовет милый во лесочек на один часочек:
— Пойдем, сядем-ко, любезна,
Вместе под кусточек,
Что под тоненький кусточек —
Под горькую рябину!
Ссеку-срублю я рябинушку возле саму землю,
Снесу я горькую рябинушку на мирску дорогу:
— Стой-ко, стой, моя рябинушка,
В поле не шатайся,
Живи-ко, моя любезная,
В горе не печалься!
Если будет тебе скучно,
Пиши грамотки почаще!
— Я сама писать не умею,
Целовальникам не доверяю.

178. ПИШИ ПИСЬМА ПОСКОРЕЕ!

— **З**дравствуй, Сашенька моя родная,
Светик-радость дорогая!

Я в тебя ли, Сашенька, влюбился —
На лицо переменился.

Если тебе будет скучно,
Пиши письма поскорее!

— Ой, я сама писать не умею,
Писарям-ворам не верю,

Писарям-ворам не верю,
Сказать тятеньке не смею,

Родной маменьки боюся,
Братьев-сестрицей страшуся,

А подруженьки стыжуся,
Невестушке признаюсь.

179. ВЕЧОР-ВЕЧОР МОЛОДЕЦ

Сказали про молодца,
Сказали про удалого —
Совсем без вести пропал.
Вечор-вечор молодец
Вдоль по улице прошел,
Любимую песенку
Жалобнехонько пропел,
Чтобы слышала милая,
Не дремала, не спала.
— Вечор, моя милая,
С женой побранка была:
Ругала-бранила тебя и меня,
Меня, добра молодца,
Избесчестила,
Тебя, красну девицу,
Шельмой-дрянью назвала.
Уж я бил-то учил
Молоду свою жену,
Молоду свою жену
Чуть живу на свет пустил.
— Ты не бей-ко, не бей
Молоду свою жену:
Как тебе с худой женой —
Надо веки с нею жить.
Со мной, красной девушкой,
Одну ночку ночевать!

180. НЕ ПО ПРАВУ ЖЕНУ ВЗЯЛ

Я нигде дружка не вижу,
Ни в долинах, ни в лужках.
Только вижу я милого
Темной ночью в сладком сне.
Гляну, гляну я на стенку —
Вижу милого портрет:
На стене портрет висит,
На меня, младу, глядит.
Я давным-давно забыла,
Что малютка на руках.
Отнесу к сестре малютку,
Сама выйду на крыльцо.
Выходила на крылечко —
Вижу, милый мой идет.
Бросилась ему на шею,
Назвала его дружком.
— Не зови меня дружочком:
Я теперь стал не твой,
Я теперь стал не твой —
Я женился на другой.
Женился — переменялся,
Не по праву жену взял,
Не по праву, не по мысли,
Не по сердцу своему.
Я не буду, я не стану
По согласью с женой жить,
Только буду, только стану
Жене смерточку молить:
— Уж ты смерть, ты моя смёртка,
Помори мою жену!
Не успел я слово молвить —
Померла моя жена.

181. ПРИВЯЗАЛАСЬ ТОСКА-ЗЛА КРУЧИНУШКА

Свет — наша першпектива,
Путь — наша дорожечка.
Больше век по тебе, дорожечка,
Мне-ка не бывати,
Мне твоих-то черных грязей
Будет не топтати,

Своего-то дружка любезного
Будет не видати,
Не любить-то дружка будет,
Не дарить!
Привязалась тоска-зла кручинушка
К моему сердечку,
Я со той тоски-злой кручинушки
Пойду бедна гуляти,
Я гулять-то пойду, молодешенька,
Выйду в новы сени,
А из новых-то сеней, молодешенька, —
На красно крылечко.
Я опрусь-обопрусь, молодешенька,
Опрусь о перила,
Я залю-смочу мать сыру землю
Горькими слезами.
Посмотрю-погляжу, молодешенька,
Во чистое поле:
Ничим-ничего стало в чистом
Во поле не видно.
Только видно-то во тумане
Красно солнце с маревами,
Во раздолье-то видно —
Одна маленька бела березка.
Что под этой под березкой
Мы с милым дружком сидели,
Уж мы всё-то про все
Нонче говорили,
А одно тайно словечушко
Спросить позабыла,
А не позабыла —
Так спросить постыдилась.
Как подружечка к подружечке
В гости приходила,
Как подружечка подружечке
Речи говорила:
— Как у тебя-то, подружечка,
Горя нету,
А у меня-то, подружечка,
Горя много:
У милого-то дружка
Завтра рукобитье.
Я умоюсь, снаряжусь
Бедной сиротинкой,

Возьму на руки корзинку
И пойду к дружку на рукобיתье.
Еще мой-то миленький дружочек
Сидит за столами,
За персидскими скатертями,
За сахарными за яствами.
— Вы напоите-накормите
Эту сиротинку,
И чтоб век эта сиротинушка
Моего двора не знала!

182. ВО СЛЕЗАХ ПИСЬМА ПИСАЛА

Не сегодняшний день скука —
Пришла с миленьким разлука.
Разлучает нас неволя, что неволя да неохота,
Что неволя да неохота — славна Питерска дорога.
Я по этой по дороге много разичков бывала,
Много разичков бывала, много слез я проливала.
Во слезах письма писала, с кулиером отсылала,
С кулиером отсылала — кулиеры не доходят,
Кулиеры не доходят, мои письма не доносят.

183. ТЫ ВЕЛИШЬ ЛИ МНЕ, ЛЮБЕЗНЫЙ, БЕЛО ПРИУМЫТЬСЯ?

Знать, у моего милого три сада зеленых,
Во первом саду-садочке — пташка-канарейка,
Во втором саду-садочке — пташка-соловейка,
Во третьем саду-садочке — сизокрыла пташка.
Спишу пташкин голосочек на чистой листочек,
На тонкой-белой листочек — гербову бумажку.
Отошлю этот листочек в дальний городочек,
В Нижний дальний городочек ко милому дружку.
Прочитаешь, мил, узнаешь — мне-кова ответишь:
Ты велишь ли мне, любезный, бело приумыться,
Мне-ка бело приумыться, хорошо срядиться?
— Я велю-велю, любезна, бело приумыться,
Тебе бело приумыться, хорошо срядиться,
Не велю только, любезна, к соседу ходити:
У соседа во беседы все сидят холосты.

У холостых глаза востры, сами завиду́щи:
Холост ходит — глазом водит, из ума выводит;
Холост на ногу ступает — разума пытается.

184. УЖ ВЫ ВЕТРЫ МОИ, ВЕТЕРОЧКИ

Не за речкою девушки гуляли,
Не за быстрою счастьяца нет.
День от скуки сегодня провожала,
Веселого я вечера ждала,
Веселого денечка, дорогого —
В гости миленького ждала.
— В том я месте гулял-веселился,
Я любезную свою целовал.
Целовавши-то радость, миловавши,
Сударушечкой разичек назвал:
«Сударушечка, красная девица,
Скажи, любишь али нет».
— Я любить-то тебя не люблю,
И отказаться-то вовсе не могу,
Отказаться-то, радость, отозваться
Мне навеки, дружочек, от тебя.
Нашла девушка перышко гусино,
Лебединым-то строчку напишу,
Напишу-то я строчку на листочке,
Ветерочки выйду попрошу:
«Уж вы ветры мои, ветерочки,
Полуденные ветры-ветерки,
Вы сподуйте-ко, ветры-ветерочки,
Со полуденной со летней стороны,
Вы впустите-то, ветры-ветерочки,
В Казань-город, вольну сторону!»

185. НИ ПИСЬМА, НИ ГРАМОТКИ ОТ МОВО МИЛОГО

Что во поле-во поле шатрики стояли,
Стоят шатрики-шатры белы полотняны,
Стоят столики-столы новы дубовые,
На столах — столешенки новы кедровые,
На столешенках — скатерочки белы берчатые,

На скатерочках — чёрнилёнки свѣтлые хрустальны,
Во черниленках — чернила дороги заморски,
Во чернилах — перышки белы лебедины.
За столами сидят мѳлодцы мѳлоды удáлы,
Пишут письма-грамотки не отцу да матери,
Не отцу да матери — пишут красным девкам,
Пишут всем моим подружкам, а мне письма нету,
Ни письма, ни грамотки от мѳво мѳлѳго.

186. СКОЛЬКО ВЗДОХОВ Я ВЗДЫХАЛА

Вянет-сохнет в поле травка,
Вянет ныне без дождя:
Частый дождик не промочит —
Со востока ветерок.
Долго ждала-дожидала —
Жил-не мыслил обо мне.
Было времечко прекрасно,
Когда мил меня любил.
Ныне все переменилось —
Мил покинул-позабыл,
Мил покинул-позабыл,
Да мил другую полюбил.
Сколько вздохов я вздыхала —
Во слезах мил не видал,
Сколько писем я писала —
Милый письма не читал,
Милый письма не читал —
Во карманчик себе клал.
Не один мой друг виновен —
Все мужчины таковы:
Какова зимой береза,
Таковы и их сердца.
Я со горя, со кручины
Во темной ли лес пойду,
Во темной ли лес пойду —
Там окончу жизнь свою.
Все лебедушки по паре,
Только я в поле одна.

187. КАК ЗАДУМАЛ МОЯ РАДОСТЬ- ДРУГ ЖЕНИТЬСЯ

Возле, речки, возле моста трава рósла,
Трава росла шелковая-муравая.
Траву в три косы косила ради друга,
Ради друга, ради гостя дорогого,
Ради своего милóго, сердечнóго.
Сердечного слышит-чуёт мое сердце,
Мое сердце, мое сердце ретивóе:
Как задумал моя радость-друг жениться.
Друг простился, друг женился не на душе,
Не на душе, не на красной девице.

188. КОГО К ЛЮБУШКЕ ПОСЛАТЬ

Соловей, мой соловей,
Соловейко маленькой,
Не пой звонко, не пой громко,
Не грози ты молодцу!
Сударушка-девушка, жизнь хорошая моя,
Жизнь хорошая моя отдалела-отбыла,
Отдалела-отбыла за двенадцать городов,
За двенадцать, за тринадцать —
Жить во матушку Москву.
По Москве мальчик гулял,
Сам во скрипочку играл,
Сам во скрипочку играл,
Извозчиков нанимал.
Извозчиков не нашел —
Сам заплакал, прочь пошел,
Сам заплакал, прочь пошел,
Во царев кабак зашел,
Во царев кабак зашел —
Себе товарищей нашел.
— Ты, товарищ, дружок мой,
Сядь, подумаем со мной,
Сядь, подумаем со мной:
Кого к любушке послать.
Мне-ка старого послать —
Стар не дóйдет до двора,

Мне-ка малого послать —
Мал не знает, что сказать,
Мне-ка ровнюшку послать —
Ровня сам охоч гулять.

189. НАКАТИЛАСЬ ТУТ ДА ТУЧА ГРОЗНАЯ

Из-за лесу-то, лесу было темного,
Из-за саду-то, саду было зеленого,
Накатилась тут да туча грозная,
Да что вторая-то непроносная —
Со громами-то она да со гремучими,
Со молоньями-то да со палючими,
Со частым-то да мелким дождиком.
Во ту пору-то было, да во то времечко
Отъезжала-то было дочь от батюшки.
Поезжала-то она — не прощалася,
Среди-то пути-дорожечки остоялася.
Среди пути-дорожечки остоялася —
Со громами она думу думала,
Со громами-то она думу думала,
С молоньями да речи молвила,
С молоньями да речи молвила,
Со частым дождем совет советывала.

190. ТЫ ЗЛОДЕЙКА-ЛИХОДЕЙКА — ЧУЖА ДАЛЬНЯЯ СТОРОНА

Кабы волюшка девушке у батюшки была,
Не сидела б я во горенке одна,
Не чесала б свои русы волоса,
Не плела бы русу косу в три косма,
Не вплетала б алу ленту в три рубля,
Не лежала б белой грудью на окне,
Не ронила б горючи слезы за окно,
Не считала б каждую малу птичку на лету,
Не бранила б чужу дальнюю сторону:
— Ты злодейка-лиходейка — чужа дальняя сторона,
Разлучила с родом-племенем меня,
Во-вторых, ты разлучила с отцом-матерью меня,
А во-третьих, ты, лиходеюшка,
Разлучила с родимой стороной!

191. НЕВЕСЕЛАЯ ДА ЖИЗНЬ ТОСКЛИВАЯ!

Ой сторонушка да чужедальняя,
Чужедальняя да незнакомая,
Незнакомая да невеселая,
Невеселая да жизнь тоскливая!
Жизнь тоскливая — я стосковалася,
Стосковалася да сгоревалася —
Не по батюшке да не по матушке,
Не по Волге я да не по милой —
По милу дружку по Иванушку.

192. МОЛОДЦУ ДЕВКА НАКАЗЫВАЛА

Во саду было, во садике,
Во дубовой было рощице:
Красна девица коров доила,
Сквозь мочало молоко цедила,
Молоком-то молодца поила,
Молодцу девка наказывала,
Удалому наговаривала:
— Не женися, не женися, молодец,
Не женися, удалая голова!
Промежду ли нами так проживешь,
Промежду ли нами, девушками,
Промежду еще молодухами.
У моих-то у родителей
В камению сердце положено,
В океане-море спущено.
Это морюшко синенькое,
Житье девушкой красивенькое!
Это морюшко кругленькое,
Житье девушкой нетрудненькое.
Это море океанское,
Житье женкой окаянское!

193. Я САМА УПРАВИЛАСЬ

Когда маленька была,
Тогда с маменькой спала,
Да я повзросла поболе —

Полюбила молодца,
Полюбила молодца,
Из-за Питера купца.
Уж ты, купчик-купчинец,
Да ты не смейся надо мной,
Ты не смейся надо мной,
Над девчонкой молодой.
Не пой девицу водой,
Напой зеленым вином,
Напой зеленым вином,
Спроводи честно домой,
Спроводи честно домой,
До маменьки до родной,
До маменьки до родной,
До кровати тесовой,
До кровати тесовой,
До перины перовой,
До перины перовой,
До подушки пуховой,
До подушки пуховой,
До одеялышка.
Ко венцу меня везут
Да всё похваляют,
От венца меня везут
Да всё побранивают.
Еще свекор говорит:
— К нам медведицу везут!
Как свекровка говорит:
— Людоедицу везут!
Как деверья говорят:
— К нам не ткаху везут!
Как золовки говорят:
— К нам не пряху везут!
Как ведь свекор на печи,
Будто чѣрт на цепи,
А свекровка на полатах,
Как чертовка на канате.
Шесть недель прошло —
Говорить можно!
Уж я по полу пройду
Да свекра выругаю,
Свекра выругаю,
Свекровь выколочу.
На полатах муж лежит,

Сам-от искоса глядит.
Ах ты муж, ты муженек,
Не порато я боюсь,
Не порато я боюсь,
Да не побаиваюсь.
Муж с полатей соскочил,
С грядки плетку ухватил.
Я сама управилась:
За русы́ кудри брала,
За русы кудри брала,
Мужа к полу пригнела.
— Ты живи-ко, муж, потише,
Женке кланяйся пониже!

194. ЗА СТАРЫМ-ТО ОНА ЖИВЕТ МУЖЕМ

Ничим-то ничего про мою любезну
Ничего не слышно,
Только слышно про мою любимую:
Она вышла замуж,
Замуж вышла она не за ровню —
За старóго мужа.
За старым-то она живет мужем,
Она слезно плачет,
Слезно плачет-то она възрыдает —
Волю вспоминает.

195. ПОЛЕТЕЛА БЫ Я, БЕДНА, В ЗЕЛЕН САДИК

Уж ты воля моя привольная,
Перелетная птица-пташечка,
Куда вздумала бы я, туда и полетела,
Куда бы захотела, туда бы я и села,
Где бы солнышко меня, бедну, пригрело.
Полетела бы я, бедна, в зелен садик,
В зеленом саду я села бы на яблоню,
Я на самую бы села на вершинушку,
Я бы сбросила с себя да всю кручинушку.
Сорвала бы я тогда в саду цветочиков,
Положила бы их к ретиву сердцу́,
Помянула бы я волю привольную,
Все веселое свое житье девье!

196. НАХОДИТЬСЯ БЫ МИЛОМУ ЗА МНОЮ

Уж ты голубь, сизый воркуночек,
Не летай-ко к девушке в садочек,
Ты не пой-ко во садике песен:
Мне без песен, девушке, тошно,
Да тошно-тошно, никак невозможно.
Кабы мне-ка то, девке, прежняя воля,
Прежняя волюшка — легкие крылья,—
Поднялась бы я, девка, полетела,
Улетела бы я в чисто поле,
В чисто полюшко — на свою волю.
Находиться бы милому за мною,
Что за мною, за русою косою,
В косе лента, лента голубая,
Что другая-то ленточка алáя,
А что третья-то ленточка атласна.

197. НЕ МОЕ ЛИ ДИТЯТКО ВО САДИКЕ ПОЕТ?

Нонице черемушка да рано расцвела,
В эту пору мамушка меня родила,
Не собравши разума, замуж отдала,
Отдала, родимая, далече-далеко.
Провожала матушка до синя моря,
Спрашивала матушка, когда в гости ждать.
Осержусь на матушку на родимую,
Положу заветик я на три годика,
На четверто летико пташкой прилечу.
Сяду я во садике, песню запою,
Грушицу садовую тоской подсушу,
Яблоньку медовую слезой оболью.
В эту пору-времечко мамушка моя,
Мамушка родимая по сеничкам шла,
Идучи, родимая голос слышала:
— Не мое ли дитяtko во садике поет?
Если мое дитяtko — ты поди сюда.
Каково те, дитяtko, в чужой стороне?
— Хорошо, родимая, в чужой стороне:
Свекор-то мой батюшко — как родной отец,
Свекровка-то матушка — как родная мать,

А деверья-соколы — рѳдные братья,
А золовки-девушки — родны сестрицы,
Милая-то ладушка — лютая змея.

198. В РЕТИВЪМ СЕРДЦЕ ГОРЮЧА КРОВЬ КИПИТ

Не велят Дуне за реченьку ходить,
Не велят Дуне молодчика любить,
Что молодчика молоденького,
Душу Ваню чернобровенького.
Черна бровь, душа, не взглянешь на меня:
За тебя-то я побои приняла,
Я таки тяжки на спѳне вознесла.
Отчего-то, милой, головушка болит,
В ретивѳм сердцѳ горяча кровь кипит.
Я одна-то, бедна, по бережку похаживала,
Я серых-то гусей стадо соганивала,
Всем лебедушкам наговаривала:
— Кыш те, кыш те, серы, сѳ воды,
Кыш те, беленьки лебедушки!
Еще вы-то, гуси, наплавались,
Еще я-то, бедна, наплакалася.
Прожила-то я свое девье житье,
Нажила себе замужье немудро.
Во замужестве я трѳ года жила,
В эти три года три горя нажила:
Перво горе — вышла замуж молода,
Второ горе — за старѳго старика,
Третье горе — пала в сѳмью нелюба.
Не пускает стар на улицу гулять,
А и пустит — сам в окошечко глядит.

199. С ЭТОГО СО ГОРЮШКА ВО ЗЕЛЕН САД ПОШЛА

Лучше бы я, девушка, у батюшки жила,
С утра день до вечера улицу мела,
Мела-мела улицу, распахивала,
Распахала улицу — ко батюшке пошла.
Кофеюшку грѳшного с месяц не пила,
Сварила для милѳго — и то все пролила.
Это ли не горюшко, это ль не беда?!
С этого со горюшка во зелен сад пошла.

Сяду я, младешенька, под зеленый куст,
Выслушаю, девушка, что пташки поют.
Поют-поют пташечки, насвистывают:
С миленьким дружочком разлуку мне сулят.
Скука и разлука, чужа дальня сторона.
Чужа дальня сторонушка в безветерье сушит,
Зла-лиха свекровушка без винушки бранит.
Журит-бранит бедненьку, ругает завсегда.
Осержусь на батюшка, на матушку свою,
Три годочка-годика к дому не приду,
На четвертый годичек пташкой прилечу,
Родимого батюшка в море утоплю,
Родимую матушку к сосне привяжу,
Родимую сестрицу замуж выдаю,
Родимого брателка в солдаты отдаю,
Тогда я, младешенька, снова заживу.

200. КТО БЫ, КТО БЫ ЭТИ КЛЮЧИКИ НАШЕЛ

Ты шкатулка, шкатулка моя,
Ты шкатулка нова то́ченая,

Ты шкатулка нова точеная,
Серебряна, позолоченная!

Я давно в тебя не хаживала,
Цветны платьица не нашивала:

Потеряла трои золоты ключи
На атласной на ленточке.

Кто бы, кто бы эти ключики нашел,
За того бы я и взамуж пошла,

За того бы я и взамуж пошла,
Целовала-миловала бы его.

Целовала-миловала бы его,
Да свекровушка в окошечко глядит,

Да свекровушка в окошечко глядит,
Целоваться-миловаться не велит.

201. Я ЕДИНА ДОЧЬ У БАТЮШКИ РОСЛА

Уродилась красна девка хороша,
Да приучила к себе парня-молодца,

Да поранешенько по белому лицу,
Да по белу лицу, по черным по бровям.

Черны брови — развеселые глаза,
Русы кудри — накладные волоса.

Доведут кудри до самого конца —
Увезут дружка в солдаты, молодца.

Во солдатах жизнь не очень хороша:
Сухари-вода — солдатская еда.

Я едина дочь у батюшки росла,
Хороша я двадцать три года жила.

Хороша я двадцать три года жила,
В двадцать три года три горя нажила:

Перво горе — вышла взамуж молода,
Второ горе — пала в семью нелюба,

Третье горе — муж безумна голова,
Он не держится ни дому, ни меня,

Только держится чужой стороны,
Чужой стороны, чужой мужьей жены:

Чужа женка — что лебедка белая,
Своя женка — как цыганка черная.

202. В ЭТИХ ЛАВИЦАХ ДОРОГОЙ ТОВАР

По край реченьки, по край быстрой,
На крутой горе на высокой —
Тут хорош город разостроился,
Лучше Питера, краше Киева,
Лучше матушки каменнóй Москвы,
Лучше каменного строеньца.

Что не пыль в поле распыляется,
Не туман с моря поднимается, —
Еруслав-город загорается,
Стены каменны рассыпаются,
Одна лавица остается.

В этих лавицах дорогой товар,
Дорогой товар — скачетной жемчуг.
Тут ходил-гулял добрый молодец
По тому же мосту по каменну,
Он кричал-зычал громким голосом:

— Вы друзья ли мои, товарищи,
Еруславские побывальщики,
Пособите вы мне при бедности,
При великой моей скудности:
Отомкните вы эти лавицы!

В этих лавицах дорогой товар,
Дорогой товар — есть три ленточки:
Перва ленточка — во пятьсот рублей,
Втора ленточка — во шестьсот рублей,
Третьей ленточке — цены нет,

А цена-то ей — в каменной Москве.
Перва ленточка — молодой жене,
Втора ленточка — любимой сестре,
Третья ленточка — полюбовнице.

203. Я ОДНИМ-ТО ТОЛЬКО ЛИ СГУБИЛСЯ

Вниз-то по матушке было по Волге,
По широкой-то было славной, долгой,
Стоял новенький-новый теремочек
Со крутым-то новым да со крылечком,
Со косящетым да со окошком.
Что во этом-то теремочке
Спит-лежит-то душа-радость молодчик.
Он не сном-то ли, парень, засыпался,
Со хмелинушки парень просыпался.
Ото сну ли то парень разгулялся,
Ключевой водой умывался.
Полотёнышком белым утирался,
Частым гребнем-гребешком учесался.

Против зеркала парень сряжался,
Красотою своею да удивлялся:
— Красота ли моя, ты красотушка,
Красота ли моя молодецкая,
Красота ли да добра молодца!
Уж я всем-то да хорош, парень, родился,
Я одним-то только ли сгубился:
Молодешенек рано женился.
Уж я взял-то жену себе упрямую,
Я упрямую-то да непокорную:
Никуда-то ее да не дошлешь,
Хоть и дошлешь-то ее, она не дойдет,
Хоть и дойдет-то, да она не спросит,
Хоть и спросит-то, да мне не скажет,
Хоть и скажет-то она — неправду,
Поведат-то она неверно.

204. ГОД-ТО МНЕ КАЖЕТСЯ ЗА СВОЙ ГОРЬКИЙ ВЕК

Цвели в поле ягодки, да споблекли,
Любил парень девушку, да спокинул
На малое времечко — на денечек.
День-то мне кажется за неделю,
Неделя мне кажется за целый месяц,
Месяц-то мне кажется за полгода,
Полгода мне кажется за круглый год,
Год-то мне кажется за свой горький век.
Век жила я, горемыка, добрых ден не видела,
Жила в горе, во печали, во кручинушке большой.
Все прошло да миновалось, теперь взамуж я пошла,
Не во время замуж вышла — не за ровню за свою:
За мальчишка молодого — не в любви теперь живу.
На что было мне, девушке, взамуж выходить —
Легче было б красавице
Век свой девкой проводить.

205. ПОСОБИТЕ МНЕ ДУМУ ДУМАТИ

Молодость, ты моя молодость,
Молодость ты моя да молодецкая,
Молодецкая да безотецкая,

Безотецкая да безматерна!
Не запомню я, да когда ты прошла,
Когда ты прошла да прокатилася,
Пора-время да миновалось,
За единый час показалось.
Вы друзья ли мои да приятели,
Пособите мне думу думати,
Думу думати да мысль мыслити:
Мне жениться али холосту быть?
Мне женитьба пала неиздачная,
Молода жена пала не по разуму —
Ни продать-то ее, ни променять,
Ни названому брату подарить.
Уж как недруги все возрадовалися,
Неприятели все да надсмеялися.
Я на те бы деньги лучше коня б купил,
Я коня купил бы да лошадь добрую,
Я бы продал ее да променял,
Названому бы брату подарил.

206. ОДНОГО ТЕБЯ, МОЛОДЧИКА, ЛЮБЛЮ

Разбессовестна сударушка моя,
Во глаза-то говорит — все меня корит,
По заочью хочет жизнь мою решить.
Слышу-вижу — хошь едина полюбить.
— Я по истинной по правде говорю:
Одного тебя, молодчика, люблю,
Молодчика молоденького,
Иванушку чернобровенького.

207. ВСЕЙ СЕМЕЮШКЕ УЛАДИТЬ НЕ МОГУ

Рано-рано мамка цветик сорвала,
Молодую дочку взамуж отдала,

Молодую — на семнадцатом году, —
Всей семеюшке уладить не могу,

Всей семеюшке уладить не могу.
Вся семеюшка сердита на меня:

Меня дома-то жалели-берегли,
В чужих людях неработницей зовут,

Будто я, бедна, не рабливала,
Не молола, не колачивала,

На плече воды не нашивала,
Будто сена я не кашивала.

Прижила я себе сына-сокола,
Нажила я себе мужа-форсуна:

Со вечереньки со угрозочкой зовет,
Со веселой понюжалочкой стегат.

208. УЖ Я БИЛ ЖЕНУ, УЧИЛ

Из-под той белой березы
Речка протекала,
Не широка, не глубока,
А вода холодна.
Мне нельзя ту воду пить,
Нельзя почерпнути,
Мне нельзя жену бить,
Нельзя поучить.
Уж я бил жену, учил,
Сам плакал неделю.
Подсыхали слезны очи
Все четыре ночи.

209. НА МЕНЯ, МЛАДУ, ПЕЧАЛЬ-ГОРЕ НАШЛО

Уж вы кумушки-голубушки мои,
Пречестные офицерские вдовы,
Вы придите, посидите у меня!
На меня, младу, печаль-горе нашло,
Всю, сердешну, сухотой меня обняло:
Не за ровнюшку взамуж, бедна, пошла,
Не за ровню — за старóго старика,
За такого за дурацкого сына:
С дураками дурак знается,
С добрымí людьми не вяжется,
С добрыми людьми не вяжется,
С господами обхожденья не имеет.
На кабак идет — поправиться,

С кабака идет — шатается,
По черным грязям валяется,
Ко двору идет — ругается.
Разувать-разболокать мне-ка велит,
Часты пуговики расстегивать,
Часты пуговики брильянтовые,
Шелков пояс распоясывать,
Мое сердце не воротится:
У него ноги грязнешеньки,
Мои рученьки белешеньки,
Белы рученьки мараются,
Золоты перстни ломаются,
Золоты перстни ломаются,
Позолота с них теряется.

210. ДА Я ДОГАДЛИВА, МЛАДЕШЕНЬКА, БЫВАЛА

Вы раздайтесь-расступитесь, добры люди,
Вы на все ли на четыре на сторонки!
Да вздумал батюшко взамуж выдавати
Да за такого за детину, за невежу:
Да на кабак идет детина — скачет-гарчит,
Да с кабака идет невежа — воспеваает,
Да молодую свою жену вспоминает:
— Да еще где моя жена да молодая?
Да я догадлива, младешенька, бывала,
Да я скорешенько с постелюшки вставала,
Да я на плечики тулупчик одевала,
Да на головушку платочек завязала,
Да на босую ногу башмачки надевала,
Да я скорешенько по сеничкам бежала,
Да я скорей того ворота запирала,
Да я смелее со невежей говорила:
— Да ты ночуй, ночуй, невежа, за воротми,
Да тебе мягкая постель — белá пороша,
Да одеяло соболино — буйны ветры,
Да тебе крепки караулы — серы волки,
Да ты ночуй, ночуй, невежа, за воротми,
Да высокó тебе згололье — подворотня.
Да каково тебе, невежа, за воротми,
Да такового же мне, младенькой, за тобою,
Да за тобою, за беспутной головою!

211. ВЕРЕЯ ТЫ МОЯ, ВЕРЕЮШЕЧКА

Я вечер, млада, во пиру была,
Во пиру была, во беседушке —
Не у батюшки, не у матушки —
Я была, млада, у мила дружка,
У мила дружка у сердечного.
Я не чай-то пила, не кофей кушала —
Я пила, млада, да сладку водочку,
Сладку водочку, да все вишнебочку.
Я не рюмочкой пила, да не стакашками —
Я пила, млада, да из полуведра.
Из полуведра да через край до дна.
Напилась млада водки допьяна,
Молодешенька я, пьянешенька,
Чистым полем шла — не шаталася,
Черной грязью шла — не валялася,
Ко двору пришла — пошатилася,
За вереюшку ухватилася:
— Верея ты моя, вереюшечка,
Поддержи меня, бабу пьяную,
Бабу пьяную, нетверезую,
Чтоб не видел меня свекор-батюшко,
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу,
Мой-ёт муж-то да горький пьяница,
Он вина-то не пьет, да с воды пьян живет,
С воды пьян живет, с квасу бесится,
Надо мною, над молодой, издевается.

212. ХУДО МОЖЕТСЯ — ГУЛЯТЬ ХОЧЕТСЯ

Голова болит — худо можется,
Худо можется — гулять хочется,
Ай, люли-люли, гулять хочется*.
Я украдуся, нагуляюся,
Со милым дружком да нацелуюся!
— Научи, милой, как домой придти,
Как домой придти да как во двор зайти

* Припев: «Ай люли-люли» повторяется после каждых двух строк с включением второй половины стиха.

Ко мужу моему, ко строгому?
— Поди, милая, поди, хорошая,
Поди, умная, поди, разумная,
Поди, тихая, поди, смиренная,
По чисту полю да горностаюшком,
По кустышкам серым заюшком,
По улочке серой утицей,
По двору пройди белой лебедью,
По лесенкам красной девицей,
По сеничкам да молодой вдовой,
Во горенку да молодой женой.
Я домой пошла, да я во двор зашла,
По сеням-то шла молодой вдовой,
Во горницу зашла молодой женой.
Постылый муж да за столом сидит,
За столом сидит да хлеба кушает,
Хлеба кушает да лебедь рушает.
— Как, постылый муж, тебе хлеб да соли!
— Проходи, жена моя милая,
Моя милая, ты постылая,
Хлеба кушати да лебедь рушати.
Муж по лавочке да подвигается,
Ко шелковой плетке да подбирается.
Куда плеть хлестнет — тут и кровь брызнет.
Свекор-батюшка велит пуще бить,
Свекровь-матушка велит кровь добыть.
Я на том млада зла-упрямая:
Лавки вымыла да во шти вылила,
Полы вымыла да в квашню вылила.

213. СХОРОНИ МЕНЯ, ЛЮБЕЗНА

Я ходила, все гуляла
По высоким по горам,
Уж я рыла, все копала
Зло коренье из земли,
Я молола зло коренье
Мелко-намелко его,
Уж я мыла зло коренье
Чисто-начисто его.
Я сушила зло коренье
Сухо-насухо его,

Я морила зло коренье
Крепко-накрепко его.
Заморивши зло коренье,
Дружка в гости созвала,
Напоивши, накормивши,
Стала спрашивать его:
— Каково тебе, любезный,
Каково на животе?
— У меня-то на сердечке
Будто камушек лежит.
Догадавши-распознавши,
Ты сумела угостить.
Ты не спрашивай меня,
А сумей и схоронить.
Схорони меня, любезна,
Между трех больших дорог:
Между Питерской, Московской,
Третьей — Киевской большой.
Ко резвým ногам поставьте
Коня добра моего,
В белы руки положите
Востру сабельку мою,
На сердечко накатите
Серый камень вы ко мне.

214. НОВЫЙ УЖИЩЕ НЕ СОРВЕТСЯ

Старому мужу ужище совью,
Милому в окошко конец подаю:

Уж ты, миленький, тяни,
Душа-радость, подтяни!

Новой ужище не сорвется,
У старого мужа шея не отóрвется.

Старый муж захрапел,
Будто спать захотел,

Старый выпучил глаза,
Да будто сердится,

Старый вытянул язык,
Да будто дразнится.

215. КАК СО МУЖЕМ ЖЕНА НЕ В ЛАДУ ЖИЛА

Зимушка-зима, зима морозлива,
Не морозь-ко, зима, добра молодца!
Как со мужем жена не в ладу жила,
Не в ладу она жила — мужа извела:
В зеленом саду мужа повесила.
Мужа повесила, сама домой пошла,
Ко двору села, слезно заплакала,
Проклинала жизнь, что без мужа жить:
— Что со мужем-то жена — дома госпожа,
А без мужа жена — кругла сирота.
Пойду в зелен сад гулять —
Стану мужа звать:
— Пойдем, муж, домой,
Пойдем, голубчик мой!
В зеленом саду ты принагулялся,
Птичек-пташечек да принаслушался,
Сладких яблочек да принакушался!

216. ЕЩЕ ЗЛОЕ-ТО ЗЛО-НЕСЧАСТЬЕ СОСТОЯЛОСЯ

На заре-то было на ранней утренней,
На восходе-то было солнца красного,
На закате-то светла месяца
Высоко-то звезда, братцы, восходила:
Выше-то лесу, выше темного,
Выше садичка зелененького,
Выше всякого дерева жаравого,
Жаравого дерева, соснового,
Выше матушки, зеленой дубравушки.
Еще злое-то зло-несчастье состоялось,
Безвременнице, братцы, повстречалось:
Как жена-то мужа да в сад звала,
Во саду-то жена мужа потешила,
Острым ножичком его зарезала,
После тех пор в темный погреб бросила,
Сама прочь пошла, слезно заплакала:
— Уж ты муж, ты мой муж, ты кормилец мой,
Муж-кормилец мой, да ты пойдем домой!

217. СОЛУЧИЛАСЯ БЕДА-НЕСЧАСТЬИЦЕ

Что во городе было во Саратове,
У купца ли было у богатого,
У крестьянина было у хорошего.
Солучилася беда-несчастьице,
Что великое безвременьице:
Что жена-то мужа потёшила,
Потешить-то она не потешила —
Вострым ножичком взяла зарезала,
Не простым-то ножом — булатным.
На булате-то сердце выняла —
На булате-то сердце вострепелулося,
Женка-дура усмехнулася,
Женка-дура усмехнулася,
Во глубокой-то погреб бросила,
Погребной-то доской она прихлопнула,
Правой ноженькой ее притопнула,
Правой рученькой она примáхнула.
Пошла в садик она разгулятися,
Со милым-то дружкой повидатися.
Как навстречу-то идут братьица:
— Ты сноха ли наша, молодушка,
Еще где-то наш родной брателко?
— Ваш-то брателко ушел на промысел,
Он за утками, он за гúсями,
За свежей он рыбой, за трепущею.

218. ИСТОПИЛА ЛУША БАНЮ

Истопи-ко, Луша, баню
Перелетными дровами,
Не чадну и не дымну,
Не жарку и не парку.
Истопила Луша баню
Перелетными дровами,
Не чадну и не дымну,
Не жарку и не парку.
Луша стала посылати:
— Ты поди, Ондрей, в баню,
Я схожу к сестре Марфе.
Пришла к сестре Марфе.

— Прости, сестра Марфа,
Приди к нашей бане,
Послушай наши басни.
Пришла сестра Марфа
Послушать их басни.
Отворила Марфа двери:
На пороге — голова,
Под порогом — кровяница,
На полке-то — бело тело,
Под полком-то — русы косы,
На порожке — ручки-ножки.
Говорит сестра Ондрею:
— Ты убил сестру Лукерью,
Ты возьмешь к... Матрену!

219. Я ОТ ГОРЮШКА БЕГОМ

— Горе, горе, где живешь?
— В кабаке за бочкой.

Во царевом кабаке
С половиночкой в руке.

— Горе, горе, что жуешь?
— Сухари с водичкой.

Я от горюшка бегом,
Бежит горе передом.

Я от горя в сине море,
Горе в лодочке гребет.

Я от горя в горницу,
Горе сквозь околицу.

Я от горя в темный лес,
Горе в пазуху залез.

Куда бы ни совался,
За все оно хваталось.

220. ВСПОМЯНУ Я МОЛОДОСТЬ ТОСКОЮ-КРУЧИНОЮ

Молодость ты, молодость, премладая молодость!
Уж я чем тебя, молодость, при старости вспомяну?
При старости вспомяну, при младости воздохну?
Вспомяну я молодость тоскою-кручиною,
Тоскою-кручиною, печалью великою.

221. НЕ УПОМНИЛА, МОЛОДОСТЬ, КОГДА ТЫ ПРОШЛА

Уж ты молодость, ты наша молодецкая,
Уж ты долюшка наша безотецкая!
Не упомянула, молодость, когда ты прошла.
Не в пирах прошла да не в беседах,
Не в гульбах прошла да не в прохладах:
Во путях прошла да во дорогах,
Во слезах прошла да во горячих.

ХОРОВОДНЫЕ

222. ЦАРЬ ЦАРЕВНУ ЗАМЕЧАЕТ

По загороду царь гуляет.
Царь царевну замечает.
Царь, царев сын*.
На ней ситцевое платье,
На головушке платочек,

На головушке платочек,
Словно аленький цветочек.

— Отпирайтесь, ворота,
Отпирайтесь, широки!

Выступай, душа царевна,
Своей правою ногою.

Выступат душа царевна
Своей правою ногою.

— Вы беритесь руками,
Подходите вы поближе.

Подходите вы поближе,
Уж вы кланяйтесь пониже.

Уж вы кланяйтесь пониже,
Вы целуйтесь милее!

* Припев: «Царь, царев сын» — после каждого двустихия повторяется дважды.

223. ВЕРБУ ВЕТЕР НЕ БЕРЕТ

Не расти, верба, на ржи,
Расти, верба, на межи!

Вербу ветер не берет,
Канарейка не поет.

Канарейка-пташица,
Соловейный Васица.

Вася по́ терему ходит,
Под гребеночкой коса,

Под гребеночкой коса,
Под помадой волоса,

При жилетке, при часах,
При козловых сапогах.

Сапоги козловые,
Из Москвы везеные.

224. ЗАПЛЕТАЙСЯ, ПЛЕТЕНЬ

Тут ходила-гуляла
Молодая боярыня,

Заплетайся, плетень,
Завивайся, плетень,
Ты завейся, труба золота,
Завернися, камка хрущатá!*

За собой она водила
Своих малых деточек

— Утопила малых деточек
Я во меде, во патоке,

* Этот припев после каждого двустишия.

Я во меде, во патоке,
Я во ястве во сахарном,

Я во ястве во сахарном,
Во питье во стоялом!

Песня поется, повторяясь, до тех пор, пока все участники игры «завьются в плетень»: взявшись за руки, парни и девушки ходят, образуя спираль. Затем «плетень» раскручивается под ту же самую песню, но уже с другим припевом:

Расплетайся, плетень,
Развивайся, плетень,
Ты развейся, труба золота,
Развернися, камка хрущата!

225. ВСТАВАЙ, ПАВА, РАНО

Пава наша, павушка,
Пава — белая лебедушка,
Пава — белая лебедушка,
Пава — сизая голубушка!
Вставай, пава, рано,
Чеши буйну главу,
Плети русу косу,
Вплетай ленту алу,
Мойся беленько,
Ходи хорошенько!
Ай, у нашей павы,
Ай, у молодой
Перышки сизые,
Крылышки златые.
Куда захотела,
Тут и полетела.
Кому поклонилась,
Тому покорила.

226. КТО У НАС ПРИГОЖОЙ?

Кто у нас хорошей?
Кто у нас пригожей?

Есть у нас хорошей,
Есть у нас пригожей:

По горенкам ходит,
Манежно ступает,

Сапог не ломает,
Чулок не мараёт —

Сапог-от козловой,
Чулок-от шелковой.

На конюшен двор выходит,
Копичка выводит,

Он коня-то ведь седлаёт,
Конь под ним играет.

На коня-то он садился —
Конь-от взвеселился.

Он коня-то плеткой машет —
Конь-от под ним пляшет.

Со двора съезжает —
Мамонька провожает.

Ко двору приезжает —
Сестрица встречает,

Его сестрица встречает,
Коня убирает.

227. МЫ КАПУСТЫШКУ ПОЛОЛИ

Мы капустышку пололи,
Приговаривали:

Ай люли, ай люли, приговаривали!*

Кому надобна капуста —
Приходите покупать.

* Припев: «Ай люли, ай люли» — после каждого двустишия с повторением второго стиха.

Приходите покупать —
Будем сходно отдавать.

Отворил парень ворота,
Зашел к девке в огород,

Зашел к девке в огород,
Честь-почтенье воздает,

Честь-почтенье воздает
Да низко кланяется.

— Тебе бог на помочь, девушка,
Капустышку полоть!

Он капусты не купил,
Да красну девку полюбил.

Сам капусту не торгует —
Красну девицу целует.

На улице свет-заря —
Пошел милый со двора.

За окошком белый свет —
Пошла девица во след.

*В хоровод заходит другая пара.
Песня начинается сначала.*

228. УТКА ШЛА ПО БЕРЕЖКУ

Утка шла по бережку,
Сиза шла по крутому,
Деток вела за собою.

Выскочили два волчонка,
Выхватили по детенку.

— Кабы быстра река —
Потонула бы я.

Кабы вострый нож —
Я б зарезалась.

Кабы рюмочка винца —
Захлебнулась бы я.

Кабы кус калача —
Задавилась бы я.

Кабы алая лента —
Повесилась.

Кабы широки ворота —
Я бы вылетела.

229. ОТКУЛЬ ВЗЯЛСЯ, ОТКУЛЬ ВЗЯЛСЯ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ

Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему*,
По синему,
По синему, по Волынскому
Плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Как с малыми,
Как с малыми со ребятами.
Плывши, лебедь,
Плывши, лебедь не встрепехнется.
Под ней вода,
Под ней вода не всколыбнется.
Плывши, лебедь,
Плывши, лебедь встрепехнулась.
Под ней вода,
Под ней вода всколыхнулась.
Плывши, лебедь,
Плывши, лебедь вышла на́ берег.
Щиплет перья,
Щиплет перья лебединые,
Спускают перья,
Спускают перья по чисту полю,
Мелко́й-ёт пух,
Мелкой пушок — во подушечку,
Милу дружку,
Милу дружку во зголовьице.

* Каждая вторая строка повторяется два раза.

Откуль взялся,
Откуль взялся добрый молодец,
— Бог на помочь!
Бог на помочь! — красной девице дарит.
Ему девка,
Ему девка ответа не дает.
— Молчи, девка!
Молчи, девка, молчи, красная!
Будешь, девка,
Будешь, девка, во моих белых руках,
Будешь сто́ять,
Будешь стоять у кровати тесово́й,
Будешь, девка,
Будешь, девка, жизнь пеняться,
Будешь, девка,
Будешь, девка, извиняться!

230. ПОШЕЛ-ПОШЕЛ МОЛОДЕЦ К ДЕВКАМ НА БЕСЕДУ

Вдоль было по травоньке, вдоль по муравоньке.
Ай любо-люшеньки, вдоль по муравоньке!*

Тут ходит-гуляет удалой молодчик.
Пошел-пошел молодец к девкам на беседу.
Девки на беседе парня невзлюбили:
Пуховую шапочку с головы метали,
Русы кудерышки ему растрепали,
Шелковый платочек от шеи отвязали,
Белую рубашечку девки изорвали,
Светлые пуговицы девки расстегнули,
Черную сибирочку грязью заметали,
Сапожки козловые в грязь стоптали.
Пошел-пошел молодец к матери родимой.
— Не спасибо, маменька, на свет породила,
Не добро, не щегольно меня снарядила!
Девки на беседе меня невзлюбили:
Пуховую шапочку с головы метали,
Русые кудерышки девки растрепали,
Шелковый платочек от шеи отвязали,
Белую рубашечку девки изорвали,

* Припев: «Ай любо-люшеньки» — после каждой строки с повторением второй части стиха.

Светлые пуговики девки расстегнули,
Сапожки козловые в грязь стоптали.

Снова пошел молодец к девкам на беседу.
Девки на беседе парня полюбили:
Русые кудерышки ему причесали,
Пуховую шапочку ему одевали,
Шелковый платочек к шее привязали,
Белую рубашечку ему зашивали,
Светлые пуговики ему застегнули,
Черную сибирочку ему опахали,
Сапожки козловые ему очищали.
Пошел-пошел молодец к матери родимой.
— Вот спасибо, маменька, на свет спородила,
На беседу, маменька, щегольно срядила:
На беседе, маменька, меня полюбили:
Русые кудерышки девки причесали,
Пуховую шапочку девки одевали,
Шелковый платочек мне к шее привязали,
Белую рубашечку они зашивали,
Светлые пуговики они застегали,
Черную сибирочку они опахали,
Сапожки козловые они очищали.

231. ПРИОДЕЖЬТЕ-КО ОЛЕНЯ, ЛЮЛИ-ЛЮЛИ

Из-за кустышка олень, люли-люли,
Из ракитова белóй, люли-люли,
— Не озяб ли ты, олень, люли-люли,
Не озяб ли, молодой, люли-люли?
Приодежьте-ко оленя, люли-люли,
Призакиньте молодого, люли-люли:
С молодца — епанча, люли-люли,
С молодницы — рукавица, люли-люли,
С красной девушки — платок, люли-люли,
Со молодухи — венок, люли-люли!

232. ЛЮШЕНЬКИ ДА ЛЮБЛЮ МОЛОДЦА

Люшеньки да все во горнице,
Люшеньки да все во светлице,
Люшеньки да столы стоят,
Люшеньки да дубовые,

Люшеньки да за столом сидит
Люшеньки да красна девица,
Люшеньки да перед ней стоят
Люшеньки да все три молодца,
Люшеньки да все хорошие,
Люшеньки да из речей девка
Люшеньки да выговаривала,
Люшеньки да из речей девка
Люшеньки да вышибалася:
— Люшеньки да люблю молодца,
Люшеньки еще Ивановича.
Люшеньки да я за то его люблю:
Люшеньки сарафан сулил купить,
Люшеньки новый, алый, голубой,
Люшеньки часты пуговики литы,
Люшеньки да петелюшки золоты.
Люшеньки да у нас-то Иван
Люшеньки из Нова-города.
Люшеньки да он везет мне-ка корзинку
Люшеньки да баску-новенькую.
Люшеньки да во той ли во корзинке
Люшеньки да золото кольцо,
Люшеньки да либо зеркальцо.
Люшеньки да подарить кольцо
Люшеньки да все-то Марьюшке,
Люшеньки да подарить золотó
Люшеньки да свет Андреевны.

233. ЧТО ЖЕ ТЫ, ИВУШКА, НЕВЕСЕЛО СТОИШЬ?

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что же ты, ивушка, невесело стоишь?
Али тебя, ивушка, солнышко печет,
Солнышко печет, частым дождичком сечет?
Что ты, красна девушка, невесело сидишь,
Невесело сидишь, ничего не говоришь?
Ехали бояра из Нова-города,
Срубили они ивушку под самый корешок,
Сделали из ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку.
Сели они в лодочку, поехали домой,
Взяли-подхватили красну девушку с собой.

234. Я САМА ГУСЕЙ КОРМИЛА

Со травченки
Да со муравченки,
Со осотинки
Да со болотинки,
Со Дуная со реки
Да со ключевой воды
Плывут гуси,
Плывут серые.
Я сама гусей кормила,
Во всю осень берегла,
Берегла-стерегла,
Ухоранивала
От лютого зверища,
От серого волчища.
Вот пришел, вот пришел,
Вот увел, увел, увел!
Больше негде взять —
Не могла дозвать:
— Кыш, гуси мои, домой!
Кыш, серые, домой!

ИГРОВЫЕ

235. СПРОСИТ МИЛЫЙ-ОТ МЕНЯ

Скочил козел в огород,
Ай люли, в огород*,
Стоптал луку-чесноку.
Шла девица из саду,
Брала козла за рога.
— На базар козла сведу,
Променяю на товар:
На белила белые.
На румяна алые.
Набелюсь я добела,
Нарумянюсь до ала.
Спросит милый-от меня:
— Ты, сударыня моя,
Отчего же столь бела?
— Сударь, мучку сеяла —
Копотица насела.
Спросит милой-от меня:
— Ты, сударыня моя,
Отчего же столь ала?
— Сударь, печку топила,
Жаром лицо запекло.
Спросит милой-от меня:
— Ты сударыня моя,
Отчего же бровь черна?
— Сударь, сажу пахала,
Очи-лико задела.

* Припев: «Ай люли» — после каждой строки с повторением второй части стиха.

236. ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

Посеяли девки лен*,
Посеяли удалы.
Во зéленом во саду
Повадился во лесок
Молоденький паренек,
Со льну цвёты сорывал,
В Дунай-речку побросал.
Дунай-речка не примат,
Ко бережку прижимат,
Ко бережку, ко яркú,
Ко желтому ко песку,
Ко серому камешку.
Во сером камне огня нет —
В своей женке правды нет.

237. ЧЕРНЕЧОК ТЫ МОЙ МОЛОДОЙ!

На улице — диво:
Чернец варил пиво,
Чернечок ты мой молодой!**

Я пиво сливала,
Меня разнимало.

Бросилась хмелинка
Во ручки, во ножки,

Из ручек, из ножек —
Во буйну головку,

Из буйной головки —
Во ретиво сердце.

* Каждая строка повторяется дважды, после чего следует припев:

Кому дело, что за дело —
Говори, что девки лен.
Или:
То ли, сё ли, ну ли, что ли —
Говори, что паренек.

** Припев: «Чернечок ты мой молодой!» — после каждого двустишия.

Нельзя мне встряхнуться,
Нельзя взворохнуться.

Я пойду встряхнуса,
Пойду взворохнуса,

Ровни поклонюся,
Милым назовуся.

238. НА КОНЕ СИДЕЛ УДАЛЫЙ МОЛОДЕЦ

Как по бережку коничек бежал,
По крутому — сизой-вороной.
На коне сидел удалый молодец.
Он плеткой помахивает,
Да стремями пошевеливает,
Ко двору приворачивает:
Он — ко терему ко батюшкову,
Он — ко красному ко матушкину,
Ко окну красной девицы-души,
Свет по имени — Марьюшки,
По отчеству — Васильевны.

239. УЖ Я СТАНУ МОЛОДУ ЖЕНУ ДАРИТИ

Я поеду во Китай-город гуляти,
Молодой жене попку покупати.
Закуплю я молодой жене попку —
Самолучшую шелковую юбку.
Уж я стану молоду жену дарити:
— Принимай, молода жена, не чванься,
Душа-сердце мое, да не ломайся!
Молода жена подарок не примаает:
— Посмотрите-ко, добрые люди,
Как жена меня, молодца, не любит,
Как меня молодая ненавидит.
Я поеду во Китай-город гуляти,
Молодой жене обновку закупати.
Закуплю молодой жене обновку —
Самолучшую шелковую плетку.
Уж я стану молоду жену учити:
— Принимай-ко, жена моя, не чванься,

Душа-сердце мое, да не ломайся!..
Посмотрите-ко, добрые люди,
Как жена молода меня любит,
Душа-сердце мое приголубит,
Во уста меня да целует.

240. МОЛОДОЙ ДОНСКОЙ КАЗАК ВО ЛУЖКАХ ГУЛЯЕТ

Молодой донской казак во лужках гуляет,
Во лужках гуляет, во скрипку играет,
Во скрипку играет, девок утешает.
А я своего негодяя к дубу привязала,
Сама ходила-гуляла ровно семь денечков,
На восьмой-ёт я денечек к дубу приходила.
Приходила к дубу близко, кланялася низко,
Сама кланялася низко — речи говорила:
— Каково тебе, негодный, у дуба стояти,
Тебе у дуба стояти, пир пировати?
— Государыня-жена, мне тут не до пиру:
Земляные червоточки ножки источают,
Летучие комарочки плечи проедают,
Свистучие соловьюшки голову клевают.
— Ну, а будешь ли, негодный, женой меня звати?
— Государыня-жена, буду — госпожею.
— Еще будешь ли, негодный, хлебом-то кормити?
— Государыня-жена, буду — кренделями.
— Еще будешь ли, негодный, чаем-то поити?
— Государыня-жена, буду — кофеями.
— Еще будешь ли, негодный, гулять-то пускати?
— Государыня-жена, гуляй сколько хочешь,
Уж ты гуляй сколько хочешь, люби кого знаешь.
Подходила к дубу близко, кланялася низко,
Много соли присолила — червеёв кормила,
Я скорешенько бежала — комаров спала,
Я еще скорей бежала — соловьев сгоняла,
И своёго негодяя от дуба отвязала,
Я от дуба отвязала — все я с ним гуляла.

241. КОМУ ГУСЛЯМИ ИГРАТЬ

Не пила бы я, не ела,
Все на милого глядела,
Не дремала, не спала —

В гости милого ждала.
Едет-едет мой милый
Не дорогой — стороной,
С ведрами, с ушатами,
С новыми-дубовыми.
Ведра брошу под горю,
Коромысла — на гору.
Коромысла — на гору,
Сама сяду на траву.
Сама сяду, сама лягу,
Раскинусь я яблонью,
Яблоней кудрявою.
Рощицей зеленою.
Из-под этой рощицы
Протекала реченька,
Протекала тут река,
Неширока-глубока,
Бережиста — быстрая,
Тиха — заводистая.
Что по этой по реки
Собирались мужики,
Собирались-соезжались
Семидесять городов.
Они ссекли рощицу
На звончаты гуслицы:
Кому гуслиями играть,
Кому под гусли танцевать.

242. В ЛЕС ПО ДРОВЦА ПОШЛА

Погодушка-погода
Закрутила-замела,
Закрутила-замела
Все дорожки и лужки,
Все дорожки и лужки,
Круты-славны бережки.
Нельзя к милому идти,
Нельзя свидеться,
Нельзя свидеться,
Поздороваться.
В лес по дровца пошла —
С милым свиделася,
На ключ по воду пошла —
Поздоровалася!

— Здравствуй, миленькой!
В гости гости,
В гости гости —
Подальше садись:
Нынешни люди
Догадливые,
Догадливые,
Переводливые —
Сомутят-сомутят,
Со миленьким разлучат.

243. ЧТО ВО ЭТОМ ТЕРЕМОЧКЕ?

Что на горке, на пригорке,
На прекрасеньком местечке —
Тут стояла деревнюшка,
Деревнюшка небольшая,
Небольшая — три дворочка.
Да четвертый теремочек.
Что во этом теремочке?
Тут жила вдова-солдатка,
Что у той вдовы-солдатки
Было три гуся, три утки,
Было три гуся, три утки—
Было три сына, три дочки:
Перва — Саша, друга — Маша,
Третья — душечка Катюша.
Третья — душечка Катюша.
У Катюши — друг Ванюша,
Он поча́сту в гости ходит,
Он помногу денег носит:
Когда — рубль, когда полтину,
Когда — синюю бумажку,
Когда — синюю бумажку,
Когда ситцу на рубашку.

244. КРАСОТА НЕОЦЕНЕННАЯ ТВОЯ

Красна девица садочком шла,
Раскрасавица — зелененьким,
На ней платье алешенько,
У ней брови чернешеньки,
Во правой руке — розовый цветок,

Во левой руке — немецкий веерок.
Девка весром помахивает,
На ней молодец поглядывает,
Со девицей разговаривает:
— Уж ты, лестна-прелестна моя,
Красота неоцененная твоя:
Уж я сколько бесед испрошел,
Лучше-краше тебя я не нашел.
Хоть и лучше и краше тебя есть,
На моем сердце желанной такой нет.
По тебе ли, моя любушка,
Душа-красная девица!

245. ПО РОСЫ МИЛОЙ ИДЕТ

Катя маленькая,
Катя крохтенная,
Катя крохтенная,
Гулять охоченькая.
Пойди, Катя, в горенку,
Топни правой ноженькой.
— Я радым-рада идти,
Рада ножкой топнути —
Боюсь батюшка,
Родимой матушки,
Я скажу, что не смогу,
Платом голову свяжу,
Платом голову свяжу,
По горенке похожу,
По горенке похожу,
В окошечко погляжу,
В окошечко погляжу,
Все про улицу скажу.
На улице-улице
Во дворе метелица,
Не метелица метет —
Холодная роса бьет.
Холодная роса бьет,
По росы милой идет,
По росы милой идет,
Хоровод девок ведет.

246. Я У БАТЮШКИ СПРОШУСЬ

Не в саду девки гуляли —
В хороводе на лужку.

Девки песенку запели,
Милой с жалостью внимал.

Речь забавну говорил,
Речь забавну, таку важну:

— Сделай милость такова —
Выйди замуж за меня.

— Рада б, рада выйти замуж —
У мня батюшко грозен.

Я у батюшки спрошусь,
Я матушки доложусь.

Если батюшко дозволит,
Я матушки не боюсь.

247. ВЫШЛА ЛАПУШКА МОЯ

Шла я ельничком,
Шла березничком.
Идет парень молодой,
Несет гусли под полой.
Струна струне говорит,
Красных девушек манит:
— Пойдем, девки, к нам,
И молодки к нам,
А вы, старые старушки,
Ко всем чертям!
Парень на ногу ступает,
Ума-разума пытается:
— Поцелуй разов до ста,
Будет деревня не пуста!
Как деревня от деревни
Неподálече стоит,
Окол Тiтовой деревни

Течет Ялужка-река.
Я-то улицею —
Серой утицею.
Как по темным-то лесам
Черным соболем пройду,
По высоким-то горам —
Перепелышкою,
Через Ялужку-реку —
Свежей рыбицею,
А дорожкой — пешком
С милым дружкой.
Вышла лапушка моя,
Вышла встретила меня,
Мне гостинец принесла,
Гостинец дорогой —
С руки перстень золотой.

248. НА УЛИЦЕ ТРИ МОЛОДЦА

Зелено вино в кармашке,
В сахарной бумажке.
Зелено вино пьют,
Сахар — на закуску.
На улице три молóдца
Совет советали,
Совет советали,
Жеребий метали:
Кому деньги, кому платье,
Кому красна девка.
Доставались деньги Гришке,
Цветно платье — Мишке,
Удалому-холостому,
Ему — красна девка.

249. ВЫ ИГРАЙТЕ, ГУСЛИ-МЫСЛИ

По морю корабличек
Бежал-таки, бежал.

По корабличку детинушка
Гулял-таки, гулял.

В звончаты гусли детинушка
Играл-таки, играл.

— Вы играйте, гусли-мысли,
Вы таперича при мне,

Вы таперича при мне,
При Василье-молодце!

У детины мать родима
Таки речи говорила:

— Полно, парень, перестань,
Прочь от девушки отстань!

— Родимая моя мать,
Тебе меня не унять,

Тебе меня не унять
За быстру реку гулять,

За быстру реку гулять
Да у вдовушки побывать.

У вдовушки есть дочушка —
Не любить, так ей любить:

Брови черны, соболины,
Очи ясны, соколины,

А походочка павина,
Тиха речь лебедина,

Она ходит-выступает,
Речи бает-рассыпает.

250. КОМУ-КОМУ Я ДОСТАНУСЯ?

В саду была, в саду была,
В саду была, гуляла*.

Венки вила, венки вила,
Венки вила-совивала.

* Каждая вторая строка повторяется два раза.

Сама себе, сама себе,
Сама себе дивовала:

Кому же я, кому же я,
Кому-кому я достануся?

Достануся, достануся,
Достанусь я милому,

Достанусь я милому,
Достанусь хорошему.

Еще ягодке, еще ягодке —
Ягодки наливные.

Жемчужинке, жемчужинке —
Жемчужочку скачетну.

Еще как будет, еще как будет
Про милого стлать постелю.

Еще в три ряда, еще в три ряда,
Еще в три ряда перина.

Во четвертый ряд, во четвертый ряд,
Во четвертый ряд пухова.

Еще спи, милой, еще спи, милой,
Спи, милой, мой дорогой!

251. КУДА, СИЗОЙ, ПОЛЕТЕЛ?

Береза белая, белая
Среди поля стояла, стояла,
Она листьями шумела, шумела,
Золотым звоночком звенела, звенела,
— Куда, голубь, полетел,
Куда, сизой, полетел?
— Я ко девице, ко красавице,
Коя лучше всех, коя вежливее:
Без белил она бела,
Без румян хороша —
То невеста моя,
Поцелую я тебя.

252. ЗАМАНЯЕТ ПАРЕНЬ ДЕВКУ

Еще кум-от идет лугом,
Кума — огородом,

Еще кум-от машет шапкой,
Кума — алым платком.

Заманяет парень девку
В лес он за малиной.

— Подпряги, парень, карету —
Сяду я, поеду,

Чтобы гужом не скрипела,
Мостом не гремела.

Отец с матерью не знали,
Суседушки спали.

Как суседушки узнали —
Матери сказали,

Отцу-матери сказали —
Про любовь узнали.

253. Я ЗАБОТУШКУ ИМЕЛА

Я вечор, красна девѣца,
Тяжко согрешила:
Молодого детинушку
Парня полюбила.
Я детину любить стала —
Заботу имела,
Я заботушку имела —
Ввечеру сидела,
Ввечеру долго сидела,
Кровать убирала,
Кровать нову убирала,
Перинушку стлала.
Я перинушку постлала,
Зголовьице клала,
Соболино одеяло
В ножках истоптала.

254. ВЫ, ГУДОЧКИ, НЕ ГУДИТЕ

— **Т**ы молодка молодая,
Ты луговка луговая,

Где ты б́ыла-спобывала,
Где ты ночевала?

— В темном лесе под кусточком,
Под малиновым листочком.

Там есть люди весел́ые,
Два матроса молодые.

В руках держат по пожочку,
Вот ссекали по пруточку,

Вот ссекали по пруточку,
Вот сдел́али по гудочку,

Вы, гудочки, не гудите,
Вы батюшку не будите:

Мой батюшка спит с похмелья,
С велико́го перепбо́ю.

255. ПОШЕЛ ВАНЮШКА НЕВЕСЕЛ

Не запаздывай, пороха,
На талую землю,
На талую землю,
На злое коренье,
Что на злое коренье
В Петрово говенье,
Во Петрово во говенье,
В вербно воскресенье!
Что по этой по пороше
Шел Ваня хороший,
Ваня белой, кудреватой,
Холост, неженатой.
Припадает друг Ванюша
Ко белой порохе,
Зажимает друг Ванюша

Белой снег с порохой,
Он кидает, он бросает
Во заднюю стену,
Что во заднюю во стену —
К Паране в окошко.
— Поди выйди вон, Параня,
Выйди, Парасковья!
— Мне нельзя идти, Паране,
Нельзя Парасковье:
Есть у батюшка-то гости,
У матушки — гости,
Есть у братицей подружцы,
У сестриц — девицы.
Я шутя Ване сказала,
Взаболь отказала.
Пошел Вáнюша невесел,
Голову повесил.
Он головушкой качает,
В уме размышляет:
«Я не знаю, как мне быть,
Не знаю, как жить,
Я не знаю, как мне жить,
Кого полюбить:
Мне мужья жена любить —
Живому не быть,
Молода вдова любить —
Казною дарить,
Красны девицы любить —
Щегольно ходить.

256. ДУША, МНОЙ НЕ ОБИЖАЙСЯ

Нам сегодня день маленек,
День маленек-коротенек.

Это все можно дознаться,
По всему догадаться:

Он котору крепче любит,
Сыздалече в гости ездит.

Возле девицы садился,
Он садился-веселился.

Речи бают — все мигают,
Об разлуке вспоминают.

Сердце слышит: не нажиться,
Не нажиться, разойтись.

— Из-за утра ему в Мѳскву,
Везу платье рублей ѳ сто.

Везу платье рублей о сто,
Рублей о сто, девяносто.

Шаль цветную разверну я,
В руках зонтик со кистями,

В руках зонтик со кистями —
Егор едет со вестями.

Егор едет со вестями,
С золотыма со кольцами:

— Степанида, украшайся,
Душа, мной не обижайся!

257. ТО — МОЕ СЕРДЕЧКО

Вылетала лебедка
На синее море,
Вот садилась лебедка
На крут бережочек.
Умывалась лебедка
Пеною морскою,
Утиралась лебедка
Травой муравою,
Что травой муравою,
Алыми цветами.
Утираючись, лебедка
Речи говорила:
— Не по промыслу, мальчишка,
Заводы заводишь,
Ты заводы заводишь —
Трех дѳвицей любишь:
Перву — Сашу во Казани,
Машу — в Еруславе,
Анюшечку-раздушечку —

В Нижнем городочке.
— Уж я всем этим девицам
Куплю по подарку:
Куплю Саше ленту алу,
Маше — голубую,
Анюшке-раздушечке —
Золото колечко,
Золото-вито колечко,
То — мое сердечко.
Ты носи-носи, Анюта,
Носи, друг, не хвастай:
Если будешь похвальнось,
Мы не будем знаться.

258. МЫ СИДЕЛИ, ПЕСНИ ПЕЛИ

Мы сидели на краю,
Близко к зеленому саду,
Близко к саду Еруславу
Мы садились песни петь.
Мы сидели, песни пели,
Соловью свистеть велели.
Соловеюшко свистит
Да разгуляться нам велит,
Разгуляться-расплясаться
На привольной стороне.
У Катюши у души
Были дети хороши:
Был Васильюшко-сыночек
Да Иванушко-соколог.
Иванушко-соколог
Да был фабричный мастерок,
Он горазд письма писать
Да востер грамоту читать.
Говорила Кате мать,
Наговаривал ей брат:
— Полно, Катенька, уймись,
С фабричными не водись:
Фабричные, молодые
Доведут славы худые.
Проиграет, просмеет —
Никто взамуж не возьмет:

Ни барин, ни купец,
Ни крестьянин-молодец.
Посватался на Кате
Горький пьяница-вдовец —
Нашей песенке конец.
Наша песенка новá,
Издалека везена,
Издалека, извысока,
Из Мезени-городá.
Из Мезени-города
Да песня спета про меня,
Песня спета про меня,
Про женитьбу молодца,
Что женитьба молодца
Незадачлива была.
Некорыстна красна девушка
Взамуж она пошла:
Сама по́часту неможет,
Она по́долгу лежит.
Как румянец из лица
Хворь повыняла.
Перезяб я, передрог
У широких у ворот,
Я добра коня измучил,
Красной девице докучил,
Черну шапку изгноил,
Себе желанну доступил.

259. ПРИШЛА ДЕВИЦА МИЛА

В государственной конторе
Сидел молодец в уборе,
Он во сряде, во наряде,
В тонкой-беленькой рубашке.
Пришла девица во сряде:
Во кисейном сарафане,
Во кисейной белой юбке,
Во голубом полушубке,
Во ушах у ней сережки,
И сережки непростые,
Непростые — зерновые,
Глаза черны веселые.
Пришла девица мила,

Черным глазиком взвела,
Черным глазиком взвела,
Из конторы вон пошла.
Молодец-то не стерпел,
Девке вслед он поглядел,
Девке вслед он поглядел —
Бросил книги и дела.
— Мне не дороги дела —
Пришла девица мила,
Пришла девица мила,
Подмигнула — вон пошла.

260. СТОЯЛ ДЕВОК ХОРОВОД

У Гурьёвых, у Гурьевых,
У Гурьевых у ворот, у ворот
Стоял девок, стоял девок,
Стоял девок хоровод,
Молодушек, молодушек,
Молодушки — весь народ.
Все девицы, все девицы,
Все девицы хороши-пригожй.
Одна девка, одна девка,
Одна девка лучше всех, лучше всех,
Головушка, головушка,
Головушка глаже всех, глаже всех.
Коса руса, коса руса,
Руса косынька доле всех,
В косе лента, в косе лента,
В косе лента голуба-нелюба.
Вдоль бережку, вдоль бережку,
Вдоль бережку ходила-гуляла,
Словечико, словечико,
Словечико молвилá-молвила,
Колечиком, колечиком,
Колечиком дарилá-дарила.

261. ХОРОШО С МИЛЫМ ЖИВЕТСЯ

Я по жердочке шла,
Да я по тоненькой,
По тоненькой,
По сосновенькой.
Тонка жердочка
Гнется-не ломится,
Хорошо с милым живется —
Не стоскнется,
Хоть и стоскнется —
Разгуляемся.
Пойду-выйду, молода,
За новые ворота,
Стану-стану, молода,
К приворотному столбу,
Туда-сюда погляжу —
Я милóго увижý:
Навстречу мне милой,
Детинушка молодой,
Неженатый-холостой,
Кудреватенький-баскóй.

262. Я ПО ТРАВКЕ ШЛА

Я по травке шла,
По муравке шла,
На сер-камешек ступила,
Чоботы я проломила.
Мне не жалко чоботы —
Чоботы милой купил,
Чулки милой подарил —
За то три года любил.
— Душа мой, душа мой,
Душа-ягода моя,
Ты не стой возле меня.
Не гляди на меня!
— Рад бы, рад бы не глядеть,
Да глаза мои глядят,
Да глаза мои глядят,
Говорить с тобой хотят.
— Говори, душа мой,
Говори, сердешной!
— Есть за речкою хоромы

Белокаменные,
Белокаменные,
Верхи бархатные.
Что по этим-то хоромам
Парень с девицей гулял,
Парень с девицей гулял,
Ума-разума пытал:
— Ты скажи, скажи, девица,
Не утай, красавица:
Чьего роду-племени?
Как зовут по имени?..
— Зовут Татьянушею,
Зовут Татьянушею.

263. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ДУШОЙ

Не беги — догоню,
Красна девица-душа,
Сполюби, сполюби,
Сполюби, радость, меня!

Если ты меня полюбишь,
Будешь счастливая,
Счастливая будешь,
Таланистая.

Я люблю тебя душой,
Наделю тебя казной,
Я цветами, зеркалами
Твою залюберу.

Тесова-нова кровать
На ковре будет стоять,
Ты на той ли на кровати
Будешь с милым почивать.

264. ВО САДУ ЛИ В ОГОРОДЕ

Во саду ли в огороде
Девушки гуляли,
Они правыми руками
Ребят выбирали.

— Вы пожалуйста, ребята,
С нами прогуляться:
Таты с мамой дома нету —
Некого бояться!

— Если некого бояться —
Пойдем прогуляться!
Позволь, милая, спросити:
Будешь ли любить?

— Ах ты, милой, раскудрявой,
Зачем лицемеришь?
Я люблю тебя всем сердцем,
А ты все не веришь!

— Нет, я верю, дорогая,
Любовь сердцем чую.
За хорошу вашу совесть
Три раза целую.

265. ВЫШЛА ВСТРЕТИЛА МЛАДА

Чернобровой, черноглазой,
Раскудреватой,
Русы кудри накладны,
Черны брови выводны:
Вывожены для того,
Чтобы всяк любил его,
Чтобы всяк любил его,
Да офицера моего.
Только я одна люблю —
Насмотреться не могу,
Насмотреться-наглядеться
На его на красоту.
За его за красоту
В Еруслав-город пойду,
В Еруслав-город схожу —
Плису-бархату куплю,
Плису-бархату куплю —
Тесову кровать обью:
Сяду-лягу на кровать
По миленьком тосковать —
Не идет ли мой милой,

Да не колотится ли.
Колотился мой милой
Да воротился сердешной.
Я увидела мила
Из высока терема,
Из высока терема,
Из высокого окна.
Вышла встретила млада,
За белы руки брала,
За белы руки брала,
К себе в спальенку вела.

266. МОЛОДЕЦ КОНЯ ПОИЛ

Что у нашего двора
Полно озеро воды.

Полно озеро воды —
С берегами наровень.

Что во этом озере
Молодец коня поил,

Молодец коня поил,
К воротичкам приводил,

К воротичкам приводил,
За колечико связал,

За колечико связал,
Красной девице сказал:

— Красна девица-душа,
Сбереги добра коня:

Не сорвал бы повода,
Не сломал бы удила —

Повода шелковые,
Удила серебряны.

267. ДЕВКА ПЛАЧЕТ И РЕВЕТ

Анюшечка черноброва,
Вечор был я у тебя,

Врешь, калинка моя,
Врешь, малинка моя!*

Вечор был я у тебя,
Не застал в доме тебя,

Не застал в доме тебя,
Не признала ль ты меня.

Не узнала, не признала,
Отсылала парня прочь.

Отсылала парня прочь,
На закате темна ночь.

На закате темна ночь,
На рассвете был денек.

На рассвете был денек,
Дует буйный ветерок.

Дует буйный ветерок
На Чернинский городок,

На Чернинский городок,
На Яргановский домок.

У Ярганова купца
Распашоны ворота,

Распашоны-размашоны —
Красна девица идет.

Красна девица идет,
За собой коня ведет,

* Припев: «Врешь, калинка моя, врешь, малинка моя!» — после каждого двустишия.

За собой коня ведет —
Конь шарашится, нейдет.

Конь шарашится, нейдет,
Со девицы платье рвет,

Со девицы платье рвет,
Девка плачет и ревет.

Девка плачет и ревет:
— Кто мне платье заведет?

Из холостеньких ребят
В серебриночках сидят,

В серебриночках сидят,
Серебром девок дарят,

Серебром девок дарят,
Да красна золота сулят.

268. ДЕВКА МОЛВИЛА СЛОВЕЧКО

На широкой улице
Да во светлице-горнице
Девки рядышком сидят,
Про молóдца говорят,
Про молоденького,
Про холостенького.
На семнадцатом году
Да полюбил парень девú,
Девú хорошенькую,
Шельму пригоженькую.
Девка молвила словечко —
Подарил милой колечко.
Девка молвила второ —
Подарил кольцо друго.
Девка молвила третье —
Подарил ей золото.
На руке кольца носить —
Будет маменька бранить.
Мне продать-променять —
Будет миленький пенять.

Отвезу я на реку́
Да я на саму ширину,
Спущу кольца во реку
Да я на саму быстерьцу.
Пошлю кольца все ко дну —
Да мил любил меня одну.

269. В САДУ ДЕВИЦЫ ГУЛЯЛИ

По край речки,
По край быстрой
Стоял зелен сад,
Стоял виноградник.
В саду девицы гуляли,
Со травоньки цветы рвали
И плели венок,
Рвали и другой.
Перва умница плетет,
Втора держит за цветок.
За рекой-рекой
Машет мил рукой.
Течет речка-неширочка,
Через реченьку — жердочка,
Калиновый мост.
Мой миленький сторопил он,
Калин мостик подломил он
На мою беду,
На девушкину.
Девушечка подбегала,
Парня за руки хватала,
Звала во лесок
На один часок:
— Пойдем, миленький, в лесочек,
Сядем под кусточек.
Когда солнышко проглянет,
На нас платице обянет —
Мы пойдем домой.

270. НЕ РЯБИНУШКА АЛЕЕТ

Ветер веет, солнце греет,
Рябина алеет.

Не рябинушка алеет —
Милый мой далеет,
Мой-ёт миленький далеет:
Не со мной гуляет,
Не со мною, со иною —
С Машей вдовиною.
Не завидуй, Маша, нами,
Пойдем гулять с нами.
Во саду ли в огороде
Девуца гуляла,
Невеличка-круглоличка,
Личиком беленька.
За ней ходит, за ней бродит
Удалой молодчик,
За ней носит, за ней носит
Дороги подарки.
Дороги его подарки:
Кумачи, китайки.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо:
Если любишь, душа,
Купишь штоф и ливантеру.
Я из золота, из штофа
Сошью себе юбку,
Дорогого ливантеру
Сошью себе платье.
Буду юбочку носить,
Дружка весслити.
Буду платье одевати,
Дружка вспоминати.

271. ПОДЫМАЛАСЬ ТУЧА-ГРОМ

Из-за лесу, из-за гор
Подымалась туча-гром,
Глянь-ко, глянь-ко, милой мой,
Подымалась туча-гром!*

* Припев: «Глянь-ко, глянь-ко, милый мой» — после каждого двустихия с повторением второй строки.

Подымалась туча-гром
Со частым-мелким дождем,

Со частым-мелким дождем
Да со рассыпчатым.

Как со этого дождя
Да стала улица грязна,

Стала улица грязна —
Мне пешком идти нельзя.

Я пешочком не пойду,
Себе извозчика найду,

Извозчика-молодца
Да сяду в сани посмеля.

Сяду в сани посмелее,
Понюжать велю скорее.

Я не сяду с милым рядом —
Я сердита на него.

Хоть я сяду с милым рядом,
Слово выговорю,

За вчерашнюю обиду
В глаза выругаю:

— Где ты ходишь, где ты бродишь,
На расписку с кем живешь?

— Я расписку не даю,
С кем гуляю — не скажу,

С кем гуляю — не скажу,
Кого люблю — не объявлю.

272. БЕЖАТ САНИ С КОЗЫРЯМИ

По порохе, по порохе,
По студеной по зимы
Бежат сани с козырями,
Дровни с вырезами.
Что на этих-то санях
Два молодчика сидят,
Два молоденькие,
Два холóстенские.
— Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережку,
Ко крутому бережку,
Ко желтóму ко песку.
У Ивана-чумака
Была дочь хороша,
Была дочь хороша —
Катеринушка душа.
Говорила Кате мать —
Что за старого отдать,
За старого, за седатого,
За седатого, бородатого,
Бездетинного да противного:
У старóго, у седого
Ни уса, ни бороды,
Ни уса, ни бороды,
Ни ума в головы.

273. УЖ Я ТУ ТРАВУ ВЫКОШУ КОСОЙ

Во лузьях, во лузьях,
Еще во лузьях зеленых, во лузьях*

Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,

Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазурьевые.

Уж я ту траву, уж я ту траву,
Уж я ту траву выкошу косою.

* Вторая строка каждого двустишия повторяется дважды.

Выкошу, выкошу,
Уж я выкошу-высушу траву.

Той травой, той травой,
Уж я той травой выкормлю коня.

Выкормлю, выкормлю,
Уж я выкормлю-выглажу его,

Снаряжу, снаряжу,
Снаряжу я коня золотой убор,

Подведу, подведу,
Подведу я коня батюшке,

Подведу, подведу,
Подведу коня родителю.

— Уж ты батюшко, уж ты батюшко,
Уж ты батюшко-родитель, сударь мой!

Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,

Ты прими, ты прими,
Ты прими слово приятливое:

Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старого взамуж.

Я стара мужа, я стара мужа,
Я стара мужа не люблю:

Со старым мужем, со старым мужем,
Со старым мужем гулять не пойду,

Для стара мужа, для стара мужа,
Для стара мужа постели не стелю,

Ему в три ряда, ему в три ряда,
Ему в три ряда камня положу,

Во четвертый ряд, во четвертый ряд,
Во четвертый ряд крапивы настелю.

Со каменьяца, со каменьяца,
Со каменьяца бока заболят.

Со крапивушки, со крапивушки,
Со крапивы бока вспрыщевеют.

274. ШИЛИ ДЕВИЦЫ КОВЕР

Шили дэвицы ковер*,
Шили-вышивали,
Вышиваючи ковер,
Сами говорили:
— Что кому этот ковер
Достанётся?
Доставался тот ковер
Стару мужу,
Стару мужу-негодяю,
Негодяю.
Я для старого ковра приубавлю,
Приубавлю я
Со всех-то сторон
По узору,
Шиту-бранному узору
Золотому.
Пойду, млáда, по Дунаю,
Схожу-погуляю,
Зайду, млáда, во беседу,
Во беседу.
Во беседы сидит старой
Неудалой,
На коленях держит гусли
Золотые.
По гуслиам бежали струны
Звончатые.
У меня-то у младенькой
Сердце занывает,
Резвы ножки подкосились,
Подломились,
Белы ручки приупали,
Опустились,
Моя буйная головка

* Каждая строка повторяется дважды.

С плеч валится.
Шили девицы ковер,
Шили-вышивали.
Вышиваячи ковер,
Сами говорили:
— Что кому этот ковер
Достанётся?
Доставался тот ковер
Ровне мужу.
Я для ровнюшки ковер
Принаставляю:
Что со всех-то сторон
По узору.
Шиту-бранному узору
Золотому.
Пойду, млада, по Дунаю
Погуляю.
Зайду, млада, во беседу,
Во беседу.
Во беседы сидит ровня,
Ровнюша хороший,
На коленях держит гусли,
Гусли дощанье,
По гуслим бежали струны
Костяные.
Мое сердце взрадовалося,
Взрадовалося,
Резвы ножки расплясались,
Расплясались,
Белы ручки размахались,
Размахались,
Моя буйная головка
Взвеселилась.
Пара с парой сохваталась,
Сохваталась,
Пара с парой станцевалась,
Станцевалась,
Пара с парой расставалась,
Расставалась,
Пара с парой целовалась,
Целовалась,
Пара с парой распрощалась,
Распрощалась.

275. Я ВО САДИКЕ БЫЛА

У ж ты, маленькой молодчик,
Мил-удáла голова,
Мил-удала голова,
Не ходи мимо сада,
Дорожечки не тори,
Худой славы не яви.
Худа слава-весть пройдет —
Никто взамуж не возьмет,
Отцу-матери бесчестье,
Роду-племени покор,
Роду-племени покор,
Мне самой, девке, позор,
Мне нельзя идти домой
К своей матери родной:
Я не знаю, как придти
Да чего матери сказать.
Скажу так, скажу сяк,
Скажу едак, либо так:
— Я во садике была
Да во зеленом гулялá,
Сладки ягоды срывала
Все наливчатые,
Все наливчатые,
Сладкí-рассыпчатые,
Я на блюдечко поклала,
На серебряный поднос,
Я милому относила
Во высоки терема.
Милой ягод не примаает,
Ничего не говорит,
Не отказывает,
Не приказывает.
На первú ступень ступила —
Призадумалася,
На втору ступень ступила —
Образумилася:
Ворочусь, млада, назад
Да дружка выругаю,
Дружка выругаю
Да в глаза выпеняю:
— Я за что тебя люблю,
За что пожаловать хочу?!

Уж и что ты за невежа,
Разбессовестна свинья:
На походку — как свинья,
На поглядку — как коза,
На поглядку — как коза,
Да наплевать тебе в глаза!
Я притопнула ногой
Да прикакнула головой,
Да прикакнула головой.
— Оставайся, черт с тобой!

276. ПРИЕЗЖАЛ КО МНЕ ДЕТИНА

Во селе было Покровском
Среди улицы большой:
Разыгралась, расплясалась
Красна девица-душа,
Красна девица-душа,
Да Овдотьюшка хороша.
Разыгравшись, говорила:
— Вы подружечки мои,
Вы подружечки мои,
Задушевные-дороги!
Я со радости-веселья
Поиграть с вами хочу.
Приезжал ко мне детина —
Из-за Питера купец,
Серебром меня дарил,
Красно золото сулил.
— Ты поедem-ко, Дуняша,
Поезжаем, — говорит, —
Я куплю тебе парчею
И на шею жемчужку.
Ты во этом во наряде
Будешь вдвое хороша.
Уж ты здесь живешь крестьянкой,
За мной будешь госпожей.
— Уродилась крестьянкой —
Мне нельзя быть госпожей.
В вашем городе обычай —
Я слыхала от людей:
Во глазах котopы любят,
Те во сердце — никогда.

277. КАКОВО МНЕ ЖИТЬ В КРУЧИНЕ

Как во улице во шведской,
В слободе было немецкой,
Енеральский сын гулял.
За собой он водит девку,
Девку-шведку, иноземку,
Девку-шведку, иноземку,
Иноземку-пустозерку.
Девка речи говорила,
Говорила-не стыдилась:
— Ты поедешь, друг, жениться,
Приверни, милой, проститься.
Привяжи коня ко кусту,
Ко тому кусту-сушине,
Ко тому кусту-сушине —
Ломаной вершине.
Как ко ломаной вершине —
Каково мне жить в кручине,
Мне за старым, за седатым,
За седатым, бородатым.

278. В СЛОБОДЕ БЫЛО НЕМЕЦКОЙ

Как во улице во шведской,
В слободе было немецкой.
Стоял белый сад,
Жили девки в нем.
Девка бела, белокура —
Та смекаловска натура;
Знает, как пожить,
Умеет погулять.
Нараспашку сюртучки
Держит Сашу на ручки,
Целовал ее,
Миловал ее.
Я немножко целовал,
Ей чулочки даровал —
Спрашивают часы.
У меня часы дорогие,
Не спущу в люди чужие:
Боюсь, пропадут.

Кой без денег человек —
Проворонит цельной век.
Старичонко с бороденкой
Тащит денежек мешонко —
Тот любезный мой,
Радость дорогой!

279. СОРВЕМ С ТРАВОНЬКИ ЦВЕТОК

У ворот девка стоит,
В лице белом жар горит,

В лице белом жар горит,
Да во зеленый сад манит.

Во зеленый сад манит
Раскрасавица плясать,

Мураву траву топтать
Да со травы цветочки рвать.

Сорвем с травоньки цветок,
Да со лазурьевой — алой.

Мы завертим-ко цветок
Во тальянский во платок,

Во тальянский во платок,
Да во немецкий узелок.

Кинем-бросим узелок
Да на кроватку в уголок.

Чуть обмешкамся часок,
Да мы посмотрим на цветок.

То ли сохнет, то ли вянет
Мой лазурьевой цветок,

То ли тужит, то ли плачет
По мне миленький дружок.

Хоть он тужит, хоть он плачет —
На чужой на стороне,

На чужой на стороне,
По чужой мужьей жене.

280. ВЫЕЗЖАЛА БАРЫНЯ

Выезжала барыня
Из деревни жить в Москву,

Барыня, барыня,
Графиня, сударыня!*

Садилася барыня
Под окошечко на стул.

Мимо каменной палаты
Матросик охоч гулять.

— Ты, матросик молодой,
Заходи ко мне одной!

— Рад бы, рад бы забегать —
Со сторон люди глядят,

Со сторон люди глядят,
Насмеются хотят.

На крылечко забежал
Да по сеничкам проходил,

По сеничкам проходил,
Во горницу заходил,

Во горницу заходил
Да дубов столик открывал,

Дубов столик открывал,
Он конвертик вынимал,

*Припев: «Барыня, барыня, графиня, сударыня!» — после каждого двусишия.

Он конвертик вынимал,
Да распечатал, прочитал,

Распечатал, прочитал,
Сам головкой покачал.

281. ТЫ КАТИСЬ, КОЛЕЧУШКО

Шел Ваня по улочке,
Шел Ваня в кабак,
Сел Ваня на бочку
Да закурил табак.
Сашеньку имею —
Горюшко стерплю.
Любил парень девушку,
Колечко дарил:
— Ты носи колечушко,
Неси — не теряй,
Если потеряешь,
С тобой любви нет.
Нынче, слово молвила,
Стала полоскать,
Уронила колечко
Во сине море,
Во сине во морюшко —
Нельзя ей достать.
У бога просила:
— Ты дай на денек
Полудник-ветерок
Полуденный ветерок,
Мне-ка, кровный друг.
Ты катись, колечушко,
На зеленый луг,
На зеленый луг
Ко девицам в круг!

282. У СОСЕДА БЫЛА ДОЧКА

У соседа была дочка —
Зовут Пашенькою, Парасковыюшкою.

Черви, буби, вини, жлуди,
Парасковыюшкою*.

Охоча была Параня
С горы на гору гулять.

Олексеюшко-дурак
Из-за куста выбегал,

Из-за куста выбегал,
За правую руку брал,

За правую руку брал,
За русую косу трепал.

За русу косу трепал,
О сыру землю метал,

Что ко вечеру Паранюшка
В постелюшку слегла,

Ко полуночи Паранюшка
Представилася.

В большой колокол звонили —
Всё Параню хоронили.

Как во все-то зазвонили,
В мать-землю положили.

283. ЖИЛИ-БЫЛИ ДВЕ НАЗВАННЫЕ КУМЫ

Размолоденькой мальчишка, парень мой,
Ты не стой-косу да не скучай передо мной.

Скучать будешь — разгуляемся с тобой
В славной улице, Черованской слободе.

Жили-были две названные кумы,
По прозванию — две соседуски-вдовы.

* Припев: «Черви, буби, вини, жлуди» — после каждого двустихия с повторением второй строки.

Кумы вздумали по молодцу скучать,
Что по молодцу, по Васе по дружке.

Нам сказали: Васю боле не видать,
Не видать Васю, не видывати.

Не видать Васю, не видывати,
Его голосу не слыхивати.

Вечор Васенька по улице прошел,
Развеселую гармонь в руках пронес.

284. МАША ЖДАЛА-ДОЖИДАЛА

Под лесом-лесочком,
Под турецким городочком
Долина была
Широка-долга.

Что на этой на долинке,
Что на этой на широкой
Пастушок пасет,
Стадо стережет.

Из-за этого лесочка,
Из зеленого садочка
Девушка идет,
Красная бредет.

Несет в ручках два веночка
Два бранные-шелковые —
Себе и ему,
Дружку своему.

На головку венки клала,
На буйную положила,
Речи баяла,
Рассказывала:

— Ах ты, пастух-пастушочек,
Пастух, миленький дружочек,
Не спокнь меня —
Я в лесу одна.

— Пстой, девка, пстой, красна,
Стадо соберу,
Через то поле Петрово,
Через то село большое
Домой забегу,
Два слова скажу:

— Ты, жена моя, хозяйка,
Жена-верная служанка,
Не жди ночевать,
Я пойду гулять.
Меня звали-почитали
Во лужках гулять,
Где Машенька ждет.

Маша ждала-дожидала
За ракитов куст запала —
Пускай мил пройдет,
Меня не найдет.

Стал Ванюша проходить,
Не могла Маша стерпети,
Взвыла голоском:
— Здеся я, милóй,
Радость дорогой!

— Чем ты, Маша, недовольна?
Изволь говорить —
Тем буду дарить.

285. ХОРОШО ПАСТУХ ИГРАЕТ

Не будите молоду
Раным-рано поутру,
Разбудите молоду,
Когда солнышко взойдет,
Когда солнышко взойдет,
Роса на землю падет,
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает:
— Выгоняйте вы скотину

На широкую долину,
На широкую долину,
На зелену луговину!
Гонят девки, гонят бабы,
Гонят малые ребята,
Гонят стары старики,
Деревенски мужики.
Не догнавши стадо в луг,
Становилися во круг,
Становились-веселились.
Одна девка весела
В хоровод плясать пошла.
Она пляшет, ручкой машет,
Пастушка к себе манит:
— Поди-поди, пастушок,
Поди, миленький дружок,
Хоть едину пританцуй —
Со мной ноченьку ночуй!
Пастух ночку ночевал —
Он овечку утерял.
Пастух втору ночевал —
Полстадечка растерял.
Пастух третью ночевал —
Все стадечко потерял.
— Кабы знала я, млада,
Не звала бы пастуха!

286. ИЗ МОСКВЫ ИДЕТ СОЛДАТ

Как у нашего двора
Приукатана гора,
Приукатана, увáлена,
Водою облита.
Еще кто гору катал,
Кто крутую обливал?
Что катала-обливала
Красна девица-душа.
Красна девица-душа
По новым сеням прошла,
Два ведерика взяла.
На ключ по воду пошла,
Тут водицу зачерпнула,
Да сама на гору пошла.

Подвернулся каблучок —
Девка пала на бочок.
Настоящий такой клад —
Да из Москвы идет солдат.
Из Москвы идет солдат —
Я не знаю, как назвать,
Я не знаю, как назвать,
Не умею величать.
— Поди, миленький, сюда,
Поди, хорошенькой сюда,
Подыми меня, младешеньку,
За праву за руку.
— Рад бы, рад бы я поднять,
Да со сторон люди глядят,
Со сторон люди глядят
Да насмеяться хотят.
Приведу тебе попа
Да все духовного отца.
— Поди к черту со попом,
Со духовным со отцом!
Приведи мне-ка майора
Серединского полка —
Ручки-ножки попрямее,
Головушка веселее,
Чтобы шапка на боку,
В роте — трубка табаку.

287. ВО ПОЛНОЧЬ ДЕВКИ ГУЛЯЛИ

У майора полевого
Три дочí хороших:

Охочí его дочи
Гулять до полночи.

Во полночь девки гуляли —
На базар попали.

На базаре отвечали:
— Кто такие люди?

Выходил душа полковник
На красно крылечко,

Выносил душа полковник
Чару золотую,

Наливал душа полковник
Французской водки,

Наливал душа полковник
Меньшей сестрице.

Больша меньшей говорила,
На добро учила:

— Ты не пей, моя сестрица,
Французской водки,

Не пропей, моя родима,
Ума дорогого!

Выносил душа полковник
Молодковы карты,

Наделил душа полковник
Большей сестрице.

Меньша большей говорила,
На добро учила:

— Не играй, моя сестрица,
Не играй, моя родима,

Не играй, моя родима,
В молодковы карты:

Хоть играешь, не играешь —
Козырей не знаешь!

288. ЕДЕТ ВАНЯ СО ГИТАРОЙ

Ой, на вечорке, на вечорке
Ввечеру девки сидели,
Всю лучину присветили,
Всю лучину присветили,

Свечи сальны притопили,
Свечи сальны притопили,
Всем подружкам надсветили.
— Уж вы, кумушки-подружки,
Собирайтесь в одну кружку,
Собирайтесь в одну кружку,
Ой, в одно место.
Ложитесь, девки, спати,
Ой, отдыхати,
Вам некого здесь ждати,
Ой, дожидати,
Вам не батюшку родного,
Ой, дорогого,
Не Иванушка баского,
Ой, вот баского.
Едет Ваня со гитарой
Душа Маша — со органом,
Ой, со органом.

289. ПРИЕЗЖАЛ ДОМОЙ БЕЗ ДЕНЕГ

Я московский был трактирщик,
Я на фабрике живал,
Не последний был красавчик,
Разны ситцы набивал.
Получал денег немало —
Сот по восемь рублей в год.
Почему же не хватало,
Что у ся имел в руках?
В белом фартучке любил красотку
И в сафьянных башмачках.
Для красотки было нужно
В косу ленту и платки,
Во ушах серьги жемчужны
И на ножки башмачки,
В летний праздник — душегрейка,
Сарафанчик с галуном —
И последняя копейка
Вылетает вверх орлом.
Мы зайдем тогда в избушку,
Когда мать с отцом уйдет,
Там и сделаем пирушку,
Только пыль столбом пойдет,

Приезжал домой без денег —
Отец с матерью бранят:
— Ах ты, сукин сын, бездельник,
Куда денежки девал?
Все товарищи приходят —
Сот по пять рублей несут.
От тебя мы не видали
Лет пять-десять ничего.
Полно, Ванька, волочиться,
С долгохвостыми гулять!
Под конец тебя женили —
Больше нечего толковать.
Я опять поеду в Питер —
Снова деньги наживать.
Первый годик постарался,
Сот пяток домой прислал.
Да случилось несчастье
Мне по Невскому пройти:
Я по Невскому прошел —
Стару Сашеньку нашел.
Мы нечаянно сошлись,
Поздоровались:
— Здравствуй, милая красотка,
Из которого села?
— Здравствуй, Вáнюша дружочек,
Вспомни рощу и лесок.
Мы под рощею сидели,
Там с Катюшей баловали.
Сказал Ванюша — женатой,
Разговор пошел не тот.

290. В ЛЕС ПО ЯГОДЫ ГУЛЯТЬ

Как пошли наши подружки
В лес по ягоды гулять.

Ай люли, ай люли,
В лес по ягоды гулять*.

* Припев: «Ай люли, ай люли» — после каждого двустипа с повторением второй строки.

Они ягод не набрали,
Лишь подружку потеряли,

Нашу милую подружку —
Катеринушку.

— Ты ау, ау, Катюшка,
Наша милая подружка!

Не в лесу ли заблудилась?
Не в траве ли заплелась?

Если в лесе заблудилась —
Все деревья преклонились.

Если в травке заплелась —
Травка шелком завилась.

291. НЕ ХОЧУ ПЕРСТЕНЬ НОСИТЬ

Я по цветикам гуляла,
Цвету алого искала,

Не нашла цвету алого,
Против моего милого.

Сколь мой миленький хорош,
Чернобров, душа, пригож!

Мне подарочек принес он,
Подарочек дорогой,

Подарочек дорогой —
С руки перстень золотой.

Не хочу перстень носить,
Хочу на воду бросить.

На воде перстень не тонет
И в огне он не горит,

И в огне он не горит,
Значит, мой милой сердит,

Значит, мой милой сердит:
Ничего не говорит.

292. ЗАГУЛЯЛ ПАРЕНЬ-ДЕТИНКА

У ж ты, зайко-загуляйко!
Загулял парень-детинка.

Заходил вечер нерано,
Заносил даров немало:

Что на пару — дородору,
На вторую — коленкору,

Что на резвые на ножки —
Черны бархатны сапожки,

Что на правую на ручку —
Золото-вито колечко,

На головушку — платочек
Подарил милой дружочек.

293. ВОРОВСКИ ИГРАТЬ Я УХОДИЛА

Что у всех мужовья да молодые,
У меня — мужичище-старичище.

Не пускает старичище на игрище:
У меня, молодой, да нету воли.

Воровски играть я уходила,
Во соседях я одевалась,

Во соседях я одевалась,
На игрище ушла да наигралась,

На игрище ушла да наигралась,
Со милым дружкой да увидалась.

ШУТОЧНЫЕ

294. ОДНОЙ ДЕВКИ В ТОЛПЕ НЕТУ

Ходит парень за горами,
За ним девушки — толпáми,
Молодушки — табунами.
Одной девки в толпе нету,
Одной красной не случилось:
Видно-то ей недосужно,
Видно-то ей несвободно.
Пекет пироги на опаре,
Растворяет на дрожжах,
Из печи тянет на вожжах:
Сколь-то они да высоконьки,
Сколь-то они да широконьки!

295. КТО ПИВЦО-ВИНЦО НЕ ПЬЕТ?

Я ли хожу вокруг столба,
Я ли гуляю вокруг дубова?

В берегах вода расколыблется,
Щуки-караси размечутся,

Щуки-караси размечутся,
Окуни-ерши глубоко в море ушли.

Бочка с медом катается,
Из братыни во стакашек наливается.

Кто пивцо-винцо не пьет,
Вовсе в рот не берет?

Аннушка наша
Пивцо-винцо не пьет,

Миколаевна-душа
Вовсе в рот не берет —

Она обернется
На двенадцать раз!

296. ВЕРШИНУШКА ПОДЛОМИЛАСЬ

Не докуль же вам, ребята,
Чужо пиво пить!
Не пора ли, молодые,
Свое заводить?

— У нас все было готово,
Все запасено:
Сладкий солод — на овине,
Хмель-ёт — на печи,

На печине, на кручине,
На самой вершине.
Вершинушка подломилась,
Хмелюшка свалилась.

297. СДОРОЖАЛИ НА БАЗАРЕ КРАСНЫ ДЕВКИ

Через реченьку жестяночка лежала,
Через быструю гибка-тонка жестянка,
Что никто эту жестянку не перейдет.
Тут идут-то купцы, братцы-торговцы,
За собою переводят мужичонков.
Что-чего же на базаре издешевело?
Сдешевели на базаре мужичонки:
Еще по сту мужиков да на копейку,
Полтора ста женатых на полушку.
Через реченьку жестяночка лежала,
Через быструю гибка-тонка жестянка,
Что никто эту жестянку не перейдет.
Тут идут-то купцы, братцы-торговцы,
За собою переводят красных девок.
Что-чего же на базаре сдорожало?
Сдорожали на базаре красны девки:
Еще по сту рублей да красна девка,
В полтора ста рублей да коса руса,
Что во тысячу рублей да ала лента.

298. ПРИШЕЛ К ДЕВУШКАМ НЕЖДАННЫЙ ГОСТЕНЕК

Вечор девки, вечор девки*,
Вечор девки вечериночку сидят.
Пришел к девкам, пришел к девкам,
Пришел к девушкам нежданный гостенек.
Неждан-незван,
Неждан-незван добрый молодец пришел.
Стали девки,
Стали девки перешептываться:
— Чем будем,
Чем мы будем гостя потчевати?
Винцом-пивцом,
Винцом-пивцом, сладкой водочкою,
Орехами,
Орехами с оплеухами.
Одна девка,
Одна девка посмелее всех была:
Брала парня,
Брала парня за русы́ волосы́,
Через скамью,
Через скамью его по́ полу,
По новы́м,
По новым сеням на улицу его,
На ули́цы,
На улицы мимо кузницы.

299. БЕЗ МЕНЯ МЕНЯ ЖЕНИЛИ

Я на горке стою —
Слезы катятся:
Мне жениться велят —
Мне не хочется.

* Каждая строка повторяется дважды.

Мне невесту дают —
Мне не глянется.
Коя глянется,
Та и чванится.

Без меня меня женили —
Я на мельнице был,
Без меня меня венчали —
Я в трактире просидел.

А пришедши домой —
Меня жалуют женой,
Меня жалуют женой,
Поздравляют с молодой.

300. ЗАКРУЧИНИЛАСЬ ЕРШОВА ГОЛОВА

По горе-горе ершик идет,
По подгорью горемыка бредет.
— Ты куда, куда, ершик, идешь?
— Ты куда, горемыка, бредешь?
— Я иду-иду на барский двор
К Окулины к Олексеевны,
Ко Овдотьи ко Ондреевны,
Окулину я давно доступал,
Со Овдотьей одну ночку переспал.
Закручинилась ершова голова,
Призадумалась молодчикова.

301. КОСОГОРУШКИ КРУТЫ

У дуры у бабы
Частой огород.
Огородушки часты,
Переходушки мелки,

Переходушки мелкие,
Косогорушки круты.

Воду возили
Да заморозили:

Вода воженная,
Замороженная.

ПЛЯСОВЫЕ

302. МИЛ ВО СКРИПОЧКУ ИГРАЕТ

Пошла танец танцовать,
Танцовала-приустала,

Танцовала — приустала,
Приустала — задремала,

Приустала — задремала,
Задремавши, спать ложилась,

Задремавши, спать ложилась
Ко милому на колени,

Ко милому на колени,
На колени под гуслями.

Мил во скрипочку играет,
Меня, младу, утешает,

Утешает-унежает,
Меня, младу, разбужает:

— Встань, Катюша, свекор едет,
Свекор едет, бранить будет.

— Бранить будет, бить не будет,
Хоть побранит — сам отстанет,

Хоть побранит — сам отстанет,
Поколотит — не воротит.

303. МНЕ КОСИТЬ БОЛЕ НЕ ХОЧЕТСЯ

Я косила вниз Печоры по реке,
На угоре в черном драповом пальте.
Мне косить боле не хочется,
И коса в руках не держится,
И коса в руках не держится:
Постоять-то с милым хочется,
Постоять с милым, побаявать,
Попросил милой платочек подержать:
От погодушки гармошку завязать,
От погоды, от заливного дождя.
Я миленку пожалела — не дала,
Нелюбому парню пояс отдала.
Нелюбой парень понашивает,
Меня, девушку, подразнивает:
— Не один я раз ко девушке сходил,
Не один я раз ко любушке сгулял,
Трой сапоги с калошами стоптал,
Уж я все тебя, любезна, доступал.
Ты нейдешь, не выйдешь замуж за меня!
— Не пойду я и не думала идти.
Вечор слышала словечко про тебя:
Ты охоч гулять по поздним вечерам,
По трактирам, по царевым кабакам.
Зачем пьяный напивался,
Мною, девкой, похвалялся?
Неужель тебе я подданная?
Неужели я связанная?!

304. ОДИН МОЛОДЕЦ РАСХВАСТАЛСЯ

Перелетна птица-ласточка,
Сизокрылая касаточка
С моря на море полетывала,
Через сине перелетывала.
Садилася птица-ласточка
Среди моря на серый камешок,
С камешочка — на крутенький бережок.
Она сидела-высиживала,
Она думала-выдумывала,
Говорила-выговаривала,

Что у девушек молодцы сидят,
У молодушек — женаты мужики.
Один молодец расхвастался:
— У меня жена гульливая была,
Вот гульлива-гульливенькая,
Нехоро́ша — девкой брюхо понесла.
Приносила у соседа в сеннику,
Пеленала на полб́чке в уголку.
Пелены были полотняные,
Во три пояса шелковые.
Моя бабушка неправильна была:
По три гривенки с родименки брала,
Капитану два пегіх коня дала,
Самолучшего бурого коня,
А попу-то — пуд гороховой муки
Да полпудика овсяной крупы,
Сыновьям-то — по кареточке,
Дочерям — по алой ленточке.

305. МИЛЫЙ ЖЕНИТСЯ — ВТОРОГО ПОЛЮБЛЮ

У ж ты прялица-кокорица моя,
С горя выброшу на улицу тебя.

Стану прясть да попрядывати,
По беседушкам похаживати.

На беседе есть весельице —
Моя мила не осердится.

Моя мила по дорожке шла,
Черноброва барабан нашла,

Она била-барабанила,
Из-за лесу дружка ма́нила,

Из-за лесу-лесу темненького,
Из-за садика зелененького.

Близко-близко перелесочки,
От милого нету весточки.

Расхорошенький — Петрушенька,
Наведено лицо — Васенька,
Щеголек — Николаюшко.

Погуляем-ко, Алешенька,
Пока я молодешенька,

Пока я молодешенька,
Пока цветики алешеньки.

Прихлебался мне гороховый кисель,
Приглянулся со беседы Алексей.

Нехорош кисель без маслица,
Моя милая — обманщица:

Моя мила обманула-провела,
У ворот оставила-оставилá,

У ворот, у вереюшки-вереи:
— Красных девушек — постой, побереги!

Да сороковочка-бутылочка —
Береги, милой, загривочка,

Сороковочка ничем не залита —
Моя милая никем не занята.

Уж ты, Поля, Поля, Поленька,
Отчего худа и тоненька?

Оттого худа и тоненька,
Что гуляла я молоденька:

Загуляла лет семнадцати,
Полюбила восемнадцати.

Не тонка — так не подтянешься ремнем,
Нехороша — не подкупишься рублем,

Некрасива — не навяжешься
Замуж выйдешь — не откажешься.

Кабы знала это женское житье,
Завела бы себе драпово пальто,

Трой новые ботиночки,
Полсапожки на резиночке,

Побежала б по дорожечке —
Заскрипели б полсапожечки.

Не ходите, девки, к озеру-реке,
Не носите много колец на руке.

Я стояла среди озера,
Все колечки приморозила.

Часты дождички ударили —
Все колечки оттаяли.

Говорила Маша ротиком:
— Не ходи, милой, болотиком.

На болоте вода-грязь, вода-грязь,
Мой-от миленький с тальяночкой угрыз,

Он угрыз, угрыз не очень глубоко —
Растянул гармонь-тальяночку широко.

Я стояла на угорочке,
Сарафан с косой оборочкой.

Сарафанчик раздувается,
Ко мне милый приближается.

— Полно, миленький, не летняя пора,
Проводи меня с парадного крыльца.

Со парадного крылечика
Поломала все колечики.

Остается один перстень на руки,
Остается один дроля в памяти.

— Полно, любушка, замуж не ходи!
Повезут меня в солдаты — проводи.

Распашу я поле все, поле все,
Расскажу я горе все, горе все.

Из колодца воду черпала,
Уронила в воду зеркало,

Уронила — не расшиблося,
Полюбила — не ошиблася.

Полюбила дролю не за красоту,
Полюбила за приятность хорошú.

Уж вы, девочки-овточки,
Кашемировы кофточки.

Милый женится — второго полюблю.
Кашемирова рубашка по рублю,

306. СОБИРАЙТЕСЬ, ГОСТИ ЗВАННЫЕ!

Как на улице Варваринской
Спит Касьян-мужик комаринской.
Борода его всклокоченная,
На вершиночке сподмоченная.
Свежей крови струи алые
Покрывают щеки впалые.
— Что же, милой мой голубчик, друг Касьян,
Ты сегодня именинник, зачем пьян?!
— Двадцать девять дней бывает в феврале.
Февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Согрешил в утробу грешную,
Позабыл жену сердешную
Со детьми я, со деточками,
Со малыми малолеточками.
Я закинул свою шапку набекрень,
Сам отправился к жене своей в курень.
Баба добрая, пригожая была.
Испекла ему колачик горячóй,
Приуважила — еще, еще, еще!
Дремлет-спит жена Касьянова,
Вспоминает мужа пьяного:
— Пресвятая богородица,
Где злодей-муж хороводится?
Жене снится: муж в веселом кабаки
Истоптал свои смазные сапоги,
Он руками и плечами шевелит,
Сам в гармошечку пилит, пилит, пилит:
— У меня-то есть за пазухой гроши.
Наделю тебя — пляши, пляши, пляши!

Наложу тебе в затыльницу,
Целовальницу — в чернильницу.
Собирайтесь, гости званые,
Собирайтесь, прихожие,
Красноносые алтыннички,
Все Касьяны-именинники!
Очутился на улице большой шум,
Да повалился у Касьяна худой дом.
— Вы, пожалуйста, чернильницу с пером,
Лист бумаги с осударственным орлом —
Напишу царю прошеньице
За такое поношеньице.

307. ОТПОЮ Я ТРАВой-МЯТОЮ

Я стояла среди озера,
Полсапожки приморозила.

Часты дождички ударили —
Полсапожечки оттаяли.

Мой-ёт миленький не пьет винцо,
Часто ходит на мое крыльцо.

Я заметила заметочку:
У него рубашка в клеточку,

Я заметила вторую на веку:
Мой-ёт миленький не курит табаку,

Он не курит, не нюхает,
Только за щеки бухает.

Тошно, тошно: мил в Архангельско ушел,
Да растошненько — без голосу пришел,

Ручки-ножки примороженные,
Да лицо бело принадуло ветерком,

Лицо бело принадуло ветерком —
Да отпою тебя горяченьким чайком,

Отпою я травой-мятою,
Обложу сердечко ватою.

308. ДУМАЛ-ДУМАЛ СЕБЕ РАДОСТЬ ПОЛУЧИТЬ

Жил я, был я во матушке во Москве,
Сидел вечер на почтовом на дворе,
Сидел вечер на почтовом на дворе,
Позабыл я с рук перчатки на столе.
А перчаточки новенькие,
Двадцатипятирублевенькие!
Все цыганки чернобровенькие.
Хорошо цыганки пляшут да поют,
Еще лучше с купцей денежки берут.
Думал-думал себе радость получить —
Получаю от любезной письмо,
Что тако письмо не радостно,
Что под черною печаточкою.
Распечатал — сам головкой покачал,
Читать начал — полились слезы из глаз.
Побежал я на Васильевский домик
Доставать я парову машинушку.
Чуть едва-едва машинушку застал,
В три минуты до Питэра доезжал,
До Питера, до любезной до своей.
Я легонечко во сенички ступил,
Я тихохонько во горенку зашел,
Ко тесовой кровати подошел,
Размахнул я нову завесу.
— Здравствуй, милая, хорошая моя!
Что ты, любушка, хвораешь без меня?
— Я хворать-то не хвораю без тебя,
Только, миленький, скучаю об тебе:
Приезжали молодые лекаря,
Мне сказали, что не вылечить меня,
Что не вылечить, ничем не пособить.

ДЕТСКИЕ

309. У БАБУШКИ-ЗАДВОРЕНКИ

Жила-была бабушка,
Бабушка-задворенка.
У бабушки-задворенки
Было пять овечек,
Шестой барашек
Да сын-каравашек,
Да дочка-щечка,
Бурая корова
Да сивая кобыла.

310. БАЙКИ-ПОБАЙКИ

Байки-побайки,
Матери — китайки,
Отцу — кумачу,
Брату — ластовицу,
Сестре — ленточку
С позументочкой.

311. УЖ КАК СОН ХОДИТ ПО СЕНЯМ

Баю-баю, бай-баю,
Я Андрея спать валю,
Спать укладываю,
Приговариваю:
— Уж вы, Сон да Дремá,
Накатитесь на глаза!
Уж как Сон ходит по сениям,
Дрёма по терему.
Уж как Сон-то говорит:

— Нать Андрея повалить!
А Дремá-то говорит:
— Нать покрепче засыпить!
Уж ты спи, дитя, усни
Темну ночку напроход.

312. СОН ДА ДРЕМА, НАКАТИТЕСЬ НА ГЛАЗА

Б ай-баю, баю-баю,
Галю спать повалю,
Галю — в зыбочку,
На просыпочку,
В колыбелечку
На неделечку.
Уж ты спи, мое дитя,
Ты усни, мое робя.
Уж как Сон ходит по грядкам,
Дремотá бегат по лавкам.
Ищут-поищут
Точеный лучок,
Точеный лучок,
Золоченый лубок.
Сон да Дремá,
Накатитесь на глаза,
Накатитесь на глаза
Да на Галенькины!
Вот и Сон-от нашел,
И Дремота объялá,
И Галина заспала.

313. КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

П аша—сахар, Паша—мед,
Паша — óт сердца кусок,
Паша — от сердца кусок,
От ретивого щипок.
Уж я Пашеньку жалею,
Ни на что не променяю:
Ни на сахар, ни на мед,
Ни на бархат, ни на шелк.
Бархат с шелком изношу,
А Пашу нá век вырощу.

Паша вырастет большой —
Будет рыбку он ловить,
Дорогого зверя бить,
Будет уточек стрелять —
Будет маму он кормить,
Будет мамушку кормить,
Заставит уток теревить.
Уж я Пашеньку качаю,
Я качаю — величаю,
Я качаю — величаю,
Я замену себе чаю:
Будет мягкое кормление,
Будет сладкое поение,
Будет умное,
Будет разумное,
Будет тихое,
Будет смиренное.
Никогда не согрубит,
Никогда не прогневит,
Будет жалостью жалеть,
Ласкотой будет ласкать,
Будет мамой называть,
Будет родимой величать.
Милый Пашенька сынок,
Паша — ясный соколог.
Тебе крылышки привью,
Во синё небо спущу:
Будешь поверху летать,
Будешь звездочки считать.

314. ПЕСНЯ НЯНЬКИ*

Спи, отбойное,
Спи, отстойное,
Спи ты, зельице,
Зло кореньице,
Не рожоно,
Не бажоно,
Не вытешено,
Не вытешено,
Мной не выношено.

* Пелась эта песня чужому нелюбимому ребенку.

Не болела глоточка,
Не шипела пасточка,
Ты подолгу ревешь,
Мне-ка спать не даешь.
Я качать-то и качаю,
А тебя не величаю,
Я качать-то не хочу
И величать не думаю.
Тешу-потешу —
Среди поля повешу
На горьку осинку,
На самую вершинку.
Обломись, вершиночка,
Уронись ты, зыбочка,
Уронись да упади —
Злое зелье, пропади!

ПРИМЕЧАНИЯ

Б Ы Л И Н Ы

1. **ИЛЬЯ МУРОМЕЦ.** Записана 16 августа 1940 г. в д. Гарезо Усть-Цилемского района от Семена Антоновича Хозяинова, 80 лет. В былине певец свел воедино три сюжета, каждый из которых когда-то лежал в основе самостоятельной былины: исцеление Ильи, его встреча с разбойниками и борьба Ильи с Соловьем-разбойником. В первом из этих эпизодов Илью исцеляют не традиционные калики перехожие, а некий «бел старик Снежна Груда», образ которого мне нигде на Печоре более не встречался. Контаминацию еще более разнообразных сюжетов былин об Илье Муромце я встретил у Александра Михайловича Бажукова из с. Троицко-Печорского, у которого в 1940 г. записал изложенную «рассказью» «Сказку об Илье Муромце». В нее вошли сюжеты многих былин: исцеление Ильи, его первая поездка и схватка с двенадцатью тысячами татар, Илья Муромец и Соловей-разбойник, Илья и Сокольник, Илья и Идолище, Илья в опале у Владимира, Илья и Калин-царь, Илья и Жидовин, Илья и Батый-царь, Илья и Самсон Колыванович. Общий объем сказки около двух авторских листов.

2. **ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА.** Записана 8 июня 1938 г. в д. Смекаловке Нижнепечорского района от Ивана Кирилловича Осташова, 65 лет. И. К. Осташов знал одиннадцать былин, в том числе записанные мною и публикуемые в этом сборнике — «Илья Муромец и Сокольник», «Святогор и Илья Муромец», «Идолище в Киеве» и «Дюк Степанович». Былина «Первая поездка Ильи Муромца» была опубликована в моем сборнике «Печорский фольклор» (Архангельск, 1939). Вар.: Ончуков, № 19; Гильфердинг, т. II, № 74. По сравнению с текстом, записанным Н. Е. Ончуковым почти сорок лет до этого, здесь опущен эпизод освобождения Ильею Муромцем города Чернигова. В сказке А. М. Бажукова этот эпизод составил основное содержание второй главы «Первый шаг Ильи на белый свет».

3. **СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ.** Записана в 1938 г. от И. К. Осташова.

Даже Н. Е. Ончуков, изучавший в этих краях богатырский эпос, включил в свой сборник «Печорские былины» (1904) лишь прозаический пересказ былины о Святогоре (см.: Ончуков, № 61). Уже к этому времени «каждый вновь записанный вариант этой былины считался находкой», — писал проф. В. М. Сидельников в предисловии к сб. «Печорский фольклор», где была впервые обнародована эта запись. И добавлял: «Запись Н. П. Леонтьева является одним из редких вариантов».

4. **ПРО СМЕРТЬ СВЯТОГОРОВУ.** Записана в 1940 г. от С. А. Хозяинова. Былина публикуется впервые.

5. **ПРО СОКОЛЬНИКА.** Записана в 1938 г. от И. К. Осташова. Это одна из многочисленных народных обработок широко распро-

страненного в мировом эпосе сюжета единоборства отца и сына, построенного на приеме неузнавания. Публикуется впервые. Вар.: Ончуков, № 1.

6. **ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК.** Записана в начале 1938 г. в д. Голубково от Игнатия Терентьевича Маркова, 80 лет. Публикуется впервые.

7. **ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК.** Записана 1 июня 1938 г. в с. Лабожское Нижнепечорского района от Василия Петровича Тайбарейского, 74 лет. Впервые была опубликована в сб. «Печорский фольклор». Во всех трех вариантах этой былины (И. К. Осташова, И. Т. Маркова и В. П. Тайбарейского) Сокольник, после того как узнает, что Илья Муромец его отец, возвращается домой и убивает свою мать. В записанном мною прозаическом пересказе этой былины А. М. Бажуковым Сокольник не только убивает мать, но даже уговаривает ее ехать в стольный Киев-град, где их ожидала почетная встреча. Сокольник дает Илье Муромцу обещание защищать после его смерти Киев.

8. **ИДОЛИЩЕ В КИЕВЕ.** Записана в 1938 г. от И. К. Осташова. В былине отражен исторический факт — борьба с язычеством. Позже образ идола стал восприниматься как образ внешнего врага-татарина. Этот текст вдвое короче, нежели записанный П. Н. Рыбниковым от Рябина (т. I, с. 33—35). По сравнению с текстом из Н. Е. Ончукова (№ 20) этот вариант тоже короче: из памяти сказителя выпала встреча с каликою и с голыю кабацкою. Но оба эти эпизода сохранены в прозаическом пересказе А. М. Бажукова. Былина «Идолище в Киеве» впервые была опубликована в сб. «Печорский фольклор».

9. **ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ОПАЛЕ У ВЛАДИМИРА.** Записана в 1938 г. от И. К. Осташова. Исследователи фольклора единодушно признают более позднее происхождение этой былины: в ней звучат отголоски народных волнений. Оказавшись жертвой боярской клеветы, Илья отказывается слушать самого князя Владимира, а позже «он всех выбил тут бояр да кособрюхих», и сама княгиня — матушка Апраксия «в ногах его волочится», унимает его, а «солнышко Владимир... перепался, скрылся-спрятался во глубок погреб» и под конец «пал старому по праву ногу», земными поклонами просил у Ильи прощения. Вар.: Ончуков, № 2.

10. **ПРО СОЛНЫШКО ВЛАДИМЕРА.** Записано 19 августа 1940 г. в с. Усть-Цильме от Василия Прокопьевича Носова, 75 лет. Публикуется впервые.

11. **ПРО ЖЕНИТЬБУ ВЛАДИМЕРА.** Записано в 1938 г. от И. К. Осташова. Эту былину, как и предыдущий ее вариант, некоторые былинщики Печоры называли иначе — «Дунай Иванович». Он — главное действующее лицо. Оба текста былины публикуются впервые. Вар.: Гильфердинг, т. II, № 94.

12. **ДОБРЫНЯ И КАЛИН-ЦАРЬ.** Записана в 1938 г. от В. П. Тайбарейского. Специалисты связывают сюжет былины с историческим событием — первой битвой русских с татарами на реке Калке в 1224 г., хотя в былине отразилось и более позднее время — московское единоедержавие. Вариант был опубликован в сб. «Печорский фольклор». Обычно в этой былине с Калином-царем борется не Добрыня а Илья Муромец. В более поздних текстах место Ильи занимает Ермак Тимофеевич. Вар.: Рыбников, т. I, № 57.

13. **ДУНАЙ ИВАНОВИЧ И БАТУЙ КАЙМАНОВИЧ.** Записана в 1938 г. от В. П. Тайбарейского. Некоторые исследователи временем возникновения былины считают XV—XVI вв. и связывают ее с историческим событием времен Ивана III — с прекращением уплаты дани татарам. Этот вариант был впервые опубликован в сб. «Печорский фольклор».

14. **ВАСИЛИЙ — ЦАРЬ ТУРЕЦКИЙ И СОЛОМОН.** Записана от В. П. Тайбарейского. Публиковалась в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Ончуков, № 27; Рыбников, т. I, № 94.

15. **ПРО ЛУКУ СТЕПАНОВИЧА.** Записана в конце июня 1938 г. в п. Красное Нижнепечорского района от Григория Андреевича Карманова, 57 лет. Вар.: Гильфердинг, т. II, № 163.

16. **ПРО ИВАНА ГОРДЕНОВИЧА.** Записана в 1938 г. от В. П. Тайбарейского. В основу сюжета положены не только былинные, но и сказочные мотивы. Впервые была опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Ончуков, №№ 45, 80, 86.

17. **ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.** Записана в 1938 г. от И. К. Осташова. Публикуется впервые. Вар.: Киреевский, 1977, т. I, №№ 12, 13.

18. **ПРО ДЮКА СЫНА СТЕПАНОВИЧА.** Записана в 1940 г. от В. П. Носова. Публикуется впервые. Вар.: Гильфердинг, т. III, № 230; Ончуков, № 24.

19. **ДЮК СТЕПАНОВИЧ.** Записана в 1938 г. от И. К. Осташова. Впервые опубликована в сб. «Печорский фольклор». Возникновение былины относится к XII—XIII вв. Место возникновения — Галицко-Волынское княжество. Былина косвенно отражает борьбу Галицко-Волынского княжества с Киевским княжеством в древней Руси. Построена былина по мотивам средневековой повести «Сказание об Индии богатой».

20. **ПОТАНЮШКА ХРОМЕНЬКИЙ И КОСТРЮК ТЕМРЮКОВИЧ.** Записана в 1938 г. от В. П. Тайбарейского. Сюжет былины связан с историческим фактом — женитьбой царя Ивана Грозного на черкешенке Марии Темрюковне, имевшей брата Кострюка Темрюковича. Опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Ончуков, №№ 77, 91, 98.

21. **ПРО ИВАНА ГОДИНОВИЧА.** Записана в 1938 г. от И. Т. Маркова. Оригинал этой, полностью записанной мною былины, к сожалению, утрачен. Отрывок из нее публикуется впервые. Вар.: Рыбников, т. II, №№ 10, 93.

22. **ПРО ИВАНА ГОДИНОВИЧА** (отрывок из былины). Записан летом 1940 г. в д. Подчерем от Марфы Ильиничны Мезенцевой. Публикуется впервые.

Причитания

Воинские

23. **ПРИШЛА СЛУЖБА ЕМУ ЦАРСКАЯ.** Записано в 1938 г. в Нарьян-Маре от Маремьяны Романовны Голубковой, 45 лет. Так плакали матери рекрутов перед их отъездом на «призыв».

24. **ВО СОЛДАТАХ-ТО ЕМУ БЫТИ.** Записано 15 апреля 1938 г. в д. Голубково от М. Р. Голубковой. Это — причитание матери по уехавшему на «призыв» сыну.

25. **ТАМ ПОСТЕЛЬ ТЕБЕ НЕ ПОСТЕЛЕНА.** Записано в 1940 г. в Москве от М. Р. Голубковой. Так она плакала по брату Алексею Пашкову в первую империалистическую войну.

26. НА ВОЙНУ ЛИ ДА НА ЗЛОДЕЙКУ. Записано в 1940 г. в Москве от М. Р. Голубковой. До этого на просьбу проплакать плач по любимому мужу, уходящему на войну, она ответила: мол, у нее такого мужа не было. «А ты вспомни, как другие в этом случае плакали!»... В ответ на это последовала записанная мной на полях тетради реплика: «Все ревут да плачут — где упомнишь! Да чужой-то (плач. — Н. Л.) мне не для чего было и запомнить: у каждой из нас свои плачи были сложены».

27. НА КОГО ТЫ НАС СПОКИДАЕШЬ? Записано в 1938 г. в с. Виске от Елизаветы Ивановны Безумовой, 58 лет.

28. ВОЗДЫХАТЬ О ТЕБЕ НЕ ДУМАЮ. Записано в 1940 г. от М. Р. Голубковой. Это ее напутствие мужу-тирану.

О старой горькой жизни

29. РОДИЛА МЕНЯ МАМА, ДА НЕ ПРИБРАЛА ЯМУ. Записано в конце 1939 г. в Москве от М. Р. Голубковой. Плач был сложен еще в пору ее отрочества, когда она работала и нянькой, и работницей.

30. ДВА ГОРЯ ВМЕСТЕ — ДА ОХТИ МНЕ! Записано 6 июня 1938 г. в д. Пылевец от Анны Егоровны Поповой, 54 лет.

31. МОЕ ВДОВЬЕ ЖИТЬЕ СИРОТСКОЕ. Записано в 1938 г. в Нарьян-Маре от Матрены Федоровны Просвирниной.

32. ОТ ВЕЛИКОГО БЕЗВРЕМЬЯ. Записано в 1938 г. от М. Ф. Просвирниной.

33. Я НЕ ЖИЗНЬ ЖИЛА—ГОРЕ МЫКАЛА. Записано в 1938 г. в д. Голубково от М. Р. Голубковой. Своеобразный этот сказ о горькой жизни вылился у ней на могиле второго мужа после смерти которого она осталась одна с малолетними детьми.

Похоронные

34. Я ИЗ РУК ЕГО ОПУСТИЛА. Записано в 1938 г. от М. Ф. Просвирниной. По ее словам, это дословный плач ее об умершем муже.

35. УКРОТИЛИ ЕГО ВЕКИ ДОЛГИЕ. Записано в 1940 г. в Усть-Цильме от Ирины Григорьевны Дуркиной, 82 лет. Плач по мужу.

36. ВЗГОВОРИ СО МНОЙ, ГОВОРОК-ЯЗЫК! Записано в 1940 г. от И. Г. Дуркиной. Плач по мужу.

37. РАСПРОКЛЯТА ТЫ, ВОЙНА-ЗЛОДЕЙКА! Записано в 1938 г. в д. Бедовое от Ольги Кирилловны Кожевиной, 70 лет. Плач по мужу Степану Трофимовичу, погибшему в первую мировую войну.

38. ВО ЖИВЫХ-ТО ЕМУ БЫТЬ ВЕКИ. Записано летом 1943 г. в Большеземельской тундре от М. Р. Голубковой. Это ее плач, сложенный при получении известия о гибели младшего сына Андрея на фронте.

39. ПАЛ ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ ВОЛЬНУЮ. Записано летом 1943 г. от М. Р. Голубковой после гибели ее старшего сына Павла.

Свадебные

40. Я ЦВЕЛА ЛИ, ДА В ПОЛЕ ЯГОДКА. Записано в 1938 г. в Нарьян-Маре от М. Р. Голубковой. Невеста пеняет родителям.

41. ЗЛОДЕЮ ДА СВАТУ БОЛЬШЕМУ. Записано в феврале

1938 г. в с. Виске от Калерин Ивановны Коткиной, 49 лет. Плач адресовался свату как главному виновнику несчастной доли невесты.

42. ПОЧЕМУ ПРИШЛИ, ГОСТИ НЕЗВАНЫ? Записано в 1940 г. от И. Г. Дуркиной.

43. ВОЛЯ МНЕ БЫЛА ПРИВОЛЬНАЯ. Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Невеста после предсвадебной гостьбы благодарит родственников.

44. КАК ПРИЕДУТ-ТО ЗЛЫ РАЗЛУЧНИКИ. Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Невеста плачет перед тем, как мать начинает «затирать пиво».

45. МОЮ ВОЛЮ ВЫ ОТПЕВАЕТЕ. Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Невеста благодарит подруг за песни.

46. МОЛОДОСТЬ ЗА ЕДИНЫЙ ЧАС ПОКАЗАЛАСЯ. Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Невеста причитает, обращаясь к подругам.

47. ТЫ СНИМИ С МЕНЯ ДЕВЬЮ КРАСОТУ. Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Невеста плачет, обращаясь к матери перед расплетением косы.

48. ТЫ ЗАЧЕМ НА МЕНЯ ПРОГНЕВИЛАСЬ? Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Невеста обращается к матери после «снятия красоты».

49. УЖ ТЫ УМНАЯ МОЯ ДОЧЬ, РАЗУМНАЯ! Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Мать отвечает на попреки дочери-невесты после «снятия красоты».

50. НА БОЛЬШОМ ДЕВЬЕМ ВЕЧЕРЕ. Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Плач невесты на девичнике — «девичинский» плач.

51. УЖ МЫ ЖИЛИ, ДВЕ КРАСНЫ ДЕВУШКИ. Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Прощальный плач с задушевной подругой.

52. РАЗОДВИНЬТЕСЬ-КО, ЛЮДИ ДОБРЫЕ! Записано летом 1940 г. от Степаниды Ивановны Поздсевой, 26 лет. Подруги приглашают невесту в баню.

53. НЕ МОГЛА Я СМЫТЬ ТОСКИ-КРУЧИНУШКИ. Записано в 1940 г. от И. Г. Дуркиной. Невеста плачет после бани.

54. ИЗ ЖАРКА ПЛАМЯ ВО ПАЛЮЧ ОГОНЬ. Записано в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Невеста пеняет матери.

55. ОДОЛЯТ МЕНЯ ДЕТИ МАЛЫЕ. Записано в 1940 г. от И. Г. Дуркиной. Одна из последних просьб невесты к отцу перед отъездом из родного дома.

56. ВЫ КУДА ПРИШЛИ, ГОСТИ НЕЖДАНЫ? Записано в 1940 г. от И. Г. Дуркиной. Невеста перед последним «столом» у родителей.

57. БЕЛОЙ ЛЕБЕДЬЮ ВОЛЯ УЛЕТЕЛА. Записано в 1941 г. в Москве от М. Р. Голубковой. Плач, обращенный сначала к «друзьям», вручившим невесте подарки и, по обычаю, спрашивающим ее о здоровье. Во второй половине плача — упреки в адрес матери.

58. ГРОЗА СО МНОЙ НАРЯЖАЕТСЯ. Записано в 1940 г. от И. Г. Дуркиной. Это последний плач невесты при отправлении из родного дома.

Песни Исторические

59. СКОПИН. Записана 2 июня 1938 г. в д. Лабожское от В. П. Тайбарейского. В основе песни лежит народная легенда об отравлении Скопина женой его брата Дмитрия — дочерью Малюты Скуратова. Впервые опубликована в сб. «Печорский фольклор» Вар.: Ончуков № 60.

60. ДЕВУШКА В ТАТАРСКОМ ПОЛОНЕ. Записана в 1940 г. в с. Подчерем от М. И. Мезенцевой, 70 лет. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, №№ 234, 236 и 237.

61. ПРО ЮРЬЯ ПЕТРОВИЧА ДОЛГОРУКОГО. Записана в 1940 г. от М. И. Мезенцевой. Песня эта перекликается с песнями о князе Гагарине, казненном за взяточничество и казнокрадство. Вар.: Киреевский, 1977, т. I, с. 104—108.

62. КАЗАНЬ-ГОРОД НА КРОВИ СТОИТ. Записана в 1940 г. в с. Усть-Цильме от Ивана Ивановича Кислякова, 71 года. В песне косвенно отразились события, связанные со взятием Казани Иваном Грозным в 1552 г. Вар.: Чулков, 1913, ч. II, с. 423—424.

63. ПРО СТЕНЬКУ РАЗИНА. Записана в 1940 г. от М. И. Мезенцевой. В песне идет речь о походе Степана Разина на Астрахань. Этот город был взят разинцами в июне 1670 г. В песне отразились легенды о неуязвимости Разина. Вариант записан мною также в 1940 г. в д. Гаревое от Осипа Семеновича Хозяинова, 63 лет. Вар.: Пальчиков, № 41. Это менее полный текст, чем в публикуемой записи.

64. ПРО СЫНА СТЕПАНА РАЗИНА. Записана в 1938 г. в д. Голубково от М. Р. Голубковой и Е. В. Пашковой. «Сынок» — один из агентов Степана Разина, посланный на разведку в город и схваченный властями. Один из вариантов этой песни был записан А. С. Пушкиным в 1824 г. в с. Михайловском. Записанный мною вариант был впервые опубликован в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Ончуков, №№ 5, 8, 60.

65. ПРО ПЛЕМЯННИКА СТЕНЬКИ РАЗИНА. Записана в 1938 г. от Е. И. Безумовой. Первоисточником этой песни послужил исторический факт: заключение прусским королем русского генерала Захара Григорьевича Чернышева в крепость г. Кюстрина. Впоследствии, во время пугачевского восстания, соратники Емельяна Пугачева называли себя именами видных деятелей второй половины XVIII века. В частности, Чика (Зарубин) принял имя Захара Григорьевича Чернышева. Отсюда и переработка старой народной песни. А осмысление Пугачева как преемника Степана Разина послужило поводом для того, чтобы помощник Пугачева был назван «Стеньки Разина племянником». Эта песня была опубликована в сб. «Печорский фольклор» под названием «Над городом Кострыминым». Вар.: Ончуков, № 42.

66. ПРО ПЕЧОРСКОГО СТЕНЬКУ РАЗИНА. Записана в 1940 г. от М. И. Мезенцевой. На Печоре считают, что песня эта про разбойника Лебяжного Гань-Ивана (Ивана Гавриловича), грабившего богачей и раздававшего добычу беднякам. Вот краткий комментарий сказительницы: «В 25 километрах выше нас жил разбойник Лебяжный. Он гулял по низовьям Печоры. А потом его схватили и повезли в Москву». От нее же мною записана легенда про Гань-Ивана (в прозе).

67. ПРО НАШЕСТВИЕ ФРАНЦУЗОВ. Записана в 1938 г. от

В. П. Тайбарейского. Он — едва ли не единственный человек на Печоре, не забывший к тому времени эту песню.

68. ПРО ПЛАТОВА-КАЗАКА. Записана в 1938 г. в с. Виске от Егора Ивановича Дитятева. Другой вариант этой песни записан мной в 1940 г. от М. И. Мезенцевой. Вар.: Киреевский, 1977, т. I, №№ 127—132. Истоки свои эта песня берет от времен Семилетней войны (взятие Берлина).

69. ПРО ГРАФА ПАСКЕВИЧА. Записана весной 1938 г. в д. Голубково от И. Ф. Голубкова. Опубликовано в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Линева, вып. II, № 20.

70. ЭИ ВЫ, СИНИЕ МУНДИРЫ. Записана в 1937 г. в д. Пустозерск от Евдокии Ивановны Шайтановой, 70 лет. Уроженка Онежского района Архангельской области, она в ранней молодости работала на фабриках в Петрограде, а затем, после выхода замуж, еще до революции, приехала в Пустозерск. Здесь она дружила со ссыльными, число которых на Печоре в ту пору доходило до 300 человек, от них и переняла свои песни.

71. ЦАРЬ ИСПУГАЛСЯ. Записана в 1937 г. от Е. И. Шайтановой. Она переняла ее от ссыльного Кузьмы Бузе.

Разбойничьи и потюремные

72. УЖ ТЫ МУЖ ЛИ МОЙ ДА РАЗБОЙНИЧЕК. Записана в 1940 г. от М. Р. Голубковой. Вариант этой песни записан мною и от М. И. Мезенцевой. Вар.: Киреевский, 1977, т. I, № 252.

73. ПЛЫВЕТ ЛОДОЧКА ВОРОВСКА-КОСНА. Записана в 1940 г. от М. И. Мезенцевой. Вариант записан мною в этом же году и от О. С. Хозяинова в д. Гареве. Вар.: Киреевский, 1977, т. I, № 259; Чулков, № 187.

74. СКАЖИ, СКАЖИ, ДЕВУШКА, СКАЖИ, КОГО ЛЮБИШЬ. Записана в 1938 г. от Е. И. Безумовой. Вар.: Киреевский, 1977, т. I, № 341.

75. Я В ТЮРЬМЕ-ТО СИЖУ ДА ЗА ОКНО ГЛЯЖУ. Записана в 1940 г. от М. Р. Голубковой. Варианты записаны в с. Троицко-Печорском от Е. П. Бажуковой, 65 лет, А. Н. Кузнецовой, 30 лет, и от М. Д. Пыстиной, 38 лет.

76. МОЛОДЕЦ В ТЮРЬМЕ СЛЕЗНО ПЛАЧЕТ. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Вар.: Киреевский, 1977, т. I, № 356.

Рекрутские и воинские

77. РОДНА МАТУШКА-ТО ПЛАЧЕТ ДО ГРОБНОЙ ДОСКИ. Записана в 1940 г. от М. Р. Голубковой. Варианты — от Е. П. Бажуковой, М. Д. Пыстиной и А. Н. Кузнецовой. Вар.: Киреевский, 1977, т. III, с. 136, 143; Соболевский, т. I, с. 365.

78. ВЕРНО, БОГ СУДИЛ ДА ВО СОЛДАТАХ БЫТЬ. Записана в 1936 г. в д. Омы от Е. П. Кокиной, 72 лет. Песня опубликована в сб. «Печорский фольклор». Варианты этой песни записаны в 1940 г. в с. Усть-Цильме от И. И. Кислякова и от М. Р. Голубковой. Вар.: Гиппиус — Эвальд, № 136; Киреевский, 1977, т. I, №№ 170—172.

79. ЗНАТЬ-ТО, МНЕ-КА, МОЛОДЦУ, ВО НЕСЧАСТЬИ БЫТЬ. Записана в 1936 г. от М. Р. Голубковой. Варианты записаны в 1936 г. в д. Тельвиске от С. К. Слезкина (опубликован в сб. «Печорский фольклор»), а также в 1940 г. в с. Троицко-Печорском от М. Д. Пыстиной, А. Н. Кузнецовой и Е. П. Бажуковой. Вар.: «Сказ-

ки и песни Вологодской области», 1955, № 152; Киреевский, 1977, № 177.

80. НАШЛА ДРУЖКА-ТО СЕБЕ ПАРНЯ ЧЕНАДОЛГО. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, с. 149, 176.

81. ПОВЕЗЛИ ВАНЮ В СОЛДАТЫ. Записана от М. Р. Голубковой. Варианты — в 1938 г. в с. Виске от Калерии Ивановны Коткиной, 49 лет, и в д. Пылевец от Анны Егоровны Поповой, 54 года. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, № 173.

82. ИЗ ДВУХ ЛЮБИШЬ КОТОРОГО? Записана в 1936 г. в Нарьян-Маре от неродной внучки М. Р. Голубковой, большой любительницы старинных песен, Паши Голубковой, 18 лет. Вариант — в 1940 г. от М. Д. Пыстинной.

83. УЖ ТЫ, МОЕ ДИТЯТКО, ПРОСТИМСЯ СО МНОЙ! Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, №№ 246 и 247.

84. МЫ НЕ ПЕСИЮ-ТО ПЕЛИ, БРАТЦЫ, А ГОРЕ МЫКАЛИ. Записана в 1938 г. от Е. И. Безумовой. Вариант этой песни был записан от М. Р. Голубковой. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, №№ 205, 206, 208.

85. ОТЧЕГО ТАК СИНЕ МОРЕ ЗАСТОНАЛО? Записана в 1957 г. от М. Р. Голубковой. Вариант, записанный от нее же и опубликованный в сб. «Печорский фольклор», был менее полным. Вар.: Гиппиус — Эвальд, № 90.

86. РАСКОЛИСЬ, МОЕ СЕРДЦЕ, НАДВОЕ! Записана в 1957 г. от М. Р. Голубковой. Вариант, записанный мною в 1936 г. от Е. П. Кокиной и опубликованный в сб. «Печорский фольклор», вдвое короче. Вар.: Соболевский, т. V, №№ 725—727; Гиппиус—Эвальд, № 57.

87. ЗЛА-ЗЛОДЕЙКА НЕЗНАКОМАЯ. Записана в 1938 г. в д. Голубково от И. Ф. Голубкова.

88. Я ВДОВЕЮ С ГОДОМ ДВАДЦАТЬ. Записана в 1938 г. от И. Ф. Голубкова. Варианты записаны мной в 1940 г. в с. Усть-Цильме от И. Г. Дуркиной и И. И. Канева, 71 года.

89. НЕ ДУБРОВУШКА ШУМИТ. Записана в 1938 г. от И. Ф. Голубкова. Вариант записан мной в 1938 г. в д. Пылевец от А. Е. Поповой. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, №№ 87—90.

90. ПОМЕР, ПОМЕР КАЗАЧЕНЬКО УТРОМ РАНЫМ-РАНО. Записана в 1940 г. от М. И. Мезенцевой.

91. ТУТ-ТО ШЛА-ПРОШЛА СИЛУШКА АРМИЯ. Записана от М. Р. Голубковой. Песня опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Гиппиус—Эвальд, № 136.

92. КАК В АРМЕЮШКЕ ЖИВАЛИ. Записана в 1938 г. от И. Ф. Голубкова. Это — несколько сокращенный вариант песни «Казак». Имя Платова здесь уже выпало.

93. КАК НАМ ГОРЬКИХ СЛЕЗ НЕ ЛИТЬ. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Песня опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, №№ 180, 181.

94. СЕРДЕЧКО ЧУВСТВУЕТ ПОХОД. Записана в 1938 г. в Нарьян-Маре от М. Ф. Просвириной. Песня напечатана в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, № 193.

95. НЕ ПОЛЫНЬ-ТРАВОНЬКА ВО ПОЛЕ. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной. Песня напечатана в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, № 156.

96. ТЫ СКАЖИ-КО ИМ КОНЬ, ГДЕ ТОВАРИЩ ТВОЙ. Записана от М. Р. Голубковой.

97. ПОЛЮБИЛА Я ДА ПАРНЯ ДАЛЬНЕГО. Записана в 1940 г. в Усть-Усе от С. И. Поздеевой.

98. НЕ ОТЕЦ ДА МАТЬ В СОЛДАТЫ СПРОВОЖАЮТ. Записана в 1957 г. в Москве от М. Р. Голубковой. Раньше эту песню на Печоре пели как продолжение песни «Вдоль по Питерской по славной по дорожке». Позднее М. Р. Голубкова уточнила, что это две разные песни.

99. В УЩЕЛЬЕ В КАРПАТСКИХ ГОРАХ. Записана от Е. И. Безумовой. Перепято ею от мужа, пришедшего с германской войны.

100. НАША СИЛУШКА БОЛЬША. Записана в 1938 г. от И. Ф. Голубкова.

101. ПОД РАКИТОЙ — СОЛДАТИК УБИТЫЙ. Записана от М. Р. Голубковой. Женщины Печоры знали воинские песни, т. к. их сыновья и мужья воевали.

Праздничные винограды

102. БОЛЬШОЕ ВИНОГРАДЬЕ. Записано в 1940 г. в Москве от М. Р. Голубковой. Это величание хозяев, в котором участвуют как мужчины, так и женщины.

103. МУЖСКОЕ ВИНОГРАДЬЕ. Записано в 1940 г. от М. Р. Голубковой. Это величание, адресуемое лишь мужчинам.

104. ДЕВЬЕ ВИНОГРАДЬЕ. Впервые записано в 1940 г. от М. Р. Голубковой. Позднее, в 50-х годах, от нее же записан более полный вариант, публикуемый здесь. Это величание предназначалось исключительно для девушек невестного возраста.

105. РЕБЯЧЬЕ ВИНОГРАДЬЕ. Записано в 1940 г. от М. Р. Голубковой. Оно исполнялось ребятами и девчонками, ходившими из дома в дом в качестве «христославов».

106. ДЕВЧОНОЧЬЕ ВИНОГРАДЬЕ. Записано в 1938 г. от Е. И. Безумовой. Исполнялось исключительно девчонками младшего возраста. Иногда подростки-«христославы» присоединяли его к своему «ребячьему виноградыю» как концовку, но пели ее одни девочки.

Свадебные

107. ИЗЛОМАЛ ОН ЗЛАЧЕН ПЕРСТЕНЬ. Записана в 1937 г. от Е. И. Шайтановой.

108. УТОРИЛ ДОРОЖКУ ИВАН-ГОСПОДИН. Записана в 1937 г. от Е. И. Шайтановой. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, № 360.

109. ТЫ НА ТО, ДУША, ПРЕЛЬСТИЛАСЯ. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Вариант записан мной также в 1938 г. от К. И. Коткиной.

110. МНЕ НОЧЕСЬ МАЛО СПАЛОСЬ. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Есть вариант, записанный в 1936 г. от Паши Голубковой. Вар.: Гиппиус—Эвальд, № 121.

111. УЖ ВЫ ВЕЙТЕСЬ, КУДРИ-КУДЕРЦЫ. Записана от М. Р. Голубковой. Вариант, записанный в 1936 г. от Паши Голубковой, ни в какое сравнение с полным текстом не идет: настолько он короток.

112. ТЫ ОСТАВЬ ОДНИ ШИРОКИ ВОРОТА. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Опубликовано в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Гиппиус—Эвальд, № 97.

113. А СУРЯДИТЬ К ВЕНЦУ НЕКОМУ. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Вар.: Киреевский, в. 1-й, № 8. (записана в Холмогорах Архангельской губернии).

114. НЕ ХОДИ ДА НЕ ПОХАЖИВАЙ. Записана в 1937 г. от Е. И. Шайтановой. Опубликовано в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, № 366.

115. БЕЖАЛА КАРЕТА НЕ ПРОСТА — ЗОЛОТЯ. Записана от М. Р. Голубковой. Вариант — от Паши Голубковой. Оба текста почти несопоставимы по объему: настолько быстро молодым поколением забываются старые песни. Вар.: Гиппиус—Эвальд, № 121.

116. УЖ Я САМ ТЕБЯ ВЫВЕДУ ИЗ-ЗА ЭТОГО ДЕРЕВЦА. Записана от М. Р. Голубковой.

117. ВО СВЕТИЦЕ ДЕВИЦА СИДИТ. Записана от М. Р. Голубковой.

118. ШИРОКА РЕКА В ДОЛИНУ ШЛА. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, № 372.

119. ПРОСИМ МИЛОСТИ ДА В ПАРНУ БАЕНКУ. Записана от М. Р. Голубковой. Пелась подругами, топившими баню для невесты.

120. ОДИН НОЧКА С ТОБОЙ НОЧЕВАТИ. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, № 376.

121. НЕУЖЕЛИ ТЫ, МАРЬЮШКА, БУДЕШЬ МОЯ? Записана от М. Р. Голубковой.

122. МНЕ-КА НАДОБНО-НАДО БОГОСУЖЕНАЯ. Записана от М. Р. Голубковой.

123. НЕЖДАННЫ ГОСТИ НАЕХАЛИ. Записана от М. Р. Голубковой.

124. СТОИТ ЧАРА ПЕРЕД НАМИ. Записана от А. Е. Поповой.

125. КТО ЖЕ, КТО ЖЕ ХОДИТ ПО ТЕРЕМУ. Записана от М. Р. Голубковой.

126. ТЫ КАМОЧКА, КАМОЧКА МОЯ. Записана от М. Р. Голубковой.

127. КОМУ БАРХАТ КУПИТИ? Записана от М. Р. Голубковой.

128. ПО ГОРНИЦЕ-СВЕТИЦЕ СТОЯТ СТОЛЫ ДУБОВЫ. Записана от М. Р. Голубковой. Поется на свадьбах молодым замужним гостям.

129. ПОЕЗЖАЙ КО СИНЮ МОРЮ. Записана от М. Р. Голубковой. Песня исполнялась во время свадеб замужним гостям, имеющим сына.

130. ЧТО МОЛОДУШЕК У НАС ПРИБЫВАЕТ. Записана от М. Р. Голубковой. Впервые песня была опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Чулков, № 150.

Лирические

131. НЕ ЛЕТАЙ ТЫ, СОКОЛ, ВЫСОКО. Записана от М. Р. Голубковой.

132. НА ТОЙ КРАСОТЕ-ГОРЕ ВСЕ ЛЕБЕДУШКИ СИДЯТ. Записана в 1936 г. от Паши Голубковой.

133. ПОСПЕВАЙТЕ, ПОСПЕВАЙТЕ, ВКУСНЫ ЯГОДЫ МОИ. Записана в 1933 г. от К. И. Коткиной.

134. Я БЫЛА, ЛЕБЕДУШКА, НА СИИЕМ МОРЕ. Записана в 1940 г. от М. Д. Пыстиной, А. Н. Кузнецовой и Е. П. Бажуковой.

135. ТЫ КАЛИНУШКА-МАЛИНУШКА МОЯ. Записана от М. Р. Голубковой.

136. НЕРАЗЛУЧНАЯ ЛЮБОВЬ НАША С ТОБОЙ. Записана в декабре 1936 г. в д. Тельвиске от Сергея Константиновича Слезкина, 70 лет. Вар.: Рыбников, т. III, с. 142—143.
137. ОТОШЛЮ Я ГРАМОТКУ ЖАЛОСТНЫМ РОДИТЕЛЯМ. Записана от М. Р. Голубковой.
138. НЕ ОТ ЖАРУ ЦВЕТИК ВЯНЕТ — ОТ ХОЛОДНЫЕ РОСЫ. Записана от М. Р. Голубковой.
139. ВЫХОДИЛА ДА КРАСНА ДЕВИЦА. Записана от М. Р. Голубковой.
140. МИЛЫЙ ГЛЯНЕТСЯ ХОРОШ. Записана от М. Р. Голубковой.
141. НА РАССВЕТЕ Я УСНУЛА НА ЧАСОК. Записана от А. Е. Поповой.
142. ДУБОВЫЕ ЛИСТОЧКИ, ВСЕ ОНИ ШУМЯТ. Записана в 1940 г. от О. С. Хозяинова.
143. ТЫ НОЧУЙ, ПАРЕНЬ ЛЮБЕЗНЫЙ, НОЧУЙ НОЧКУ У МЕНЯ. Записано в д. Гареве от А. В. Хозяиновой, 23 лет.
144. МНЕ-КА НАДОБНО УВИДЕТЬ СЕРДЕЧНОГО ДРУЖКА. Записана в 1938 г. в с. Виске от Е. И. Безумовой, К. И. Коткиной и Е. И. Дитятева. Опубликовано в сб. «Печорский фольклор».
145. ПРИЛЕТЕЛ СИЗОЙ ГОЛУБЧИК К МОЕМУ ДОМУ. Записана от М. Р. Голубковой.
146. СО РУГАНЬИЦА СТАЛА ДЕВКА ПЛАКАТЬ. Записана в 1937 г. от Паши Голубковой. Впервые опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Соболевский, т. III, № 330.
147. НЕ ВЕЛЯТ ПАРНЯ-МОЛОДЧИКА ЛЮБИТЬ. Записана в 1938 г. от Е. И. Безумовой.
148. ТОЛЬКО НРАВИТСЯ МНЕ МИЛЕНЬКИЙ ДРУЖОК. Записана в 1938 г. от Е. И. Безумовой.
149. ПРИРАСПЛАКАЛАСЬ КРАСНА ДЕВИЦА. Записана от М. Р. Голубковой. Вариант песни был записан от соседей Голубковой — Натальи Петровны, 59 лет, и ее мужа Семена Петровича, 70 лет, Коротаевых (опубликован в сб. «Печорский фольклор»), а также в д. Тельвиске от С. К. Слезкина.
150. ВСЮ ОСЕННЮ ТЕМНУ НОЧКУ НЕ СЫПАЛА. Записана в 1938 г. от А. Е. Поповой.
151. СГОВОРИЛА МЕНЯ МАМЕНЬКА РОДИМА. Записана в 1940 г. от О. С. Хозяинова. Это вариант предыдущей песни.
152. ВЫ ЛЕТИТЕ, МОИ ВЗДОХИ. Записана от М. Р. Голубковой.
153. ПЛАЧЕТ АННУШКА СЛЕЗАМИ. Записана в 1940 г. в с. Усть-Усе от С. И. Поздеевой. Родом она из Усть-Цильмы.
154. СЛОВЕЧУШКО МОЛВИЛА Я, МОЛВИЛА. Записана в 1938 г. от А. Е. Поповой.
155. Я БЫ РОВНЮШКУ УТЕШИЛА. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой. Опубликовано в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Киреевский, вып. 1, № 1109.
156. РАЗОРВЕТСЯ МОЕ СЕРДЦЕ, СЛЕЗНО ПЛАКУЧИ. Записана от Е. И. Безумовой.
157. С КЕМ МНЕ ЗИМУ ЗИМОВАТЬ? Записана в 1938 г. от А. Е. Поповой.
158. ПОД ЯБЛОНЬЮ, ПОД КУДРЯВОЮ. Записана от М. Р. Голубковой.

159. ПОЕЗЖАЙ, ЛЮБЕЗНЫЙ, ВО ДОРОЖЕЧКУ. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной.

160. СО ВСЕГО СВЕТА ПРИШЛА КО МНЕ БЕДА. Записана от Е. И. Безумовой.

161. РАССТАНЮШКИ С МИЛЕНЬКИМ ДА ТЯЖЕЛЕНЬКИ. Записана в 1938 г. от Е. И. Безумовой.

162. Я ВЗВИЛАСЬ БЫ, ПОЛЕТЕЛА — ГДЕ МОЙ МИЛЕНЬКИЙ ЖИВЕТ. Записана от М. Р. Голубковой.

163. ВЫСОКО СОКОЛ ЛЕТАЕТ. Записана от М. Р. Голубковой.

164. МНЕ НАВСТРЕЧУ МОЙ МИЛОЙ. Записана от М. Р. Голубковой.

165. СПРОШУ У СОЛОВЬЮШКИ. Записана от М. Р. Голубковой. Впервые опубликована в сб. «Печорский фольклор».

166. ОДИН ВСЕХ МИЛЕЕ. Записана от М. Р. Голубковой.

167. САМА ЗНАЮ-ОТГАДАЮ ВСЕ ТВОИ ЗАГАДКИ. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Киреевский, вып. 2, ч. 1, № 1469; Соболевский, т. 1, № 463.

168. СКАТИЛОСЬ КОЛЕЧКО СО ПРАВОЙ РУКИ. Записана от М. Р. Голубковой.

169. ЗА РЕЧКОЙ ЗА БЫСТРОЙ СЛОБОДКА СТОИТ. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Линева, № 10.

170. ШЕЛ-ТО МИЛОЙ БЕРЕЖКОМ. Записана от М. Р. Голубковой. Вариант этой песни (от Н. П. Коротаевой) был опубликован в сб. «Печорский фольклор». Текст М. Р. Голубковой полнее. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, №№ 306—307.

171. ПОШЛИ ДЕВУШКИ ДА В ЛЕС ЗА КАЛИНОЙ. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Гиппиус—Эвальд, № 66.

172. МНЕ НЕ ДОРОГИ ПОДАРКИ. Записана от М. Р. Голубковой.

173. В РЕТИВОМ-ТО СЕРДЦЕ ДА ЗАЗНОБУШКА. Записана от М. Р. Голубковой.

174. ПОЛЮБИЛА Я ДА ДРУЖКА ДАЛЬНЕГО. Записана от Клавдии Шальковой.

175. ЗАКРУЧНИЛСЯ-ЗАПЕЧАЛИЛСЯ УДАЛ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной.

176. ТЫ ПОЛЫНЬ-ПОЛЫНЬ, ТРАВА ГОРЬКАЯ. Записана от М. Р. Голубковой.

177. ССЕКУ-СРУБЛЮ Я РЯБИНУШКУ ВОЗЛЕ САМУ ЗЕМЛЮ. Записана от А. Е. Поповой.

178. ПИШИ ПИСЬМА ПОСКОРЕЕ! Записана в 1940 г. от М. Д. Пыстиной, А. Н. Кузнецовой и Е. П. Бажуковой.

179. ВЕЧОР-ВЕЧОР МОЛОДЕЦ. Записана от Е. И. Безумовой и М. Р. Голубковой. Вар.: Киреевский, 1977, т. 1, № 296.

180. НЕ ПО НРАВУ ЖЕНУ ВЗЯЛ. Записана в с. Усть-Цильме от М. Я. Ермолина.

181. ПРИВЯЗАЛАСЬ ТОСКА-ЗЛА КРУЧИНУШКА. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной. В опубликованном в сб. «Печорский фольклор» тексте была искажена первая строка. Ныне она дана в точной записи. Вар.: Гиппиус—Эвальд, № 28.

182. ВО СЛЕЗАХ ПИСЬМА ПИСАЛА. Записана от М. Р. Голубковой.

183. ТЫ ВЕЛИШЬ ЛИ МНЕ, ЛЮБЕЗНЫЙ, БЕЛО ПРИУМЫТЬСЯ? Записана от М. Р. Голубковой.

184. УЖ ВЫ ВЕТРЫ МОИ, ВЕТЕРОЧКИ. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной.

185. НИ ПИСЬМА, НИ ГРАМОТКИ ОТ МОВО МИЛОГО. Записана от М. Р. Голубковой.

186. СКОЛЬКО ВЗДОХОВ Я ВЗДЫХАЛА. Записана в 1940 г. от М. Д. Пыстиной, А. Н. Кузнецовой, Е. П. Бажуковой.

187. КАК ЗАДУМАЛ МОЯ РАДОСТЬ-ДРУГ ЖЕНИТЬСЯ. Записана от М. Д. Пыстиной, А. Н. Кузнецовой, Е. П. Бажуковой. До этого вариант был записан в 1936 г. в д. Оме от Е. П. Кокиной и вошел в сб. «Печорский фольклор».

188. КОГО К ЛЮБУШКЕ ПОСЛАТЬ. Записана в 1940 г. от И. И. Кислякова. Варианты этой песни записаны в 1938 г. от М. Р. Голубковой и в 1936 г. от Е. П. Кокиной. Последний из них включен в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Соболевский, т. IV, №№ 676—683.

189. НАКАТИЛАСЬ ТУТ ДА ТУЧА ГРОЗНАЯ. Записана в 1957 г. от М. Р. Голубковой.

190. ТЫ ЗЛОДЕЙКА-ЛИХОДЕЙКА — ЧУЖА ДАЛЬНЯЯ СТОРОНА. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной. Опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Лопатин — Прокунин, ч. 1, № 76. Песня эта использована в комедии А. Н. Островского «Бедность не порок».

191. НЕВЕСЕЛАЯ ДА ЖИЗНЬ ТОСКЛИВАЯ. Записана от М. Д. Пыстиной, А. Н. Кузнецовой, Е. П. Бажуковой.

192. МОЛОДЦУ ДЕВКА НАКАЗЫВАЛА. Записана от М. Р. Голубковой.

193. Я САМА УПРАВИЛАСЬ. Записана от К. И. Коткиной и А. Е. Поповой. Вар.: Соболевский, т. II, № 590—599; Киреевский, вып. 2, ч. 1, № 1284; Леонтьев, № 35.

194. ЗА СТАРЫМ-ТО ОНА ЖИВЕТ МУЖЕМ. Записана от М. Р. Голубковой.

195. ПОЛЕТЕЛА БЫ Я, БЕДНА, В ЗЕЛЕН САДИК. Записана от М. Р. Голубковой.

196. НАХОДИТЬСЯ БЫ МИЛОМУ ЗА МНОЮ. Записана от М. Д. Пыстиной, Е. П. Бажуковой, А. Н. Кузнецовой.

197. НЕ МОЕ ЛИ ДИТЯТКО ВО САДИКЕ ПОЕТ. Записана в 1943 г. в Большеземельской тундре, в п. Сявте от Пелагеи Беляевой. Вар.: «Летописи литературы и древности», изд. Тихомировым, т. IV, М., 1862, с. 45, № 1.

198. В РЕТИВОМ СЕРДЦЕ ГОРЮЧА КРОВЬ КИПИТ. Записана в декабре 1936 г. в Нарьян-Маре на первой окружной олимпиаде художественной самодеятельности от Е. П. Кокиной, 72 лет, из д. Омы Канино-Тиманского района. Опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Соболевский, т. II, №№ 62—67.

199. С ЭТОГО СО ГОРЮШКА ВО ЗЕЛЕН САД ПОШЛА. Записана в декабре 1936 г. в с. Верхней Пеше Канино-Тиманского района от Маруси Ивановской, 17 лет. В январе 1938 г. некоторые добавления к этой песне были сделаны М. Р. Голубковой. При публикации песни в сб. «Печорский фольклор» Маруся Ивановская была по оплошности не упомянута. Вар.: Соколовы, №№ 436—437.

200. КТО БЫ, КТО БЫ ЭТИ КЛЮЧИКИ НАШЕЛ. Записана в 1937 г. от М. Ф. Просвирниной.

201. Я ЕДИНА ДОЧЬ У БАТЮШКИ РОСЛА. Записана в 1937 г. от Паши Голубковой.

202. В ЭТИХ ЛАВИЦАХ ДОРОГОЙ ТОВАР. Записана в 1937 г. от Паши Голубковой. Опубликовано в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Киреевский, 1977, т. I. №№ 314, 315, 316.
203. Я ОДНИМ-ТО ТОЛЬКО ЛИ СГУБИЛСЯ. Записана в 1938 г. в д. Голубково от М. Р. Голубковой и Е. В. Пашковой. Опубликовано в сб. «Печорский фольклор». Вариант песни записан мною в 1940 г. в Усть-Цильме от И. И. Кислякова. Вар.: Соболевский, т. I, № 434.
204. ГОД-ТО МНЕ КАЖЕТСЯ ЗА СВОЙ ГОРЬКИЙ ВЕК. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой и Е. В. Пашковой. Вар.: Линева, вып. I, № 8.
205. ПОСОБИТЕ МНЕ ДУМУ ДУМАТИ. Записана в 1937 г. в Нарьян-Маре от Паши Голубковой. Опубликовано в сб. «Печорский фольклор».
206. ОДНОГО ТЕБЯ, МОЛОДЧИКА, ЛЮБЛЮ. Записана в Усть-Цильме от М. Я. Ермолина, 71 года.
207. ВСЕЙ СЕМЕЮШКЕ УЛАДИТЬ НЕ МОГУ. Записана в 1938 г. от А. Е. Поповой.
208. УЖ Я БИЛ ЖЕНУ, УЧИЛ. Записана от М. Р. Голубковой.
209. НА МЕНЯ, МЛАДУ, ПЕЧАЛЬ-ГОРЕ НАШЛО. Записана от М. Р. Голубковой.
210. ДА Я ДОГАДЛИВА, МЛАДЕШЕНЬКА, БЫВАЛА. Записана в 1936 г. в с. Верхней Пеше от Марии Шубиной, 16 лет. Вар.: Киреевский, вып. 2, ч. I, с. 31, № 1285; Рыбников, т. III, с. 139, 168; Соболевский, т. I, № 418.
211. ВЕРЕЯ ТЫ МОЯ, ВЕРЕЮШЕЧКА. Записана в 1938 г. от К. И. Коткиной.
212. ХУДО МОЖЕТСЯ — ГУЛЯТЬ ХОЧЕТСЯ. Записана от К. И. Коткиной и Е. И. Безумовой. Публиковалась в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Соболевский, т. II, № 525. Песня использована Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо».
213. СХОРОНИ МЕНЯ, ЛЮБЕЗНА. Записана от М. Р. Голубковой. Публиковалась в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Киреевский, 1977, т. I, №№ 272, 273, 274.
214. НОВЫЙ УЖИЩЕ НЕ СОРВЕТСЯ. Записана в 1937 г. в Пустозерске от Е. И. Шайтановой. Вар.: Рыбников, т. III, с. 151—152, 166.
215. КАК СО МУЖЕМ ЖЕНА НЕ В ЛАДУ ЖИЛА. Записана в 1940 г. от А. В. Хозяиновой.
216. ЕЩЕ ЗЛОЕ-ТО ЗЛО-НЕСЧАСТЬЕ СОСТОЯЛОСЯ. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной. Вар.: Киреевский, 1977, т. I № 293. Один из вариантов этой песни записан А. С. Пушкиным.
217. СОЛУЧИЛАСЯ БЕДА-НЕСЧАСТЬИЦЕ. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной.
218. ИСТОПИЛА ЛУША БАНЮ. Записана в 1938 г. от К. И. Коткиной.
219. Я ОТ ГОРЮШКА БЕГОМ. Записана от М. Р. Голубковой. Знала эту песню и А. Е. Попова. Существует целый цикл лирических песен о горе, преследующем молодца или девицу. Образ этот перекочевал и в литературу («Повесть о горе-злосчастии», XVII век).
220. ВСПОМЯНУ Я МОЛОДОСТЬ ТОСКОЮ-КРУЧИНОЮ. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной.

221. НЕ УПОМНИЛА, МОЛОДОСТЬ, КОГДА ТЫ ПРОШЛА. Записана от Е. П. Кокиной. Обе последние песни вошли в сб. «Печорский фольклор».

Хороводные

222. ЦАРЬ ЦАРЕВНУ ЗАМЕЧАЕТ. Записана в 1938 г. от Паши Голубковой. В заключение песни парень и девушка, находящиеся в кругу хоровода, целуются; их сменяет другая пара. Песня начинается сначала. Вар.: Рыбников, т. III, с. 147.

223. ВЕРБУ ВЕТЕР НЕ БЕРЕТ. Записана в 1936 г. от Е. П. Кокиной.

224. ЗАПЛЕТАЙСЯ, ПЛЕТЕНЬ. Записана от М. Р. Голубковой. Она относит песню к разряду «весенних».

225. ВСТАВАЙ, ПЛВА, РАНО. Записана в 1938 г. от А. Е. Поповой.

226. КТО У НАС ПРИГОЖОЙ? Записана от М. Р. Голубковой.

227. МЫ КАПУСТЫШКУ ПОЛОЛИ. Записана в 1936 г. от Паши Голубковой.

228. УТКА ШЛА ПО БЕРЕЖКУ. Записана в 1938 г. от К. И. Коткиной.

229. ОТКУЛЬ ВЗЯЛСЯ, ОТКУЛЬ ВЗЯЛСЯ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: статья В. Александрова «Деревенское веселье в Вологодской губернии» в «Современнике», 1864, июль, с. 187.

230. ПОШЕЛ-ПОШЕЛ МОЛОДЕЦ К ДЕВКАМ НА БЕСЕДУ. Записана в 1938 г. от К. И. Коткиной.

231. ПРИОДЕЖЬТЕ-КО ОЛЕНЯ, ЛЮЛИ-ЛЮЛИ. Записана в 1938 г. от М. Р. Голубковой.

232. ЛЮШЕНЬКИ ДА ЛЮБЛЮ МОЛОДЦА. Записана в Усть-Усе от С. И. Поздеевой.

233. ЧТО ЖЕ ТЫ, ИВУШКА, НЕВЕСЕЛО СТОИШЬ? Записана от М. Р. Голубковой. Эта же песня была любимой у моей матери — Матрены Степановны, урожденной Ульяновой. Она дословно совпадала с печорским вариантом.

234. Я САМА ГУСЕИ КОРМИЛА. Записана от М. Р. Голубковой.

Игровые

235. СПРОСИТ МИЛЫЙ-ОТ МЕНЯ. Записана от М. Р. Голубковой.

236. ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН. Записана от М. Р. Голубковой.

237. ЧЕРНЕЧОК ТЫ МОЙ МОЛОДОЙ! Записана от М. Р. Голубковой.

238. НА КОНЕ СИДЕЛ УДАЛЫЙ МОЛОДЕЦ. Записана от М. Р. Голубковой.

239. УЖ Я СТАНУ МОЛОДУ ЖЕНУ ДАРИТИ. Записана от М. Р. Голубковой. Опубликована в сб. «Печорский фольклор». Вар.: Соболевский, т. III, №№ 540—552.

240. МОЛОДОЙ ДОНСКОЙ КАЗАК ВО ЛУЖКАХ ГУЛЯЕТ. Записана в 1938 г. от К. И. Коткиной. Вар.: Рыбников, т. III, с. 166—167.

241. КОМУ ГУСЛЯМИ ИГРАТЬ. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Соболевский, т. II, № 164; Қиреевский, 1977, т. 1, № 375.

242. В ЛЕС ПО ДРОВЦА ПОШЛА. Записана от М. Р. Голубковой.

243. ЧТО ВО ЭТОМ ТЕРЕМОЧКЕ? Записана от М. Р. Голубковой.

244. КРАСОТА НЕОЦЕНЕННАЯ ТВОЯ. Записана от М. Р. Голубковой.

245. ПО РОСЫ МИЛОЙ ИДЕТ. Записана от М. Р. Голубковой.

246. Я У БАТЮШКИ СПРОШУСЬ. Записана в 1940 г. от С. И. Поздеевой.

247. ВЫШЛА ЛАПУШКА МОЯ. Записана в 1940 г. от М. Д. Пыстиной, А. К. Кузнецовой и Е. П. Бажуковой.

248. НА УЛИЦЕ ТРИ МОЛОДЦА. Записана от М. Р. Голубковой.

249. ВЫ ИГРАЙТЕ, ГУСЛИ-МЫСЛИ. Записана от М. Р. Голубковой.

250. КОМУ-КОМУ Я ДОСТАНУСЯ? Записана от М. Р. Голубковой.

251. КУДА, СИЗОЙ, ПОЛЕТЕЛ? Записана от М. Р. Голубковой.

252. ЗАМАНЯЕТ ПАРЕНЬ ДЕВКУ. Записана от М. Р. Голубковой.

253. Я ЗАБОТУШКУ ИМЕЛА. Записана от М. Р. Голубковой.

254. ВЫ, ГУДОЧКИ, НЕ ГУДИТЕ. Записана от М. Р. Голубковой.

255. ПОШЕЛ ВАНЮШКА НЕВЕСЕЛ. Записана от М. Р. Голубковой.

256. ДУША, МНОЙ НЕ ОБИЖАЙСЯ. Записана от С. И. Поздеевой.

257. ТО — МОЕ СЕРДЕЧКО. Записана от М. Р. Голубковой.

258. МЫ СИДЕЛИ, ПЕСНИ ПЕЛИ. Записана от М. Р. Голубковой.

259. ПРИШЛА ДЕВИЦА МИЛА. Записана от М. Р. Голубковой.

260. СТОЯЛ ДЕВОК ХОРОВОД. Записана от М. Р. Голубковой.

261. ХОРОШО С МИЛЫМ ЖИВЕТСЯ. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Рыбников, т. III, с. 145.

262. Я ПО ТРАВКЕ ШЛА. Записана от Паши Голубковой.

263. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ДУШОЙ. Записана от М. Р. Голубковой.

264. ВО САДУ ЛИ В ОГОРОДЕ. Записана в 1937 г. от Паши Голубковой.

265. ВЫШЛА ВСТРЕТИЛА МЛАДА. Записана в 1937 г. от Паши Голубковой. Отзвуки этой песни есть у Рыбникова (т. III, с. 141, № 11).

266. МОЛОДЕЦ КОНЯ ПОИЛ. Записана от М. Р. Голубковой.

267. ДЕВКА ПЛАЧЕТ И РЕВЕТ. Записана от М. Р. Голубковой.

268. ДЕВКА МОЛВИЛА СЛОВЕЧКО. Записана от М. Р. Голубковой.

269. В САДУ ДЕВИЦЫ ГУЛЯЛИ. Записана от М. Р. Голубковой.

270. НЕ РЯБИНУШКА АЛЕЕТ. Записана от М. Р. Голубковой.

271. ПОДЫМАЛАСЬ ТУЧА-ГРОМ. Первоначально была записана в с. Верхней Пеше от Маруси Ивановской и опубликована в сб. «Печорский фольклор». Сейчас текст дан с добавлениями М. Р. Голубковой. Вар.: Соболевский, т. IV, № 736; Киреевский, вып. 2, ч. I, №№ 1386—1565.

272. БЕЖАТ САНИ С КОЗЫРЯМИ. Записана от М. Р. Голубковой.

273. УЖ Я ТУ ТРАВУ ВЫКОШУ КОСОЙ. Записана от М. Р. Голубковой. Эта песня упоминается в рассказе И. С. Тургенева «Живые мощи».

274. ШИЛИ ДЕВИЦЫ КОВЕР. Записана от М. Р. Голубковой.

275. Я ВО САДИКЕ БЫЛА. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Рыбников, т. III, с. 153—155.

276. ПРИЕЗЖАЛ КО МНЕ ДЕТИНА. Записана от М. Р. Голубковой.

277. КАКОВО МНЕ ЖИТЬ В КРУЧИНЕ. Записана от М. Р. Голубковой.

278. В СЛОБОДЕ БЫЛО НЕМЕЦКОЙ. Записана от А. Е. Поповой.

279. СОРВЕМ С ТРАВОНЬКИ ЦВЕТОК. Записана от М. Р. Голубковой.

280. ВЫЕЗЖАЛА БАРЫНЯ. Записана от М. Р. Голубковой.

281. ТЫ КАТИСЬ, КОЛЕЧУШКО. Записана от М. Д. Пыстиной и А. Н. Кузнецовой.

282. У СОСЕДА БЫЛА ДОЧКА. Записана в 1938 г. от К. И. Коткиной.

283. ЖИЛИ-БЫЛИ ДВЕ НАЗВАННЫЕ КУМЫ. Записана в 1937 г. от Паши Голубковой. В вариантах, записанных от М. Р. Голубковой, последняя строка — «Под полой графин водочки пронес».

284. МАША ЖДАЛА-ДОЖИДАЛА. Записана в 1940 г. от О. С. Хозяинова.

285. ХОРОШО ПАСТУХ ИГРАЕТ. Записана от М. Р. Голубковой.

286. ИЗ МОСКВЫ ИДЕТ СОЛДАТ. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Рыбников, т. III, с. 156—157.

287. ВО ПОЛНОЧЬ ДЕВКИ ГУЛЯЛИ. Записана в 1938 г. от А. Е. Поповой.

288. ЕДЕТ ВАНЯ СО ГИТАРОЙ. Записана от М. Р. Голубковой.

289. ПРИЕЗЖАЛ ДОМОЙ БЕЗ ДЕНЕГ. Записана от М. Р. Голубковой.

290. В ЛЕС ПО ЯГОДЫ ГУЛЯТЬ. Записана от М. Р. Голубковой.

291. НЕ ХОЧУ ПЕРСТЕНЬ НОСИТЬ. Записана от М. Р. Голубковой.

292. ЗАГУЛЯЛ ПАРЕНЬ-ДЕТИНКА. Записана от М. Р. Голубковой.

293. ВОРОВСКИ ИГРАТЬ Я УХОДИЛА. Записана от М. Р. Голубковой. Вар.: Пальчиков, № 122 (пометка — «Святочная»); Рыбников, т. III, с. 162—163.

ШУТОЧНЫЕ

294. ОДНОЙ ДЕВКИ В ТОЛПЕ НЕТУ. Записана от Е. И. Шайтановой.

295. КТО ПИВЦО-ВИНЦО НЕ ПЬЕТ? Записана от К. И. Коткиной.

296. ВЕРШИНУШКА ПОДЛОМИЛАСЬ. Записана в 1940 г. от М. Я. Ермолина.

297. СДОРОЖАЛИ НА БАЗАРЕ КРАСНЫ ДЕВКИ. Записана от М. Р. Голубковой.

298. ПРИШЕЛ К ДЕВУШКАМ НЕЖДАННЫЙ ГОСТЕНЕК. Записана от М. Р. Голубковой.

299. БЕЗ МЕНЯ МЕНЯ ЖЕНИЛИ. Записана от К. И. Коткиной.

300. ЗАКРУЧИНИЛАСЬ ЕРШОВА ГОЛОВА. Записана от К. И. Коткиной.

301. КОСОГОРУШКИ КРУТЫ. Записана от М. Р. Голубковой.

Плясовые

302. МИЛ ВО СКРИПОЧКУ ИГРАЕТ. Записана от М. Р. Голубковой.

303. МНЕ КОСИТЬ БОЛЕ НЕ ХОЧЕТСЯ. Записана от М. Р. Голубковой.

304. ОДИН МОЛОДЕЦ РАСХВАСТАЛСЯ. Записана в 1940 г. от А. М. Хозяинова, 30 лет.

305. МИЛЫЙ ЖЕНИТСЯ — ВТОРОГО ПОЛЮБЛЮ. Записана в 1937 г. от Агнии Марковой, 19 лет. Публиковалась в сб. «Печорский фольклор».

306. СОБИРАЙТЕСЬ, ГОСТИ ЗВАННЫЕ. Записана от М. Р. Голубковой.

307. ОТПОЮ Я ТРАВой-МЯТОЮ. Записана в 1938 г. от А. Е. Поповой.

308. ДУМАЛ-ДУМАЛ СЕБЕ РАДОСТЬ ПОЛУЧИТЬ. Записана от М. Р. Голубковой.

Детские

309. У БАБУШКИ-ЗАДВОРЕНКИ. Записана от К. И. Коткиной.

310. БАЙКИ-ПОБАЙКИ. Записана от М. Р. Голубковой.

311. УЖ КАК СОН ХОДИТ ПО СЕНЯМ. Записана от М. Р. Голубковой.

312. СОН ДА ДРЕМА, НАКАТИТЕСЬ НА ГЛАЗА. Записана от М. Р. Голубковой.

313. КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ. Записана от М. Р. Голубковой.

314. ПЕСНЯ НЯНЬКИ. Записана от М. Р. Голубковой.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I—III. Изд. 4-е. М.—Л., 1949—1951.

Гиппиус—Эвальд — Песни Пинежья. Материалы фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. Под общей редакцией Е. В. Гиппиуса, кн. 2, М., 1937.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Издание Общества любителей российской словесности при Московском университете, под редакцией В. М. Миллера и М. Н. Сперанского.

Киреевский, 1977 — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях, т. I. Подготовка текстов к печати, статьи и комментарии А. А. Сойманова. Изд-во «Наука», Л., 1977.

Линева — Великорусские песни в народной гармонизации. Записаны Е. Линевой, текст под редакцией Ф. Е. Коржа, Спб., вып. 1, 1904, вып. 2, 1909.

Лопатин — Прокунин — Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина, 1889.

Львов — Прач — Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. Под редакцией и со вступительной статьей В. М. Беляева. М., 1955.

Ончуков — Ончуков Н. Е., «Печорские былины», 1904.

Пальчиков — Крестьянские песни, записанные Н. Пальчиковым в с. Николаевка Мезенского уезда Уфимской губернии. Изд. 2-е. М., 1896.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е под редакцией А. Е. Грузинского, т. I—II, М., 1909, т. III, М., 1910.

Соболевский — Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевским, т. I—VII, Спб., 1895—1902.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.

Чулков — Чулков М. Д. Собрание разных песен, ч. 1, 2 и 3 с прибавлением. Спб., 1913.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Леонтьев. Певучие думы народа	5
--	---

БЫЛИНЫ

1. Илья Муромец	11
2. Первая поездка Ильи Муромца	15
3. Святогор и Илья Муромец	22
4. Про смерть Святогорову	25
5. Про Сокольника	26
6. Илья Муромец и Сокольник	31
7. Илья Муромец и Сокольник	35
8. Идолище в Киеве	41
9. Илья Муромец в опале у Владимира	43
10. Про солнышко Владимира	47
11. Про женитьбу Владимира	52
12. Добрыня и Калин-царь	57
13. Дунай Иванович и Батуй Кайманович	61
14. Василий — царь турецкий и Соломон	67
15. Про Луку Степановича	73
16. Про Ивана Горденовича	78
17. Добрыня и Маринка	84
18. Про Дюка сына Степановича	87
19. Дюк Степанович	91
20. Потанюшка Хроменький и Кострюк Темрюкович	99
21. Про Ивана Годиновича (отрывок из былины)	102
22. Про Ивана Годиновича (отрывок из былины)	103

ПРИЧИТАНИЯ

Воинские	107
О старой горькой жизни	114
Похоронные	122
Свадебные	127

ПЕСНИ

Исторические	147
Разбойничьи и потюремные	159
Рекрутские и воинские	163
Праздничные винограды	181
Свадебные	185
Лирические	203
Хороводные	259
Игровые	269
Шуточные	316
Плясовые	320
Детские	328
Примечания	332
Сокращения, принятые в примечаниях	350

ПЕЧОРСКИЕ
БЫЛИНЫ
И ПЕСНИ

Редактор
В. К. Лиханова
Оформление художника
Р. С. Климова
Художественный редактор
В. С. Вежливцев
Технический редактор
Н. Б. Буйновская
Корректоры
Н. К. Галкина,
Н. С. Дурасова,
А. А. Фонтейнес

Сдано в набор 18/VII
1979 г. Подписано в пе-
чать 2/X 1979 г. Форм.
бум. 84×108/32 (бумага
тип. № 1). Физ. печ. л.
11,0. Усл. печ. л. 18,48.
Уч.-изд. л. 19,485. Ти-
раж 25.000. Сл. 01000.
Зак. 6589. Цена 2 р. 10 к.
Северо-Западное книжное
издательство, Архангельск,
пр. П. Виноградова, 61.
Типография им. Склепина
издательства Архангель-
ского обкома КПСС, Ар-
хангельск, набережная
В. И. Ленина, 86.

